

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Марина Акимова (зав. отделом поэзии)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Дмитрий Рябов (зав. отделом публицистики)

7/2015

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

Содержание

ПРОЗА

- Олеся ЯНГОЛ, Виталий КОВАЛЁВ. Осколки счастья.** Повесть. 3
Геральд МЕЕР. Яков и Анна. Повесть. 70
Представляем молодых
Виктория БУРБИЛОВА. Седой. Рассказ. 121

ПОЭЗИЯ

- Наталья АХПАШЕВА. Транссибирское.** Стихи. 65
Яков МАРКОВИЧ. «Реки мои до боли...» Стихи. 118

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Михаил ЛАПТЕВ. Дальнебойная ночь.** Стихи.
Предисловие Андрея Урицкого. 123

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир СКРАЩУК. Школьный журнал «Черные крылья».**
Частный случай борьбы идеологий в период сворачивания НЭПа. 128
Станислав ЕРМОЛЕНКО, Сергей ПЕТУНИН,
Ангелина ЮМИНА. Издано в Новосибирске. 1941 — 1945...... 146

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Дмитрий ВОЛОДИХИН. Сибирь неисчерпаемая.**
О книжной серии «Сибиряда». 184

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Светлана ГОЛИКОВА. Рисунки Веры Штейн.** 189

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Олеся ЯНГОЛ
Виталий КОВАЛЁВ

ОСКОЛКИ СЧАСТЬЯ

Повесть*

ГРАНЬ ПЕРВАЯ. ЛЕТО

Под звездами

Звездными ночами мы зажигали на поляне перед домом костер. Огонь отбрасывал на дом и деревья отблески света.

Диана смотрела на искры, легко летящие к небу. Черное небо словно притягивало их к себе, и искры, смешиваясь над головой со звездами, горели еще некоторое время и гасли. Диана любила смотреть на ночное небо. Она верила, что там сейчас душа ее мамы, а свет звезд — это свет ее глаз. От этих мыслей Диане становилось легче. Ведь если это так, то мама всегда рядом, не только на фото в ее комнате. А если протянуть руку к небу и зажмурить один глаз, то можно коснуться какой-нибудь звездочки пальцем.

Я делал последние приготовления на кухне. Сегодня решил пожарить шашлык, как мы когда-то делали с Ингой. С утра уже было замариновано мясо. Я не люблю готовое, из магазина, стараюсь приготовить все сам. Добавляю побольше луку, специй, солю, спрыскиваю лимонным соком и накрываю до вечера. А вечером...

— Пап, у меня в животике уже машинки урчат, — кричит Дианка у костра.

— Скоро уже. Ты следи за мангалом. Как там дела? Нам понадобятся хорошие угли.

— Углей уже много.

Нарезая хлеб, я услышал слова Дианы, чуть приостановился и посмотрел на нее через окно. На поляне, в круге света от костра, под высокими темными березами она казалась совсем маленькой.

«Какое счастье, что она есть», — подумал я.

* Журнальный вариант повести в новеллах «Побережье наших грез».

Устроились мы на бревне, оставшемся от ствола большой, поваленной когда-то березы. Диане это нравилось. Кто же сидит у костра на лавке? Днем, возле дома или под сиренью, где у нее был устроен летний столик для рисования, можно и на лавке устроиться. А ночью у огня надо сидеть на бревне, чувствовать шершавую кору, касаться спила дерева. На этой березе Дианка насчитала около восьмидесяти колец. Потом долго пыталась меня вопросами, что было на этом месте восемьдесят лет назад, кто посадил дерево и что будет через восемьдесят лет на этом месте.

Об этом я и сам часто подумывал. Вполне возможно, что дом здесь будет стоять, а в доме будут жить совсем незнакомые люди. Будет ли жива через восемьдесят лет Диана? Ей к тому времени было бы восемьдесят девять. Могу ли я такое представить...

Вопросов у Дианы в запасе было всегда много. Они рождались, словно головастики в пруду. Разбегались во все стороны, касались разных предметов и событий. И на всякий вопрос я старательно находил ответ. Отмахиваться от вопросов в нашей семье было не принято.

На шампурах мясо шипело и румянилось, костер потрескивал от капавшего в огонь жира. Диана чувствовала, что такие вечера — это не просто ужин, а особый ритуал, связывавший с мамой незримой нитью. Я часто ей рассказывал про наши с Ингой вечера у костра, на этом же самом месте. И сейчас всё как тогда. Вот здесь она сидела... Диана коснулась рукой ствола березы. Вокруг те же самые деревья, а над головой — те же самые звезды. Вон та изогнутая ветка была и тогда и так же казалось, что звездное небо кружится над головой... Дианка закрыла глаза и представила, что прижимается к маме, и вдруг ей показалось, что она почувствовала легкое прикосновение к волосам.

— А я помню маму, — сказала она.

Я посмотрел на нее: голова запрокинута вверх; кажется, что звезды отражаются в ее глазах.

— Где ты, мамочка? — произнесла она, глядя в небо. — Будь, пожалуйста, на какой-нибудь звездочке!.. Пусть я даже не буду знать, на какой, но ты просто будь над нами с папой!

— Я тоже помню, — сказал я, поглаживая ее волосы. — И никогда не забуду...

Я вошел в спальню Дианы, чтобы выключить свет, и увидел, что она уже спит. На кухне заварил кружку крепкого индийского чая и вышел с ней из дома. Море бесшумно лежало в темноте за стволами сосен. Ночной ветер был прохладен и пах морем. Кружка согревала ладони; поднося ее к губам, я всем лицом ощущал тепло ароматного горячего чая. Вглядываясь во тьму, я заметил с правой стороны залива огонек маяка. Я вспомнил, что однажды мы с Ингой стояли на этом же самом месте и видели эти вспышки маяка. Да, всё как тогда.

— Инга!.. — крикнул я в темноту.

Рисунок на плече

Середина августа оказалась непривычно жаркой. Пляж был полон людей, их голоса слышались через раскрытые настежь окна.

Горячий луч солнца медленно и лениво скользнул по заспанному лицу Дианы. Щека и кончик носа покрылись бисеринками пота. Капелька, щекотно перекатившись на верхнюю губу, заставила пошевелиться и раскрыть тяжелые после сна веки.

— Уф! Ну и жара!

Дианка, согнув ноги в коленях, откинула легкое одеяло и тут же вспомнила о куске арбуза в холодильнике. Она потянулась, села в кровати и выглянула в открытое окно.

Море, словно сонная синяя колыбель, покачивало отяжелевших от зноя чаек, едва-едва набегая медленными волнами на горячий песок. Сосны казались свежими, а вот острая осока на песчаном берегу уже беспомощно поникла, подставляя белесо-матовую, словно покрытую солью, поверхность солнцу.

Из кухни доносились привычные звуки и запахи. Шкворчание глазуньи и аромат свежезаваренного кофе окончательно разбудили Диану. Она зевнула и с наслаждением коснулась пятками прохладного деревянного пола. Звонко шлепая босыми ногами, побежала в ванную, на ходу крикнув:

— Мне с глазком!..

Быстро позавтракав, она понеслась на пляж, с разбегу кинула пляжную сумку на песок в тени ивы, скинула сандалии и забежала в воду. Чтобы как следует окупаться, надо было пройти чуть дальше. Весело разбрызгивая воду, она зашагала вперед по ребристому песчаному дну. Чем дальше она заходила, тем тише и спокойнее становились ее мысли. Ей казалось, что она слышит свое дыхание и ровный стук сердца. Прохладная вода плещется у самой груди, руки касаются гладкой поверхности, тело наполняется легкостью, а глаза слепят отблески солнца, отраженного мелкой рябью на воде...

Отсюда, со стороны моря, берег казался таким далеким. Голоса людей на берегу едва слышны. Бледно-желтая кайма песка с голубыми скамейками яркой полосой тянулась вдоль соснового леса. А прямо перед ней, за высокой дюной, среди неподвижно замерших сосен — ее дом.

Диане нравилось из воды наблюдать за пляжной жизнью. Казалось, что она смотрит цветное немое кино, слышит только плеск воды и резкие крики чаек над собой, а там, впереди, другая жизнь: маленькие фигурки людей гуляют вдоль берега, изредка проезжают на велосипедах или идут спортивным шагом со специальными палками, которые Дианка шутя прозвала «бродилками».

Среди привычных ей загорающих она сразу же выделила одну женщину.

Обычно незнакомка выбирала местечко в тени разросшихся на дюнах ивовых кустов. Из ящичка с широким наплечным ремнем она доста-

вала планшет, бумагу, краски, долго сидела, задумчиво наблюдая за волнами, а потом брала кисть и рисовала. Диану тянуло посмотреть, что она рисует. Она и сама любила рисовать, и художники — женщина, судя по всему, была настоящим художником — в ее воображении были людьми таинственными.

Сегодня женщина расположилась неподалеку от местечка Дианы, на старом деревянном, просоленном морем бруссе. Диана нырнула под воду и, перебирая руками по дну, добралась до берега, подбежала к своей вязаной сумке ярко-травяного цвета, достала стеклянную банку, наполненную чем-то темным, и снова побежала к морю. Зайдя в воду, она вытряхнула содержимое банки в набежавшую волну. Вернувшись к своим вещам и опустившись коленями на горячий песок, она услышала за спиной:

— Девочка, а что за грязь ты бросила в воду? Здесь же люди купаются. Как можно сорить в таком месте...

Диана оглянулась и увидела полную женщину в черных очках и ярком, цветастом (попугаистом, подумала про себя Дианка) купальнике. Рядом копался в песке мальчишка лет пяти.

— Я не сорила, — ответила ей Диана.

— Я видела! Ты сыпала в воду какой-то мусор из банки.

— Это не мусор, а сосновая смола.

— А зачем ее надо сыпать в воду?

— А чтобы через пять миллионов лет из нее получился янтарь.

— Какая глупость! — рассмеялась женщина, а мальчишка возле нее перестал играть и посмотрел на Диану.

— Совсем не глупость, — возразила Диана. — Я сама видела, как вы пытались найти янтарь. А если бы нашли? Ведь он мог бы быть кусочком смолы, который бросила в море какая-нибудь девочка пять миллионов лет назад?! Представляете, пять миллионов лет назад она держала этот кусочек смолы в своих руках! И теперь вы держите янтарь.

— Да... — покачала головой женщина. — Вот что происходит с детьми, когда им задурают голову всякими глупостями и сказками.

— Мне с вами неинтересно, — сказала Диана и отвернулась.

— Ты еще и хамка! — вскипела женщина.

Но Диана не обращала на нее больше внимания. Ей только жаль стало мальчишку, который играл возле нее на песке.

Девочка легла животом на горячий песок и посмотрела на женщину с этюдником. Та сидела к ней боком и, казалось, была поглощена рисованием. Темные и длинные волнистые волосы скрывали лицо. Какое-то внутреннее упрямство прямо-таки подталкивало Дианку сделать нечто такое, что могло заинтересовать незнакомку.

Она достала из сумки блокнот, который повсюду носила с собой, куда записывала стихи. Диана уже целый год их сочиняла и, как только папа научил ее читать и писать, решила, что станет писателем. Рассказы пока не давались, а вот стихи приходили в голову часто. Их-то она и записывала.

Полистав странички, она не нашла ничего подходящего и решила сочинить что-то новое. Но тут, почувствовав, как песок обжигает ее тело,

вскочила, громко ойкнула, запрыгала на одной ножке и сделала на песке колесо. Незнакомка медленно обернулась, с улыбкой оглядела Диану и снова углубилась в работу.

В этот момент Дианке пришло в голову стихотворение про море. Оно оказалось несуразным, но очень ее развеселило, и она, делая вид, что бурчит себе под нос, нараспев произнесла, словно пробуя слова на вкус:

— Море бывает синим, море бывает черным...

Подставив лицо солнцу, она продолжила:

Море бывает красным,
Море бывает желтым,
Море бывает всяким,
Даже совсем зеленым...

На последней фразе рука художницы замерла над листом бумаги, плечи ее чуть дрогнули, как если бы она рассмеялась. Диана решила, что стихи знакомке понравились, во всяком случае произвели впечатление.

Она снова легла на песок, поболтала ножкой в воздухе, еще раз вздохнула и, перевернувшись, села на колени.

Незнакомка продолжала рисовать. Вдруг внезапный порыв ветра сорвал лист бумаги с планшета — и незаконченная акварель, словно белая чайка, стремительно полетела к Дианке. Та вскочила, едва успев у самой воды схватить акварель, подбежала к художнице и, часто дыша, с улыбкой протянула ей рисунок.

— Спасибо! — сказала художница, взглянув на Диану из-под полей шляпы. — Эти бумаги совсем разбаловались и взяли моду летать... как птицы. Им только дай волю...

Она вложила рисунок в планшет и достала новый лист.

Диана присела возле нее и, почти касаясь своим плечом ее горячего загорелого плеча, стала смотреть на стремительно появляющийся на листе бумаги пейзаж. Вот едва намеченный горизонт плавно перешел в далекий голубой мыс. Два легких мазка превратились в туманный маяк. Рука на мгновение застыла, потом решительно провела широкой кистью полосу ярко-синего цвета, и Диана увидела перед собой на картине барашки волн и ослепительные блики на воде.

— Ух ты! — не удержалась она от восхищения. — Настоящая вода! Вас акварель слушается, а у меня делает только то, что ей самой хочется.

— Рисуй чаще — и ты с ней подружишься.

— Да, настоящая вода. Так и хочется нырнуть!

— Видела, как ты ныряла. Здорово у тебя получается.

— Это мне легко, — заверила ее Дианка. — У меня башка полна мыслей, вот она и перетягивает вниз.

Дианка побежала к морю и стала набирать в пригоршню маленькие ракушки. Их хрупкие резные створки белыми вкраплениями выделялись на мокром песке. Набрав целую горсть, она вернулась к бревну, села на

песок рядом с художницей и начала выкладывать нечто, понятное только ей: затейливые спиральки превратились в причудливые волны, над волнами она выложила рыбку, над рыбкой поместила лучистое солнце...

Внезапно она вздрогнула, почувствовав прикосновение. Художница, едва касаясь девочки, кончиком кисти рисовала на ее плече красный цветок. Дианка чуть повела плечом. Ей стало щекотно.

— А меня зовут Дианка, — сказала она.

— Очень красивое имя. И сама ты очень красивая.

— А как вас зовут?

— Давай я свое имя напишу тебе на плече, чтобы ты не забыла. Как думаешь, каким цветом пишется мое имя?

— Синим, — сразу же ответила Диана.

— Поразительно! — удивленно произнесла женщина. — Мое имя надо писать только синим цветом.

Диана снова почувствовала, как ее плеча коснулась прохладная кисточка. Ей было щекотно и так приятно, что хотелось, чтобы имя не заканчивалось как можно дольше. Она приподняла локоть и, чуть потянув нагретую солнцем кожу, увидела синим цветом написанное имя — Инта.

Она чуть озадаченно посмотрела женщине в глаза и вздохнула.

— Что не так? — спросила та, удивленно приподняв брови.

— Я хотела еще искупаться.

— Так искупайся.

— Цветок смоеся, — сказала Дианка.

— Зато я не смоюсь. Даю тебе честное слово, что, когда ты вернешься, я буду здесь и нарисую тебе на плече что-нибудь еще. Договорились?

Дианка кивнула головой.

— И обещаю, что вечером не поленишься пойти в душ. Ты всегда... ну-у... почти всегда сможешь меня здесь найти.

Дианка встала и улыбнулась.

— Я пойду, — сказала она.

— Давай. И не заплывай далеко. А то я рисую, мне некогда следить за тобой.

Дианка побежала по горячему песку и с разбегу влетела в прохладную воду.

Осколки счастья

— Диана, может, пойдем домой? Смотри, какая туча!

— Папа, она еще далеко. Мы ведь только пришли.

Пляж никогда не был переполнен людьми. Этим он мне и нравился. Середина и конец лета считались пиком сезона, но здесь всегда царил покой. У моря хорошо думалось. Я приподнялся на локте и посмотрел на потемневшее море под темной грозовой тучей. Несколько человек сидели у пляжного кафе под белым тентом, над которым на длинном флагштоке вилась на ветру белая лента. Оттуда слышалась музыка.

Туча неумолимо приближалась, но солнце, светившее в вышине, прятаться не торопилось. Не спешили расходиться и люди. Они изредка по-

глядывали на тучу и, наверное, надеялись, что она пройдет мимо. Однако ветер усилился, и вскоре первые капли дождя захлопали по песку.

Мы с Дианой, схватив в охапку вещи, побежали в сторону кафе. Белый шатер уже был переполнен. Играла музыка, слышался возбужденный смех людей. Здесь царила особая атмосфера, свой внезапно устроенный мирок. Незнакомые еще минуту назад люди улыбались друг другу, делились впечатлениями, передавали с рук на руки детей, вытирали их полотенцами и усаживали на свободные места. Другие дети весело прыгали под струями дождя, пронизанными солнечными лучами.

Резко потемнело, и небо над морем, ослепительно вспыхнув, с грохотом раскололось. Похолодало.

— Что тебе взять? — спросил я Диану, направляясь к стойке.

— Сок и булочку, — ответила она. — И возьми коробку конфет — вечером чаю попить.

Диана лохматила мокрые волосы, вытирая их большим махровым полотенцем, и смотрела в полиэтиленовое, залитое струями дождя окошко.

— Ну и тучища... Я даже поплавать не успела, — недовольно пыхтела она, когда я вернулся к столику.

Тут Дианка заметила в толпе людей ту самую художницу. Она чуть помедлила и вдруг, неожиданно для самой себя замахав ей рукой, крикнула:

— У нас есть место... Идите сюда!

Я тоже заметил незнакомку. Ее нельзя было назвать красавицей. Привлекательной ее делало спокойное выражение лица и прямой взгляд карих глаз. На ней была свободная белая рубашка навыпуск и короткие джинсовые шорты. Оглядев занятые столики, она посмотрела на Диану и мельком на меня.

Незнакомка прошла между людьми у стойки и села рядом с нами за один столик. Она положила пляжную сумку на мокрые от дождя колени и стала в ней что-то искать.

— Привет, Инта! — сказала ей Дианка, так резко навалившись на столик, что чуть не опрокинула вазочку с цветами. — Ты помнишь меня? — спросила она. — Ты мне еще цветок на руке нарисовала. Только он сразу смылся под душем.

— Я помню тебя, — не переставая рыться в сумке, произнесла незнакомка с несильным латышским акцентом и добавила: — Очки потеряла! Вот что значит неудачница...

— А ты разве неудачница? — спросила ее Диана по-латышски.

Та взглянула на нее.

— А что, разве по мне не видно? — ответила она, тоже переходя на латышский, и добавила: — А ты хорошо говоришь... Без акцента.

— У меня мама была латышка. И я тоже почти латышка. Папа рассказывал, что говорить я начала сразу на двух языках, вперемешку. Вот было бы смешно, если бы они потом у меня не разделились.

Дианка стала распаковывать коробку с конфетами.

— Я кофе возьму, — предложил я. — У нас и конфеты есть.

— Спасибо! Я ничего не хочу, — ответила девушка, переходя на русский.

— Зря... А я попробую конфету. Они очень вкусные! — заметила Дианка, отправляя конфету в рот. — А ты сегодня не рисуешь?

— Диана, почему ты обращаешься на «ты»? — спросил я ее чуть укоризненно.

— А я и не заметила, — ответила дочь, хватая еще одну конфету, и, повернувшись к незнакомке, продолжила: — А это мой папа. Он писатель. Владимир Асаров. Ты читала его? Сейчас папа пишет новую книгу, но я не буду рассказывать, про что она. Это наш секрет.

— А ты сама читаешь то, что пишет твой папа?

— Я не только читаю, но и помогаю ему писать, — серьезно и с достоинством ответила Дианка.

Инта перевела взгляд на меня. Слова Дианы ее чем-то рассмешили. Она, еле сдерживая улыбку, посмотрела на мои руки.

— Так вы пишете книги? — спросила она.

— Приходится.

— А мне приходится писать картины маслом.

— Смотрите, а я стихи пишу. Видите, мы все — пишем! — воскликнула Дианка, надкусывая еще одну конфету.

— Ты же хотела их оставить на вечер, — заметил я.

— Сейчас закрою коробку. Только еще парочку возьму. Эх, — вздохнула Дианка, доверительно приблизившись к Инте, — трудно мне остановиться. Я не пью и не курю, потому что знаю — стоит мне только попробовать, я не смогу остановиться.

— Я тебя понимаю, — сказала Инта. — Я сама такая же.

— Так... закрыть и сохранить! — сказал я.

— Папа, надо говорить наоборот — сохранить и закрыть.

Инта засмеялась.

— Ладно, подруга, можешь обращаться ко мне на «ты», — разрешила она Диане. — А действительно, не выпить ли нам кофе?..

— Сейчас возьму, — сказал я. — Какой вам, черный или со сливками?

— Диана, какой посоветуешь? — спросила Инта.

— Black! Only black! — ответила Дианка.

— Да, — кивнула головой Инта, — теперь я окончательно поняла, что с тобой не соскучишься.

Очереди у барной стойки не было, и я быстро вернулся с двумя чашечками горячего кофе. Дождь почти закончился, в матовое окошко светило солнце и золотило плечо Дианы.

— Хорошо, что ты не рисовала сегодня, — сказала Диана Инте. — У тебя вся бумага бы промокла.

— Наоборот! Знаешь, какие эффекты бывают от дождевых капель! Я несколько раз рисовала акварелью под дождем. Здорово получилось. Но сегодня у меня был день замыслов.

— Это как?

— Ну-у... придумывала что-то новое. Подмечала детали.

— А что ты сегодня подметила? — поинтересовалась Дианка и сделала глоток сока.

— Сегодня было много интересного. Хотя бы эта неожиданная гроза... Маленькое событие, взбудоражившее людей, оживившее их. Смотри, как они общаются друг с другом — мокрые, забившиеся под этот тент... А ведь совсем еще недавно они сонно сидели на берегу, совершенно незнакомые и погруженные в свои мысли. Я стараюсь все запоминать. Ведь никогда не знаешь, что тебе потом пригодится. Так и сегодня — запоминала атмосферу кафе, людей.

— А меня ты запомнила? — спросила Диана.

— Еще бы! И тебя, и папу твоего. То, как он искал тебя среди остальных — мокрые волосы, радостно-возбужденное лицо, в руке дымящаяся чашечка с кофе. А как все озарялось при вспышках молнии... Вот бы передать этот свет! Посмотри — у входа девушка в черном купальнике сушит волосы, а за ней темное грозное небо. А вон там, дальше, в проеме двери видно, как за пеленой дождя вдоль моря бежит парень... Это же целая картина!

Инта была возбуждена, это чувствовалось по ее темным, горящим глазам.

— Как много ты успела заметить! — удивилась Дианка. — Пап, у Инты только что родилась картина.

Инта отпила кофе и посмотрела мне в глаза.

— Я в последнее время мало читала и совсем не в курсе... Ваши книги я не читала.

— У меня издана всего одна книга.

— Папина книга называется «Архитектура рая». Мы вместе придумали название, — заметила Дианка.

— Вот как!.. — задумалась Инта. — Это фантастика?..

— Нет. Вы слышали выражение — «потерянный рай»? Мне захотелось описать мир, в котором рай не был бы потерян. Захотелось показать, каково это — жить в состоянии счастья.

— Удивительно, но я тоже часто думала об этом, — сказала Инта. — Мы привыкли к миру, в котором живем, но иногда мне удавалось увидеть многое вокруг себя словно новыми глазами. Я смотрела на коробочки-дома, на коробочки на колесиках — машины. И весь город — в ниточках-проводах. Если честно, то все какое-то несуразное, мелкое... Но как мы можем знать, каким мог бы быть иной мир?

— Папа, — повернулась ко мне Дианка, — хорошее название — «Иной мир».

Я улыбнулся ей и погладил по голове.

— Как мы можем знать?.. Взгляните на эту вазочку с цветами. Она может разбиться, превратиться в горсть осколков. Но по ним можно представить, какой была вазочка. Надо только собрать все осколки и расположить их в нужном порядке. В нашем мире случаются только проблески счастья. Осколки счастья... Но если к ним приглядеться, если их правильно сложить...

— Рай. Счастье... Иногда я тоже думала об этом. Но не наскучит ли человеку состояние постоянного счастья? Ведь если что-то постоянно, то ты к этому привыкаешь, перестаешь замечать и ценить.

— Здоровье тоже не замечаешь — замечаешь боль. И воздух не замечаешь — замечаешь его отсутствие. Нет, я не думаю, что счастье может вызвать скуку... Чувство счастья не может приестся человеку точно так же, как не может приестся здоровье. Быть счастливым — значит быть здоровым. Скуку вызывает не счастье, а однообразие. Человеческая жизнь, например, очень однообразна. Бежишь на работу, бежишь с работы, все праздники кем-то расписаны для тебя. В нашем мире человек связан тысячами пут. И ведь мы не живем, а гонимся за добычей... По одной и той же дороге, каждый день.

— А как же быть с радостью труда, трудовым энтузиазмом? — насмешливо прищурилась Инта.

— Это при капитализме-то? — вздохнул я.

— Вы правы, — сказала вдруг Инта серьезно, — мы не живем.

— Ты пей свой кофе, а то он совсем остынет, — сказала Инте Дианка. — Покажешь мне картину, когда нарисуешь? Эту... про грозу.

— Тебе покажу первой.

— Ага! — одобрила Диана. — А папе — второму... Потом уже можно показать и всем остальным. А как ты ее назовешь?

— Не надо о ней больше говорить. А то можно выговориться... и ничего не получится. Да и рисовать будет скучно. Нарисую — тогда увидишь. Говорить о замысле нельзя.

— Точно! Со мной был такой случай... — согласилась Дианка. — Я однажды придумала сказку и, прежде чем записать, стала рассказывать папе. Во всех подробностях рассказала, у меня даже язык устал. А когда кончила рассказывать, мне сказку записывать уже не хотелось. Эта сказка меня умучила.

— Наверное, и твоего папу она тоже умучила, — рассмеялась Инта.

— Ему она понравилась... и даже дала какую-то идею. Папа сейчас пишет новую книгу. Она называется... Папа, можно?.. Она называется «Дневник Адама», но я никому не скажу, о чем она, — сказала Диана и, придвинувшись к Инте, заговорщически зашептала: — А ты только на море рисуешь? Тут есть одно место — необыкновенное, о котором никто не знает. Папа мне недавно рассказал о нем. Это за рекой. Там большой лес, в лесу гора... Но про это нельзя говорить, а то все туда понабегут... Давайте все вместе туда пойдём? Ты будешь подмечать всякие детали и придумаешь новую картину. Правда, здорово? Папа, ты слышал, что мы с Интой придумали? Мы все вместе идем в поход!

— Ну вот, ты уже все решила, — усмехнулась Инта. — Это, наверное, очень секретное место, и папа хотел показать его тебе одной.

— Диана права, — согласился я. — Можно устроить пикник, когда у вас будет время.

— Ха!.. Время — это единственное, что у меня есть.

— С ночевкой!.. — обрадованно хлопала в ладоши Дианка. — Инта, ты когда-нибудь ночевала на лесной горе?

— Никогда.

— Вот!.. Это же необычная гора. А ночью она еще необычнее! Папа, мы с Интой хотим пойти туда с ночевкой...

От возбуждения Диана так подскочила, что снова толкнула столик, и я едва успел подхватить вазочку с цветами.

— Диана, не круши тут все. Успокойся, — сказал я ей и добавил: — Действительно, почему бы и нет... Ну что, устроим себе праздник? — спросил я у Инты.

— Отлично! — улыбнулась Инта. — Пусть будет праздник!

— Ура!.. — закричала Дианка, подскакивая. Столик накренился — и тут же послышался звон разбившейся вазочки.

Диана посмотрела на осколки, перевела невинный взгляд на нас с Интой и невозмутимо сообщила:

— Она упала!..

— Какая она смешная! — рассмеялась Инта. — Пожалуйста, не ругайте ее. Я так давно не смеялась!..

Ведьмина гора

— Э-ге-ге-е-ей!.. — Дианка с криком носилась по разогретому жарким солнцем полю. — Папа, почему ты не говорил, что у тебя есть знакомый с лодкой? Это же так здорово!

— У меня в запасе есть еще много сюрпризов. Зачем мне тебе все раскрывать?.. Ну что, перейдем поле, а там и лес, о котором я рассказывал.

— Как она радуется! — улыбнулась Инта. — Ради одного этого стоило сюда приплыть. Она такая смешная! Мне кажется, я такая же в детстве была.

— Помню, когда она была еще совсем маленькая, увидели мы бабочку. Я что-то бабочке сказал, а Дианка и говорит: «Что ты с ней разговариваешь? Она ведь тебя не понимает. Она же латышка».

— За детьми надо записывать. Такое не придумаешь.

— Давайте понесу, — предложил я, увидев, как Инта набрасывает на плечо лямку этюдника.

— А-а... — Она махнула рукой. — Он легкий. Сегодня я взяла самый маленький из своего арсенала. Художник должен сам нести этюдник.

— Э-эй! — замахала нам руками убежавшая далеко вперед Дианка. — Чего вы там так медленно идете! Давайте скорее!

По едва заметной тропинке мы подошли к высокой стене темного елового леса. Заходящее солнце очертило округлые края облаков ярким контуром расплавленного золота. Казалось, что за лесом вздымаются к небу купола чудесного, наполненного солнечным светом хрустального города.

— А вы показываете свои работы на выставках? — спросил я Инту.

Она стояла рядом и как зачарованная смотрела на лес.

— Раньше часто выставлялась, а сейчас больше просто продаю, да и то — по необходимости. С картинами всегда жалко расставаться, но жить-то надо.

— Диана рассказывала, как вы рисуете. Вы для нее — звезда.

— Звездой никогда не была. В художественной школе Птичкой прозвали. Так что я — птичка... — Инта раскинула руки и плавно взмахнула ими, словно крыльями.

Подбежавшая к нам Дианка схватила Инту за руки и стала кружить вокруг себя.

— Подожди!.. Я сейчас упаду, — смеялась Инта. — Что ты делаешь!

— Я раскручиваю тебя на звезду, — засмеялась Дианка и, отпустив ее руки, подбежала к сумрачному лесу. — А куда вы с дедушкой заходили? — спросила она.

— Видишь тропу? — показал я в темноту между стволами. — Мы пойдем по ней, только далеко вперед не убегай.

— Здесь есть волки?

— Нет. Но есть лисы.

Мы вошли в лес, низко пригибаясь под ветвями. Было тихо. Густой, мягкий ковер еловых иголок и шишек устилал темную сыроватую землю. Пройдя между замшелыми стволами, мы стали спускаться в низину. Стало еще темнее. Из глубины леса доносился далекий крик кукушки. Мы шли, перешагивая через узловатые корни и стволы поваленных деревьев.

— Папа, впереди целый завал, — сообщила Дианка, — там надо уже под деревьями пролезать.

— Мы не заблудимся? — взглянула на меня Инта.

— Да, завел я вас... Не думал, что лес стал таким. Но скоро выйдем на открытое место.

— Мне как раз нравится, — возразила Инта. — Здесь волшебно!

— Какой непролаз! — пропыхтела Дианка, пролезая под стволом дерева. — Здесь лучше идти на четвереньках.

— Вот это, Диана, и есть дремучий лес, о котором мы с тобой в сказках читали.

— Дремучий — это, наверное, потому что он незаметно усыпляет, удремывает, — осторожно втягивая носом воздух, произнесла Диана. — Чувствуете, как тут елки пахнут? Мне уже спать захотелось. Папа, а ведьма здесь тоже есть?

— Здесь есть «ведьмины гнезда».

— Что это? — тихо спросила Дианка, беря Инту за руку.

— Скоро увидишь.

— Не бойся, Диана, — успокоила ее Инта, присаживаясь на ствол дерева, перегородивший нам путь. — Пусть мужчины боятся ведьм, а мы, женщины, всегда найдем с ними общий язык.

— Устроим привал, — сказал я, присаживаясь рядом.

— И она меня не схватит, если встретит на тропинке? — спросила Дианка.

— Конечно, нет, — заверила ее Инта. — Она внимательно приглядится и увидит, что ты тоже маленькая ведьмочка. Вон как ты на нее похожа —

в волосах паутинка, нос в цветочной пыльце... Я нарисую такую картину и назову «Лесной песней». Знаешь какую-нибудь ведьмочкину песню?

— Сейчас придумаю... Ага! Вот! Придумала! — И Дианка запела:

Я маленькая ведьмочка,
Я по лесу иду
И страшенькую песенку
Я страшенько пою...

— Садись с нами, — улыбнулась Инта.

— Нет, я буду грибы искать.

Диана подошла к краю лесного оврага и прислушалась к далекому шуму деревьев над головой и плеску ручья на дне оврага. Там, внизу, среди корней горели яркие щепочки оранжевых лисичек.

— Папа, а здесь нет папоротников, о которых ты рассказывал, — сказала Дианка и стала спускаться вниз.

Инта посмотрела на меня. Я сидел, поглядывая в глубину леса.

— Интересный вы человек, — сказала она. — Совсем ничего о вас не знаю. Вы всё больше молчите.

— Марк Твен говорил: «Лучше молчать и казаться глупым, чем открыть рот и развеять все сомнения»... Знаете, у меня есть идея: что это мы выкаем друг другу. Да еще в лесу... С друзьями Дианы можно говорить и на «ты».

— Замечательно! Я никогда не забуду, что это произошло в лесу, когда мы сидели на стволе поваленного дерева.

— Ну вот, теперь как будто мы с тобой сто лет знакомы!

— Хорошо, пусть будет сто, — рассмеялась Инта. — Кто его знает... Есть ведь теории, что мы проживаем много жизней, в каждой из них встречая одних и тех же людей.

— Не знаю... Тебя, Инта, я пока не припоминаю.

— Мне кажется, что с вами можно прожить сто лет, но так и не узнать вас.

— А вы не такая же?

— Опять мы на «вы»... Я сейчас подумала — наверное, писатели никогда не прекращают работу над своими книгами, все для них служит материалом. Даже то, что происходит сейчас, очень похоже на главу из романа. Мне кажется, что ты создаешь ситуации и... наблюдаешь.

— Откуда ты, Инта, все это знаешь? Наверное, опыт художника подсказывает... Может, и для тебя все служит материалом... Разве не живописно мы сидим сейчас на этом дереве? Зеленый сумрак, тишина, из оврага веет прохладой...

— Видишь, как мы понимаем друг друга, — засмеялась Инта.

— Идите сюда! — донесся до нас крик Дианы. — Тут столько лисичек, что мне их уже некуда собирать!

Эхо ее голоса разнеслось по лесу и стихло.

Хватаясь руками за стволы и выступающие из земли корни, мы с Интой спустились вниз к Диане, насобиравшей горку грибов.

— Как здесь красиво! — оглянулась вокруг себя Инта. — Настоящий дремучий лес. Надо это все запомнить. Но я вам когда-нибудь тоже покажу интересные места.

— Я тоже все это запоминаю, — сообщила Диана, — и потом нарисую... Куда нам теперь идти?

— Вот уже и подъем, — показал я на противоположный склон оврага.

Мы миновали ручей, ступая по плоским белым камням, и тут Дианка остановилась и с изумлением оглянулась.

— Что это? — тихо выдохнула она, глядя на вершины сосен на крутом лесном склоне.

Среди ветвей темнели огромные, похожие на гигантские гнезда еловые шары.

— Это и есть «ведьмины гнезда». Так это всегда называлось, но что это — я не знаю.

— У меня от страха придумался про них стишок... — прошептала Дианка, крепко сжимая ладонь Инты. — Я потом вам расскажу.

— Там, где мы шли, росли одни ели, а тут, стоило только перейти ручей, начинается сосновый лес. Граница по ручью проходит.

— Тут все такое странное! — произнесла Дианка. — Я возьму с собой один камешек.

Она наклонилась над ручьем, разглядывая цветные камешки на дне. В колеблющихся струях воды казалось, что камни чуть дрожат. Опустив руку в холодную воду, Диана выбрала круглый голубой камень.

— Скоро уже придем, — сказал я Диане. — На самом верху и будет та поляна, о которой я рассказывал.

Дианка с энтузиазмом принялась карабкаться наверх. Цепляясь за корни деревьев, она с легкостью преодолевала препятствия, отдувалась и пыхла, делая это больше для потехи. Ей нравилось представлять, будто она карабкается на настоящую гору, что впереди ее ждет вершина, покрытая шапкой сверкающего снега. Но впереди ждало не меньшее чудо. Неожиданно возникший из-за толстых стволов крохотный бревенчатый домик заставил ее остановиться. Переводя дух, Дианка изумленно рассматривала представшую перед ней сказочную картину. На крутом склоне среди сосен ютилась необычная избушка. Необычной избушка была потому, что у нее отсутствовала одна из стен, но имелся основательный вход, хоть и без двери. Два окна с покосившимися перекрестьями рам, поблескивая мутными стеклами, смотрели на север и восток. Отсутствие стены производило впечатление, словно кто-то распилил домик пополам, одну половину унес, а другую — оставил. Так он и стоял, укрепленный среди корней, чудом не падая.

Дианка с замирающим сердцем подошла ко входу. На нее пахло сохлым деревом и еще чем-то едва уловимым, терпко-сырым. Она заглянула вовнутрь. Комнатка, наполненная играющими лесными тенями, была столь мала, что вмещала в себя всего лишь стол и колченогий стул.

По стенам висели снизки сушеных грибов, пучки душистых трав и ягод. На столе лежала старая газета и потрепанный журнал. Его страницы покоробились от сырости и дождя. На одной из стен крепилась полочка. Три чашки разного калибра, жестянка с кофе, банка с сахаром... Все здесь говорило о том, что в избушке кто-то бывает. Ярко-красный зонт приютился в тенистом углу.

Дианка с опаской переступила порог.

— Здравствуйте! — на всякий случай произнесла она.

Половицы скрипнули, словно приветствуя гостью.

Диана осторожно коснулась прогретой за день бревенчатой стены, провела пальчиками по сухой столешнице, полистала журнал, осторожно присела на краешек стула.

— Кто-кто в теремочке живет?.. — тихо спросила она.

Здесь не хотелось нарушать тишину. Казалось, крикни она громко, и что-то исчезнет... или наоборот — внезапно появится.

Кто может жить в такой избушке? Диане хотелось дожидаться хозяйина, познакомиться. Чаю, наконец, попить. Ведь так приятно посидеть за столом, пообщаться, узнать что-то интересное. Например, что это за «ведьмины гнезда»...

Она посмотрела сквозь запыленное оконце, затянутое паутиной, и увидела, что гнезда эти есть и здесь — прямо над избушкой. Выходит, это ведьмина избушка! Дианка почувствовала, как легкий холодок пробежал по спине, но потом вспомнила слова Инты о ведьмах, взглянула на красный зонт и решила, что бояться не стоит: ведьмы, они ведь тоже разные бывают. Эта — наверняка веселая, раз у нее такой яркий зонт.

Ей еще сильнее захотелось познакомиться с хозяйкой домика, но вряд ли среди бела дня она сюда заглядывает. Диана достала из кармана ветровки свой выдавший виды перламутровый блокнотик и, вырвав страничку, что-то быстро написала. Она положила листок рядом с журналом, встала, потом, подумав, достала из кармана конфету и положила ее на листок.

Дианку мы увидели сидящей на крылечке лесного домика.

— Ух ты! — воскликнула Инта. — Да он же совсем древний!

— Судя по бревнам, похоже, что старинный, но я его что-то не припоминаю.

— Папа, здесь есть зонтик. Может, одолжим его? Вдруг дождь...

— Дождя не будет этой ночью. Не стоит ничего отсюда брать.

— А кто же здесь может жить? — задумчиво спросила Дианка.

— А вот этого я не знаю. Смотри, тут и дровишки за домом припасены, но ни печи, ни трубы у домика нет. Да и стены нет. Станный домик.

— Уверена, что здесь ведьма живет. Я решила с ней подружиться... и кое-что оставила на столике.

— Друзья, мы почти дошли, — сказал я, оглядывая окрестности. — Еще немного — и на месте.

Минут через пятнадцать мы поднялись на лесную гору. Дианка с удивлением разглядывала поляну на ее вершине. Небольшая, метров двадцать в диаметре, она со всех сторон была окружена высокими сосна-

ми. Ей действительно казалось, что она на дне глубокого лесного колодца. Звенело эхо ее голоса, а над вершинами деревьев гасло вечернее небо. Было тихо, только иногда из глубины леса доносилось воркованье лесного голубя.

— Папа, да тут же полно маслят! — воскликнула Диана. — Вы стойте на месте, а то подавите! Я сейчас их соберу.

— Нигде не испытывал такого чувства уединения, как здесь, — сказал я Инте, — но это было давно. Сейчас мне кажется, что вернулся домой... А ведь я и вправду не был здесь целую жизнь.

— Вот сколько я собрала! — показала нам Дианка пакет с маслятами. — Завтра можно будет пожарить.

— Видишь, какая она хозяйственная. Я с ней с голоду не пропаду.

— Вы так дружно живете! Неужели никогда не приходилось на нее за что-нибудь сердиться?

— Приходилось. Я порой удивлялся бесстрашной непослушности маленьких детей. Ты высишься над ними... как великан. Казалось бы, им надо трепетать перед тобой, но никакого страха они не чувствуют. Маленькой она была очень непослушной и капризной. Потом как-то переменилась.

— Ну, следопыт, чем нам надо заняться? — спросил я у Дианы. — Подумай-ка хорошенько...

Она сосредоточенно нахмурила лоб и воскликнула, подняв указательный палец вверх:

— Развести костер!..

— Верно. Но для этого нам надо собрать много хвороста. Ночью, когда станет темно, мы этого сделать не сможем.

— Ну что же, — слегка улыбнулась Инта, — пойдемте собирать хворост. Никогда я еще не проводила ночь на лесной поляне.

— Мы с Дианой сами его соберем, а ты достань все, что мы тут прихватили для пикника.

— А хвороста нам много надо? — спросила Дианка.

— Как можно больше, чтобы хватило на всю ночь. Если огонь погаснет, мы останемся в темноте.

На середине поляны горел наш костер. Отсветы огня играли на выступающих из темноты ветвях. В темно-синем небе полыхал на вечернем солнце оранжевый росчерк самолетного следа. Стали зажигаться первые звезды.

— Папа, а помнишь, как зимой звезды мигают? — спросила Диана, сидевшая напротив меня рядом с Интой.

Нас разделяло пламя огня. Хворост потрескивал, стреляя в небо искрами.

— Ты мне обещала полянку нарисовать, — напомнила Инте Дианка.

— Я нарисую, — заверила ее Инта, глядя на звезды. — Столько интересного я уже увидела с вами! Удивительный лес, загадочный домик, теперь костер...

— Ты нам тоже хотела что-то показать, — напомнила ей Дианка.

— Обязательно. Я тоже устрою для вас необычный поход. А что ты оставила в домике?

— Помнишь, я стишок сочинила для ведьмы? Вот его там и оставила. Ведьма прочитает — и не будет злиться... и нас ночью пугать.

Инта держала над жаром нанизанные на шампуры колбаски. Кожица их потрескивала, они шипели, стреляли жиром, румянились и аппетитно пахли.

Я нарезал сыр, помидоры и разлил в пластиковые стаканчики напитки — Диане налил квас, а Инте и себе — кагор.

— Я очень люблю кагор, — отпив, сказала Инта. — Вот такой, из красного винограда.

— Это не из винограда. Самый правильный молдавский кагор делается из слив. Это мне друг привез бутылочку.

— Почему вы так просто пьете? — воскликнула Дианка. — Нужно же тост сказать. Давайте выпьем за нас в ведьмином лесу!.. Э-эй!.. Ве-е-едьма, мы и за тебя пьем! Ты только нас не пугай!..

Эхо ее голоса разнеслось по лесу. С треском обломилась ветка на дереве, и мимо нас над поляной пролетела большая темная птица.

— Что это, папа? — прошептала ошарашенная Дианка.

— Сова.

— Отличный тост, — одобрила Инта, посмотрев через огонь на меня. — Выпьем за ведьму! Диана, прочитай свое стихотворение. Мне интересно. Представляю, как заходит ведьма в свой домик, видит на столе листочек. Удивляется. Берет листочек в руки и читает...

Дианка достала из карманчика шорт свой перламутровый блокнотик, полистала исписанные крупным почерком странички и, откашлявшись, прочитала:

Как из ведьмина гнезда
На меня глядят глаза,
Не моргают, не пугают,
Просто в гости приглашают.
Я ни капли не боюсь,
Я на дерево взберусь,
С ведьмой старой подружусь,
Чаем, тортом угощусь.

— Здорово! — воскликнула Инта. — У тебя хорошо получается. Прочитай что-нибудь еще...

— У меня есть стихи про тебя.

— Что же обо мне можно написать? — удивилась Инта.

— Сейчас покажу... — И Дианка принялась снова листать странички. — Вот, нашла! — И она прочитала вслух:

Есть подружка у меня —
У нее блестят глаза,
Она любит рисовать,
Звонко-звонко хохотать.
Моя рука в ее руке...
Бе-бе-бе, бе-бе, бе-бе.

— Последнюю строку я еще не придумала, — сказала Диана.

— Ха!.. А мне очень нравится концовка! — засмеялась Инта. — Ничего не меняй. Так и оставь.

— Друзья, колбаски готовы, — сказал я, подавая Инте хлеб.

— А ты была в армянском ресторанчике у моря? — спросила Дианка, кусая помидор. — Мы с папой туда иногда ходим. Там та-акой марципановый торт, м-м!.. Давай ходить туда каждый день?

— Боюсь, бедному художнику это не по карману, — рассмеялась Инта.

— А нам и не нужны деньги. Я придумала один способ: мы придем с тобой в ресторан и закажем все самое вкусное, налопаемся до отвала... А когда к нам придет официант со счетом, скажем, что у нас нет денег.

— Представляю, какой будет скандал!

— Ага... Прибежит хозяин армянского ресторана и расшумится: «Что за безобразие! Платите! А то сейчас полицию вызову!» А мы ему скажем: «Как вам не стыдно! У вас тут столько всякого вкусного, а мы, может, никогда красной икры не пробовали. И долму никогда не пробовали. Разве можно быть такими жадными! Я стихи могу про ваш ресторан сочинить, о том, как тут все у вас вкусно. А Инта красками вам стены разрисует и стихи мои на них напишет. Так красиво будет!..» Задумается хозяин ресторана, слезу пустит. Достанет он... Папа, а на чем армяне играют?

— На дудуке. Это вроде флейты.

— Вот... — продолжила рассказывать Дианка, глядя на улыбающуюся Инту. — Возьмет он дудук этот и заиграет армянскую песню. И слезы будут литься из его глаз. А потом он скажет: «Ребята, как с вами хорошо! Приходите ко мне каждый день. Я буду вас кормить даром. Всегда!..»

Дианка потерла испачканный золой кончик носа, зевнула и откусила кусочек колбасы с шампура.

— Хорошо, если бы так... Я бы тогда из своей мастерской вообще бы не выбиралась. Писала бы картины, какие душа желает... а не заказчик. — Инта обняла Дианку. — Спать еще не хочешь?

— Да вы что!.. Мы же не спать сюда пришли! — возмутилась Дианка и стала поджаривать над огнем хлеб.

Темнота окружила нас со всех сторон. Старая, трухлявая ветка раскололась в огне, и в небо взметнулся кружащийся ворох искр.

— Папа, посмотри! Вон Млечный Путь, который над нашим двором проходит. Инта, ты видела Млечный Путь?

— Не очень хорошо видно, — сказала Инта, заслоня ладонью свет огня. — Костер мешает.

— Давай чуть отойдем, я тебе покажу. — Диана встала и потянула Инту за рукав куртки.

Они вышли из круга света. В темноте были слышны их шаги по сырой от ночной росы траве и тихие голоса.

Я встал, расстелил два спальных мешка и подкатил к костру с двух сторон две толстые сосновые ветки. Теперь огонь будет гореть до утра. Рядом с собой на траву положил блокнот и ручку. Пусть будут под рукой.

Поднялся легкий ночной ветерок и раздул огонь с новой силой. Со стороны реки ветер донес едва слышный звук моторки.

Тишина и покой охватили меня. Я сидел и не мог понять, хорошо мне или плохо... и хочу ли я чего-то. Что-то тревожило и не давало до конца расслабиться.

Мне в грудь стукнула шишка, послышались шаги и смех Дианки.

— Иди-иди, — позвал я. — Кто-то сейчас получит прямо в лоб.

— Папа, это не я... Правда!

— Хорошо. Смотрите, что я вам постелил.

— Ура-ура! — обрадовалась Дианка. — Я в мешок сейчас залезу, и мне будет тепло.

— Грейтесь...

— А знаешь, действительно, несколько шагов в сторону — и уже прохладно, — заметила Инта и, протянув руки к огню, добавила: — Я согласна прожить так всю оставшуюся жизнь. Августовская ночь, небо черным бархатом, звезды-бриллианты. Никогда прежде не обращала внимания на Млечный Путь... Костер, звезды над головой... — Инта потянулась, выгнула спину и улыбнулась. — Я в раю!

Дианка вылезла из спального мешка, налила себе стаканчик квасу, выпила залпом и снова закопалась в мешок, прижавшись к Инте, которая стала легко поглаживать её волосы.

— Что это вы так долго? — спросил я.

— Как тебе сказать... — улыбнулась Инта. — Просто кто-то много квасу пьет.

— Понятно. Ну что же, друзья... Теперь вы можете ощутить, что это такое — сидеть ночью на лесной поляне у костра, под звездами.

— Теперь вы можете ощутить, друзья, — сказала Дианка, наливая себе еще кваса, — что это такое — пить квас ночью, на лесной поляне, у костра, под звездами.

— Ты не слишком налегай, — заметил я, — а то всю ночь будешь Инте Млечный Путь показывать.

Дианка рассмеялась и замахнулась на меня шишкой.

— А что это за блокнот? — спросила Инта.

Я налил еще по стаканчику кагора, и мы быстро чокнулись прямо над огнем.

— Это для мыслей, которые бьются об голову, — усмехнулся я. — На память не полагаюсь. Раньше я всегда думал, что если мысль стоящая, то она не забудется, а отсеиваться будет только всякий мусор. Но у меня, если не запишу, отсеивается все.

— Я тоже быстро многое забываю. Вот, например, сейчас только вспомнила, что давно хотела спросить о твоих любимых писателях.

— Их очень много. И все разные... Вчера, например, открыл наугад томик Чехова и прочитал его рассказ «У знакомых». Чехов — это писатель, к которому надо постоянно возвращаться. Это невероятный мастер. Пишет гениально! Видишь, сказал — *пишет*... Словно он живой.

— Заснула, — проговорила тихо Инта, поглаживая Диану. — Забавная!..

Середины стволов обгорели, я чуть повернул их.

— Я понимаю, — произнесла Инта, — Чехов — великий писатель, и это скажет любой человек, но в чем конкретно заключается гениальность Чехова? Ведь никто не покажет. Покажи на примере. Не общие слова, а конкретно... Мог бы ты показать мне гениальное место у Чехова?

Я помолчал, думая над тем, что она сказала.

— Пожалуйста. Далеко ходить не надо. Взять хотя бы вчерашний рассказ «У знакомых».

— И есть там гениальные места?

— Да. Есть. Не просто замечательные, а волшебные до такой степени, что тайна их не поддается объяснению. Меня поражает то, что Чехов, пользуясь в работе буквально колдовскими приемами и добиваясь с их помощью нужного ему эффекта, совершенно спокойно относился к тому, что очень немногие смогут разглядеть это колдовство и оценить его.

— Интересно!.. Расскажи мне о таком месте...

— Хорошо... Смотри. Главный герой рассказа — Михаил Подгорин. По приглашению давних друзей приезжает в их имение. Когда-то, в молодости, он там гостил, был влюблен в одну из сестер.

— Как ее звали? — спросила Инта.

— Надежда.

— Наверное, тоже не случайно?

— Возможно... Так вот, прошло много лет, и теперь ему предстоит вновь ее увидеть. Подгорин встречается со своей давней любовью. И тут Чехов пишет о том впечатлении, которое молодая женщина произвела на героя рассказа. При этом Чехов применил гениальный прием, который я назвал бы... чеховским коктейлем. Я понимаю, как это место воспринимают читатели-мужчины. Но я не знаю, поймут ли женщины то, о чем я хочу сказать. Ведь речь там идет именно о восприятии женщины мужчиной... Я постараюсь припомнить дословно. Чехов написал так: «Это была светлая блондинка, бледная, с добрыми, ласковыми глазами, стройная; красивая или нет — Подгорин понять не мог, так как знал ее с детства и пригляделся к ее наружности. Теперь она была в белом платье, с открытой шеей, и это впечатление белой, длинной, голой шеи было для него ново и не совсем приятно». Поразительное место! Героиня в прошлом была симпатична Подгорину. Более того, и теперь автор говорит о ней, что это была «светлая блондинка, бледная, с добрыми, ласковыми глазами, стройная...» Казалось бы, автор создает привлекательный образ, но вот эти слова — «ново и не совсем приятно» — загадочные и необъяснимые. Дело в том, что читатель не может не почувствовать какую-то антипатию, которую испытал Подгорин, глядя на Надежду. Достигается это тонким перебором при описании ее шеи — «белой, длинной, голой». Вот она — точка гениальности! Ведь белая женская шея для мужчины очень привлекательна. Гораздо привлекательней, чем короткая и смуглая. Точно так же мужчинам нравятся длинные шеи. Если бы это было не так, то мужчинам не нравились бы балерины. Длинная белая шея — шея балерины. Далее идет слово — «голая». И голая шея привлекательна для нормального мужчины. Но вот Чехов берет и соединяет вместе все эти

три привлекательные для мужчины черты. Казалось бы, эффект привлекательности должен усилиться в три раза, но этого не происходит, Чехов добивается обратного эффекта. Читатель чувствует в этом сочетании что-то неприятное. Как автор добивается этого эффекта? Может, тем, что вызывает у читателя подсознательное ощущение описания не человеческой шеи, а лебединой, птичьей... Не знаю. Но чувствуется что-то неприятное в тройном сочетании привлекательных по отдельности черт. Вот тебе, Инта, пример гениальной чеховской стилистики и психологизма.

— А пример твоей гениальности — это умение цитировать классиков слово в слово. Как у тебя это получается?

— Ну-у... Другие знают наизусть целые поэмы. А тут-то всего четыре строки. Классиков запоминаю, а вот свои мысли записываю.

Инта, освещенная бликами костра, смотрела на пламя. Легкая улыбка застыла на лице. Сейчас она казалась такой незащищенной и хрупкой.

— Так хорошо сейчас! Здесь, с вами... Давно не было так хорошо. Запомнить все это хочется. И Дианка твоя — чудо. А дискуссии на литературные темы оставим на потом. Сейчас мне интересно другое... — Инта мельком взглянула на меня. — Расскажи о себе. Почему вы с Дианкой одни?

Укуталась пледом, придвинулась ближе к костру. Я поворошил хворост, подкинул веток в огонь.

— Дианка — действительно чудо. Если бы не она, не знаю, как бы я жил... После смерти Инги туго пришлось. Ведь мы одни с Дианкой остались. Она была грудным ребенком... Мне тогда наша медсестра знакомая помогала. До года ходила к нам, всему научила. Очень я тогда боялся — думал, раз Инга при родах умерла, то и Дианку потерять могу. Этот страх вел меня, заставлял шевелиться, двигаться дальше. Я тогда «Архитектуру рая» писал. Четыре года пролетели — не заметил. Жизнь налаживалась, Дианка росла. Издал книгу, пытался еще что-то писать, но ничего серьезного не выходило. Может, потому что все мысли о ней были. Только сейчас, кажется, пошло как надо.

— Когда-нибудь Диана поймет и оценит твою заботу, — произнесла Инта.

— Она и сейчас многое понимает. Чувствует перемены в моем настроении. Бывает, обнимет за шею, целует в глаза, своим взглядом мой ловит. Потом долго пристально смотрит, заставляет улыбаться. И ведь невольно улыбнешься. И словно рукой снимает.

Заснувшая Дианка вздохнула во тьме.

— Посмотри. — Я показал Инте на небо. — Там жизнь кипит. Где ковш — самолет летит. Огоньки на крыльях мигают. А прямо над нами — спутник. Видишь? Словно звездочка скользит по небу. Скоро птички стаи полетят на юг. По ночам летят, и тогда из тьмы идет мощное звучание. Как орган...

— Диане что-то снится, — наклонилась над ней Инта. — Губами шевелит, но не слышно, что она говорит...

Звездное небо круглым оком глядело в лесной колодезь. В костре потрескивали поленья. Тихий разговор убаюкивал Диану, и ей снился сон.

Пленэр

Лес, настоящий, непроходимый — или, как говорила Дианка, *непролаз*, — обступил со всех сторон.

Верхушки сосен с протяжным, мерным шумом слегка покачивались на ветру. Лучи яркого осеннего солнца пронизывали высокий купол леса. Из чащи слышалось громкое воркование лесного голубя, но Диана так и не смогла разглядеть его среди ветвей. Она прислушалась к едва заметному шуршанию у самых корней. Это муравьи суетливо бегали по своим муравьиным делам. Корни сосен переплетали причудливыми изгибами тропинку и терялись под слоем старой жухлой хвои и кустами черники. Диана то и дело приседала и что-то долго разглядывала на земле. Инта садилась рядом, и они вместе, не говоря друг другу ни слова, наблюдали за муравьиной жизнью или рассматривали гигантскую улитку.

— Ой, змейка! — Дианка показала пальцем на исчезающий под корнями коричневый блестящий хвост.

— Осторожно, — Инта взяла девочку за плечо, — тут и гадюки водятся.

— А я не боюсь, я знаю заклинание.

— Мы с тобой одной крови? — вопросительно произнесла Инта.

— Ага. А откуда ты знаешь? — удивилась Диана.

— Мы все родом из детства, — улыбнулась Инта, — когда-то и я так же бродила по лесу и ничего не боялась.

— А сейчас боишься?

— Нет... Наверное, надо бояться, по крайней мере остерегаться. Шагаю себе по жизни... как шагается.

— А разве это плохо? — Диана достала из кармана конфету и вложила в ладонь Инты.

Инта как-то по-особому взглянула на девочку, задумалась и с легкой полуулыбкой произнесла:

— Мы с тобой, Дианка, точно одной крови...

— Папа сказал, что мы спелись.

— Да. И эта песня мне по душе. А змей не бойся. Здесь есть ядовитые змеи, но они не нападают, а наоборот — спешат скрыться. Как эта змейка, которую мы видели.

Вскоре они вышли на поляну. Округлая, поросшая высокой травой, она сразу же привлекла Диану, углядевшую на ее краю необычное дерево. Засохшее, без единого листочка, оно сплеталось вверх ветвями, образуя фантастический шар. Словно гигантское гнездо для гигантской сказочной птицы.

— Настоящий сюр, — восхитилась Инта.

— Настоящий — кто? — переспросила Диана.

— Сюрреализм. Направление в живописи. Я тебе покажу потом альбомы. У меня много сюрреалистов. Когда я училась в Академии, очень ими увлекалась. Потом, позже, поняла, что не мое.

— А что — твое?

— Мое? Честно говоря, не люблю я все эти классификации... Главное, чтобы то, что ты делаешь, было живым.

Инта огляделась, прошлась по поляне. Она то подходила к дереву, то делала шаг в сторону от него. Дианка не отставала, повторяла все ее движения, подбегала к дереву вплотную, даже легла под ним, рассматривая верхушку.

— Вот отсюда мне нравится, — глядя сквозь ветки на пролетающие по яркой синеве облака, заключила Диана.

— Ракурс неплохой, но, может, начнем с чего-то более традиционно? Смотри, как здесь интересно падают тени на траву. Сейчас самое лучшее время для работы. Обрати внимание на цвет теней. Еще Леонардо да Винчи заметил, что в жаркий солнечный день тени бывают холодных оттенков. От голубого до фиолетового.

— А я однажды видела это! — Диана вскочила на ноги и радостно запрыгала. — Видела, видела! Однажды мы с папой шли по берегу моря. Было тепло, солнце было такое яркое-яркое... И я увидела на песке голубые тени. Песок ребристый и словно весь в голубых полосках. У меня даже в глазах зарябило и голова закружилась.

— У тебя взгляд настоящего художника.

— Почему? — спросила Диана.

— Потому что другие не обратили бы на это внимания.

Инта разложила складные стульчики, раскрыла акварель, взглянула на дерево — и словно ушла в себя.

Диана поняла, что сейчас надо помолчать. Она тихо присела на стульчик и стала смотреть на дерево. Ей показалось, что в хитром переплетении сухих ветвей она различает причудливых зверей, прячущихся в кроне. Диана раскрыла планшет, набрала полную кисть бледно-голубого цвета — и акварель расплылась по смоченной бумаге, трава запестрела желтым, красным, фиолетовым, голубым. И уже по цветастому полю Диана принялась выплетать гнутые ветки и крученный ствол. Ветви, стягиваясь узлами и разбегаясь змейками, вдруг стали превращаться в оленей с голубыми рогами, лис с фиолетовыми хвостами, медведей, машущих зелеными лапами. Диану веселил рисунок. Она, высунув кончик языка, посмеивалась над своей неожиданной выдумкой и не заметила, как пролетело время.

Солнце уже стояло в зените. Жара звенела над головой. В этот момент, как по волшебству, перед ее носом проплыла бутылка с квасом: Инта стояла над ней, улыбаясь и протягивая прохладный напиток.

После они с Интой перебрались в тени, растянулись на пледе и блаженно прикрыли глаза.

— Сейчас отдохнем, а потом посмотрим наши работы, — сказала Инта. — Я стараюсь долго не смотреть на то, что нарисовала. Иначе не могу понять, что вышло.

— А я даже с закрытыми глазами вижу каждый мой мазочек. И все-все помню.

— Значит, у тебя хорошая зрительная память. Для художника это важно.

— Инта, а поедем на велосипедах к маяку? — Диана приподняла голову, вопросительно взглянув на Инту.

— У меня нет велосипеда.

— Так папа тебе купит. Он зимой за книгу такой гонорарище получил, что его на десять горных велосипедов хватит.

Инта повернулась к Диане и вновь посмотрела особенным, пристальным взглядом. От этого взгляда Диана начинала смущаться и чувствовала себя неуютно. Она поняла, что сказала что-то не то, захлопала ресницами и решила спасти ситуацию.

— Зачем нам велосипеды, мы и пешком спокойненько доберемся, — сказала она. — Мы будем идти пешком по берегу моря и петь песню...

Инта вдруг расхохоталась. Она откинулась на спину, раскинула руки.

— Как хорошо, Дианка! Посмотри, как кругом хорошо, какое небо огромное. Было бы так всегда-всегда...

— Так и будет всегда. Главное, чтобы мы всегда вместе были.

Незаметно приблизился вечер. Солнце клонилось за лес, окрашивая верхушки сосен карминно-оранжевым. Углублялись тени, прячась под широкими разлапистыми ветвями.

Инта с Дианой, уставшие, но довольные, возвращались домой с законченными акварелями.

— Сейчас бы... сейчас бы, — Дианка мечтательно поглядела наверх, — даже супчику съела бы!

— Да, ты права, два бутерброда и яблоко на день — маловато. Предлагаю летние щи. А? — Инта перекинула ремень этюдника с одного плеча на другое.

— Название мне нравится. — Диана почесала кончик носа. — А что, бывают и зимние, и осенние, и весенние щи?

Инта рассмеялась.

— Наверное, бывают, но я умею готовить только летние. Я не великий кулинар. Мама моя вечно сокрушалась — что ты будешь делать, когда замуж выйдешь, как будешь мужа кормить?!

— А что ты ей отвечала?

— Я убежала куда-нибудь. У меня во дворе было любимое местечко, оно и сейчас есть: между двумя соснами папа соорудил качели. Вот туда я сбегала. Рисовала, читала, мечтала.

— Покажешь?

— Непременно. Мы и щей покушаем, а потом на качелях покачаемся.

Дом Инты прятался среди сосен, окруженный крутыми, холмистыми дюнами. Старинный, в два этажа, с круглыми башенками по бокам, выкрашенный в сине-серый цвет, с нарядными белыми рамами, в перекрестке которых поблескивали цветные витражные стеклышки, он темнел на фоне гаснущего неба. Они вошли в дом.

— Позвони папе с городского, скажи, что задержишься у меня.

Инта с облегчением сняла увесистый этюдник, присела на диванчик в прихожей и блаженно вытянула ноги.

Диана стояла в большой гостиной с высокими окнами, в которых черным резным силуэтом проступали деревья, и с интересом рассматри-

вала дом Инты. За окнами догорал отблеск заката, был виден пустынный пляж и море. Диана коснулась прохладной кожи двух огромных, вальяжных кресел. Круглый столик на низких ножках был завален книгами. Стены увешаны картинами в старинных позолоченных рамах и фотографиями. Среди снимков Диана увидела Инту в окружении веселой толпы молодых парней и девушек. Инту обнимал молодой человек и, видимо, щекотал, так как лицо Инты просто искрилось от хохота. Диана хотела что-то спросить, но, услышав, как Инта напевает на кухне, не стала этого делать. Между окон темнело старинное резное бюро с множеством полочек и шкафчиков. Овальное зеркало в оправе красного дерева отразило маленькую фигурку Дианы и ее широко раскрытые глаза.

— Как красиво! Такой шкафчик... — Диана замерла от восхищения.

— Это все папа. Он был краснодеревщик. Мастерил невероятной красоты вещи. Он и рисовал хорошо. Видимо, я в него такая... талантливая, — донесся голос Инты. — Ты забыла позвонить папе.

— Ага, ща. — Дианка отыскала в гостиной телефон, набрала номер. — Але, пап, мы уже пришли. Мы у Инты. Папа, пап, тут так здорово!.. Тут такой шкафчик! И зеркало. Ага, нарисовали... Ага, получилось. Сейчас, пап, не клади трубку, я сейчас...

Дианка положила трубку на полочку и побежала на кухню.

— Инта. Интик... знаешь, я тут подумала... темно как-то уже... совсем...

Диана явно на что-то намекала, но все еще не решалась сказать. Инта, помешивая в кастрюльке щи, усмехнулась.

— Слушай, подружка, у меня предложение, — сказала она. — Темно как-то уже... может, тебе у меня остаться, а завтра после завтрака я тебя отведу домой? Как тебе такое предложение? Так и будем, как винни-пухи, ходить друг к другу в гости.

— Ура-ура, да-да, я остаюсь!

Диана помчалась в прихожую и скороговоркой протараторила в трубку:

— Пап, але-але, пап, тут Инта меня у себя оставляет и не отпускает. Ты не скучай там один, хорошо? А мы завтра с утра к тебе придем. Хорошо?.. Да, я ей передам... Да, буду вести хорошо, ага, и спать вовремя. Я даже супчик сейчас покушаю. Пока, спокойной ночи!

После ужина пили чай на широких качелях с резной спинкой и подлокотниками. Инта зажгла свечу в фонарике, укрепленном на стволе дерева, и его свет чуть смягчал ночную тьму. Дианка уселась в уголок, подобрав ноги, и блаженно смаковала торт «Наполеон», который Инта называла «императорским». Тихое покачивание качелей убаюкивало Диану, глаза сами собой закрывались, хотелось спать.

Инта легко коснулась волос девочки и погладила. Прикосновение к живому, теплomu, такому близкому дарило покой. Не хотелось ее отпустить, не хотелось вновь оставаться одной...

— Пойдем, Динь-Динь, подушки нас уже заждались, — сказала Инта и подула на лоб девочки.

— Динь-Динь? — переспросила Диана, открывая глаза так, словно и не спала вовсе. — А! Я видела этот мультик.

— Ты книжку прочитай. Читала «Питера Пена»?

— Нет, не читала.

— Прочитай обязательно.

— Я с тобой буду спать, рядышком, — сказала Диана, снова прижимаясь щекой к локтю Инты.

— Хорошо — рядышком...

Спальня Инты располагалась в одной из башенок на втором этаже. Небольшая круглая комнатка сплошь состояла из окон. Белье рамы дробили стекла перекрестьями, отчего окна казались сказочно нарядными. Особую сказочность придавали цветные ромбы, вставленные в центр каждого окна. У кровати на тумбочке Инта зажгла ночник, и комната осветилась мягким золотисто-изумрудным сиянием. Кроме кровати и тумбочки здесь почти ничего не было, но комната, наполненная светом лампы изнутри и лунным сиянием снаружи, казалась очень уютной.

— Ух ты, как в Изумрудном городе!

— Тебе тоже так кажется? — Инта сложила покрывало и откинула одеяло.

— Да, помнишь, там тоже было много башенок, и я всегда мечтала о башенке.

— Это моя любимая книга. Все детство зачитывалась.

— И я тоже. Сначала папа мне ее читал, а потом я сама научилась. Я ее уже сто раз читала. Знаешь, как я читала? Начинала читать, потом читала-читала, пока не дочитывала до последней страницы, потом тут же, не успев вздохнуть, переворачивала на первую страницу и начинала читать заново.

— Слушай, Динь-Динь! Ты чудо!

— Я очень эту книжку люблю. Особенно Страшилу там люблю и Тотошку.

На полу у одного из окон стояла причудливая пузатая ваза, похожая на крынку, перевернутая вверх дном. От этого она походила на маленький столик. На кружевной салфетке стоял серебряный колокольчик с привязанным к колечку красным шелковым бантиком.

— Красивый! — восхитилась Дианка червленым узором на стенках колокольчика.

— В него еще бабушка моя играла, будучи маленькой девочкой. А теперь он мне служит.

Инта взяла колокольчик двумя пальцами и слегка потрясла. Раздался нежный звон. Она обошла с ним комнату, подошла к двери и, вытянув руку в темный коридор, позвенела.

— Ну вот, теперь нам не страшны никакие чудища.

Дианка с широко распахнутыми глазами заворуженно сидела на краю кровати.

— Ага, теперь не страшны... — прошептала она.

Почистив зубы и умывшись, они легли. В тишине были слышны лишь тиканье будильника и приглушенный шум сосен. Диана, повозившись немного, прижалась щекой к плечу Инты.

— Интик, скажи, а вот если бы ты любила человека, а он бы тебя вдруг разлюбил, что бы ты сделала? Только честно.

Диана приподняла голову, взглянула на Инту и улыбнулась. Вопрос был задан легко, по-детски непосредственно, но что-то в интонации насторожило Инту. Она почувствовала, что это непростой вопрос для девочки, что он много раз уже звучал в ее голове, тревожил сердце.

«Неужели ревнует?» — подумала Инта. Это было так непохоже на Диану.

Инта смотрела на красное стеклышко в перекрестье оконной рамы. Взгляд ее подернулся влагой... Она любила, растворялась в нем, ревновала. Следила украдкой за его взглядом, за улыбкой. Видела непрошеную задумчивость — он так часто уходил в себя, — пугалась ее. Ей казалось, он отрывается, становится чужим. Разлюбит, думала, уйду, не смогу мучить собой, притягивать. Умирать буду, но уйду...

— Только честно. — Диана вдруг посерьезнела и испытующе посмотрела на Инту.

— Мой друг...

— Это тот, с кем ты на фотографии в холле?

— Да. Когда мы были вместе... — Инта замолчала. Воспоминания, которых она так долго и мучительно избегала, нахлынули вновь. Неотступная, навязчивая боль напомнила ей о том, что казалось уже забытым. Зачем ворошить все это? — Давно это было. А теперь давай спать, умялись мы с тобой сегодня, — тихо произнесла она.

За окном послышался резкий птичий щебет и хлопанье крыльев.

— Что это? — спросила, вздрогнув, Диана.

— Наверное, это птица спала на ветке, да и свалилась с нее. Бедняжка.

Они засмеялись и, засыпая, долго еще слышали в ночи возмущенный птичий щебет.

ГРАНЬ ВТОРАЯ. ОСЕНЬ

Настоящая осень

Глаза Дианки раскрылись сами собой. Солнечный свет, льющийся в комнату сквозь играющие на ветру листья, разбудил с легкостью, которая случается, пожалуй, только летом. Несмотря на осень и подступающие холодные дни, нежиться в кровати не хотелось. Обещанная Интой поездка будоражила воображение. Скорей бы уже собраться и ехать, ехать, набирая скорость, любуясь новыми красками, которые щедро расплескала осень повсюду — на деревьях, на полях, на небе.

Дианка с минуту еще полежала, наблюдая, как ветер за окном охапками срывает березовые листья и кружит их, словно золотые снежинки,

рассыпая по пожухшей траве. Она громко и певуче зевнула, потрепала лежащего рядом длинноухого плюшевого зайца и вскочила с кровати.

— Пап, мы все нужные вещи взяли? Мы же на целых два дня едем.

Она вбежала в мою комнату и заглянула в рюкзак, который собирала весь вчерашний день.

— Я не знаю, что нам надо собирать. Инта же не раскрывает свой секрет. И неведомо, куда она нас повезет.

— Папа, есть вещи, которые нужны всегда и везде... Ладно, представь это мне. Я почти все уже собрала. Смотри!

И Диана склонилась над раскрытым посреди комнаты рюкзаком.

— Так... — произнесла она задумчиво. — Масляная лампа, моток бельевой веревки, твоя походная фляга... Чего-то не хватает. А!.. Спички!

— И зачем нам спички? — поинтересовался я.

— Папа, — укоризненно посмотрела она на меня. — Да это же важность первой необходимости!

— Замечательная фраза, Диана! Я даже сейчас ее запишу, а то забуду... Знаешь, не набирай много вещей. Я возьму деньги — и все необходимое мы купим.

— Инта сказала, что мы поедem в дикие места. И твои деньги там не помогут.

— Интересно, где же она найдет дикие места?

— Инта никогда не обманывает. Сказала — значит, найдет.

— Ну что же, тогда прихватим и лопату. Вдруг клад придется откапывать.

— Очень хорошая мысль, папа.

Зазвонил телефон, и Дианка тут же схватила трубку. Звонила Инта.

— Привет! — обрадовалась ей Диана. — Мы уже все собрали. У меня целый рюкзак получился. Ну-у... я взяла ту старинную лампу, спички, консервы, флягу... Всего и не перечесать. Сейчас еще лопату в багажник положу.

Диана повернулась ко мне и довольно заявила:

— Папа, Инта сказала, что все эти вещи нам в поездке очень пригодятся... Что? — спросила она снова в трубку. — Топор прихватить? Хорошо. Прихватим. Косу не надо? У нас есть очень хорошая коса. Ладно, не буду. Мы скоро заедem за тобой. Будь готова.

— Что еще сказала Инта? — поинтересовался я.

— Инта сказала, чтобы мы взяли больше теплых вещей. И обязательно плащи: к вечеру дождь будет.

— Это я и сам чувствую. Интересный выбрали момент для поездки.

Когда мы укладывали вещи в багажник машины, выглянуло солнце. Влажная листва, тусклая еще несколько минут назад, зажглась, словно подсвеченная золотым светом. Солнце пригрело промерзшую за ночь траву. От стволов деревьев шел пар. Казалось, что они дымятся.

Когда сaдились в машину, с неба послышались отрывистые, скрипучие вскрики. И тут же над вершинами деревьев высоко-высоко в небе

показался клин огромной стаи. Диана, держась рукой за дверцу машины, задумчиво смотрела на улетающих птиц, потом села в кресло и пристегнулась.

Я чуть помедлил, припоминая, все ли закрыто и выключено в доме. Только когда выехали на шоссе, Диана заговорила.

— А вот интересно, — произнесла она, — почему, когда я смотрю на улетающие птичьи стаи, у меня мурашки бегут по спине?

— Бегут?

— Всегда. А вон еще одна стая. Она еще больше.

— А ты заметила, Диана, что самолеты сейчас не летают?

— А и вправду. Точно! И вчера, когда вечером гуляли, ни одного не было слышно. Так здорово было — только звезды и стаи-скрипучки.

— Вот потому и не летают, что все небо в птицах. Им сейчас дают спокойно пролететь.

— Какие люди молодцы! О птицах думают.

Я не стал Диану разубеждать, говоря, что они больше думают о безопасности самолетов.

— А у тебя мурашки не бегают? — поинтересовалась Диана.

— В последнее время они что-то бегают очень редко. Но в пролетающих стаях и впрямь есть что-то волнующее.

— А почему? — допытывалась Диана.

— Над этим надо подумать, — сказал я.

— Я тоже подумаю. Когда пойму — скажу тебе... Вон Инта стоит.

Инта стояла у своего дома — в джинсах, красной куртке и с небольшой спортивной сумкой через плечо.

— Ну, готовы к путешествию? — спросила она, садясь в машину.

— Мы всегда готовы! — ответила Дианка, пытаясь скопировать голос Папанова из любимой кинокомедии, и быстро перебралась к ней на заднее сиденье.

— Так куда мы едем? — спросил я Инту.

— Я укажу дорогу. Пока езжай прямо. Вы мне однажды показали конец лета. Я хочу показать вам настоящую осень.

Инта загадочно улыбнулась и чуть прищурила глаза. Всякий раз в ее прищуре я замечал что-то новое для себя, словно читал интересную книгу: то видел неприкрытую веселость, то иронию. Часто своим взглядом она ломала комедию, пытаясь выдать себя за кого-то другого, но всякий раз предательские морщинки в уголках глаз выдавали ее *настоящую*, и я вдруг ловил себя на мысли, что она чем-то близка мне, как бывают близки лишь закадычные друзья. А иногда казалось, что мы бесконечно далеки, и я совсем терялся, чувствуя, что не знаю настоящую Инту.

— Сегодня от деревьев, когда выглянуло солнце, шел пар, — сказала ей Диана.

— Я видела. Очень красиво.

— И птицы улетают. Стая за стаей. Я сейчас как раз папе рассказывала, что у меня от этих стай почему-то мурашки бегут.

— Мурашки? О, это удивительное ощущение — бегущие мурашки! Как давно у меня их не было! — весело сказала Инта.

— Ты совсем как папа. Не понимаю, как вы оба живете без мурашек!

— Не знаю, Диана. Может, я давно не смотрела на небо. Или сплю. Люди иногда устают, Диана. Наверное, мы с твоим папой очень устали.

— Ты же только что посмотрела на небо. — Дианка хохотнула. — И всегда ты смотрела на небо. Даже тогда, когда мы с тобой первый раз на пляже познакомились.

— Я смотрела на небо? Слушай, Дианка, ты уверена?..

Сейчас они обе явно дурачились — дрались и щекотали друг друга. Я следил за их возней в зеркало и вдруг почувствовал, как эти самые мурашки пробежали по спине. Ох, Дианка!

— И совсем ты не спишь. Если и спишь, то я тебя разбужу! — сказала Диана и стала тормошить Инту, дергая за рукав куртки.

— Уже разбудила, — засмеялась Инта. — Мне очень хорошо с вами. Или можно сказать еще так: там, где вы, там очень хорошо.

И тут же, тронув меня за плечо, Инта сказала:

— Возле тех домов надо повернуть налево, а потом все время прямо. Ехать нам долго.

— Смотрите, мы едем прямо на дождь, — показала Диана на темнеющее над шоссе небо.

Тут же заморосило, и я включил дворники.

— Это как раз то, что надо! — довольно сказала Инта. — Прочувствуем осень на полную катушку.

— До мурашек, — добавила Дианка.

— Ох, ребята! — сказал я. — Мне хочется досмотреть это кино до конца. Похоже, будет что-то интересное.

Диана смотрела в окно, а по лицу ее скользили, ниспадая, пятна света и тени от потоков заливавшего стекло дождя.

Потемнело. Диана посмотрела на Инту, взгляд ее скользнул по светлой шее, локонам волос и остановился на янтарных сережках. Казалось, что в глубине продолговатой янтарной капельки горело крохотное солнце. Диана зачарованно смотрела, и ничего в мире не было красивее этой крохотной искорки древнего солнца, сохранившейся в глубине янтарного камня.

— Инта, а разве там, где мы живем, не осень? — спросила Диана, уютно прижавшись к ее локтю.

— Конечно, осень, — сказала Инта. — Но мы едем в самый ее эпицентр.

— Папа, ты слышал? Мы едем в эпицентр.

Я на миг оглянулся назад. Инта сидела прямо за мной, я не мог видеть ее, но видел руку, поглаживающую Дианку по волосам.

— Папа, включи музыку, — попросила Диана.

Я включил радио, и звуки музыки слились с дробным шумом дождя по крыше и ветровому стеклу машины. По обе стороны шоссе тянулись монотонные, затянутые дождем полосы соснового леса.

- Как долго ехать до эпицентра? — спросил я Инту.
- Довольно долго. Бензина у нас достаточно?
- Полный бак, — ответила за меня Дианка. — Вчера заправились.
- Тогда полный порядок. Это, Диана, будет экстремальное путешествие. Твой папа экстрим любит?
- Не знаю... Папа, ты любишь экстрим?
- Даже не знаю, что сказать. Давайте ответчу на это после нашей поездки.

По радио зазвучала песня «Эти глаза напротив» в исполнении Ободзинского. Впереди мелькнул знак ремонта дороги, и колеса машины загремели по рубчатой поверхности срезанного асфальта.

— Очень мне нравится эта песня, — сказал я, когда мелодия закончилась.

Инта промолчала.

— А тебе? — спросил я ее.

Она поджала губы.

— Не нравится? — удивился я.

— Ничего, — сказала она, обнимая Дианку. — Но не нравится мне там слово — «супротив».

— Разве там есть такое слово?

— Ну как же! Вот: «Пусть я впадаю, пусть, в сентиментальность и грусть. Воли моей супротив... эти глаза напротив...»

— Мне это слово не мешает. Песня очень хорошая.

— Хорошая-хорошая, — с усмешкой согласилась Инта, — но не мой формат.

— Песня классная! Она выразила свое время. Дух отношений между людьми. Это были времена, когда мужчины обращали внимание на глаза женщин. Я недавно видел опрос мужчин разных национальностей, в котором им было предложено сказать, что они считают самым привлекательным в женщинах. В этом перечне были и грудь, и ноги, и бедра, и попа, и живот... но там не было глаз. Похоже, что сейчас это незначительный фактор.

— Так и есть. Мужчинка клюет на то, что ты перечислил. Если бы на первом месте в предпочтении мужчин были глаза, то женщины бы их заливали силиконом. Представляешь, какие рыбки ходили бы!..

И Инта с Дианкой засмеялись.

— Ну вот, папа, и ты улыбнулся, — сказала Диана. — А то какой-то грустный весь день.

— Нет, Диана, я не грустный. Просто... Работа немного застопорилась. Книга забуксовала.

— Сюжетный тупик? — поинтересовалась Диана.

— Да. Что-то пошло не так.

— Кажется, кто-то из русских писателей — Чехов? — говорил, что написать можно абсолютно обо всем, — сказала Инта. — И предложил на спор написать рассказ о чернильнице, которая была перед ним на столе. Не знаю, может, я и путаю что-то.

— Да, примерно так и было. Написать можно обо всем. Главное — не тема, даже не предмет изображения. Главное — то, что всем этим ты хочешь сказать.

— Папа, а про нас тоже можно написать книгу? — спросила Диана.

— Конечно! Можно написать отличный роман.

— Только про меня там писать не стоит, — заметила Инта.

— Почему? — оглянулся я на нее.

— Сейчас, после развилки, налево, — тронула она меня за плечо. — Почему?.. Ну это как-то банально будет. Встречаются он и она... Конечно же, начинается предсказуемая мелодрама.

— Нет, Инта, мы бы обманули ожидания читателей. У нас обязательно был бы неожиданный поворот.

— Придумала! — со смехом воскликнула Инта. — В тот момент, когда все бы думали, что мы станем любовниками и поженимся, я бы сделала операцию по смене пола и стала бы твоим братом. Согласись, что такого еще не было в литературе.

— Да, такого еще не было, — согласился я. — Ну и фантазия у тебя!

— А ты думал! Я, между прочим, искушенный читатель. Давай сейчас проверим, насколько у тебя феноменальная память на тексты.

— Давай. Только тексты выбирай значительные. Я ведь не все на свете читал.

— Да-да, это известная книга. Я ее недавно перечитала. Мне показалось забавным словосочетание — «толпа цилиндрносцев». То есть господ в цилиндрах.

— Это легко! Не помню про толпу и как там было дословно, но слово «цилиндрносцы» употребил Мопассан в «Монт-Ориоле». Отличная книга!

— Да, выиграть у тебя нелегко! Слушай, ты мог бы на спор столько денег выиграть! За тебя можно смело выходить замуж. С тобой с голоду не помрешь.

— Приберегу это на тот случай, если меня перестанут издавать.

— А тебе цилиндр бы пошел, — задумчиво сказала Инта. — Правда, Дианка? Видела такие шляпы?

— Видела сто раз в кино. Нет, не хочу папу в такой штуке.

— Да, — согласился я с Дианой, — цилиндр — это не мое. В Париже в те времена я бы выглядел как-то иначе.

— О, знаю-знаю, — перебила меня Инта, — ты бы жил в мансарде. А я была бы натурщицей у какого-нибудь художника, но ты увел бы меня от него. Жили бы мы в твоей мансарде над черепичными крышами Парижа, я бы готовила еду, стирала твои штаны, а ты бы писал великий роман. И мы бы обязательно дружили с Ван Гогом и ни в коем случае не дали бы ему застрелиться.

— А если бы мы жили, скажем, в Японии? — спросил я.

— В Японии ты был бы самураем. А я — гейшей. Но ты был бы бедным самураем... и выкупить меня не мог бы. Однажды темной ночью ты бы меня украл. А потом мы долго бы шли, пока не добрались бы до

какого-нибудь островка. Там мы построили бы крохотную хижину у подножия горы, под высоким бананом. Я бы готовила пищу, сажала рис, расписывала веера, а ты бы писал хокку.

— Потрясающе, Инта! Пожалуй, возьму тебя в соавторы. Какой кладёшь сюжетов!

— Правда, Интик, перебирайся к нам! Будете с папой книгу писать, — обрадованно оживилась Дианка.

— Лучше я его книги буду иллюстрировать, — сказала Инта Дианке. — И зачем перебираться к вам? Рисовать я могу и у себя дома. У меня отличная мастерская.

— Но ведь с нами интереснее!.. Инта, а если бы папа жил... Папа, как называются те горы, что мы видели недавно по телевизору?

— Гималаи, — подсказал я.

— Вот! Инта, а если бы папа жил в Гималаях?

— Дианка, я сегодня и так разболталась. Ты особо не обращай внимания, — сказала она, тронув меня сзади за плечо. — Часто то, что я говорю, это так... упражнение для рта.

— Что ты, меня это очень повеселило.

— Ну, пожалуйста, Интик! В последний раз. Если бы он жил в Гималаях...

— В Гималаях твой папа был бы снежным человеком. А я — снежной бабой. И жили бы мы в пещере. Я бы хранила огонь, готовила пищу, а твой папа... писал бы каменную книгу.

Я улыбнулся и, посмотрев в зеркальце над головой, увидел, что Инта тоже улыбается, глядя в окно на лес, дымчатый за пеленой дождя.

Мы свернули на узкую грунтовую дорогу. Лес, нависая над нами тяжёлыми лапами елей, тянулся по обеим ее сторонам. Под густыми ветвями царил сумрак, в котором виднелись поросшие мхом поваленные деревья, заросли папоротника и угадывался темный провал лесного оврага.

Дождь усилился. Дворники не успевали сбивать воду с ветрового стекла. Я остановил машину.

— Ну как погода? — спросил я Инту.

— Самое то. Правда, Дианка?

— Ага, — подтвердила та. — Не хватает только небольшого смерчика.

— Не забуксовать бы, — сказал я. — Тут нас никто не вытасчит.

— Мы почти приехали, — отозвалась позади меня Инта. — Минут пятнадцать осталось. Забуксовать тут нельзя, здесь кругом корни. Ещё немного — и вы почувствуете настоящую осень.

Дианка неожиданно чихнула и потерла ладошкой свой нос.

— Тебе не холодно? — спросил я. — Инта, как она там?

— Все нормально. Она у меня тут угрелась. Чего это ты расчихалась?

— А просто так. Дай, думаю, чихну.

— Ладно. Еду дальше.

Машина пробиралась все дальше в лес, петляя по извилистой дороге.

— Папа, мы по таким дорогам еще не ездили, правда? — сказала Диана. — Как тут интересно! И грибов, наверное, навалом... Папа, а что это за железные конусы к стволам приделаны? Ого! Да тут на всех стволах такие конусы.

— Это еловую смолу собирают.

— А зачем? И так много!

— Для чего-то нужна, Диана. Если честно, то я не знаю.

— Давай, папа, один такой конусик возьмем себе.

— Зачем он нам?

— А вдруг пригодится... Инта, а тебе такая смола не нужна? Смотри, сколько ее здесь! Вдруг новый цвет у тебя получится...

— На обратном пути возьмем, — пообещал я.

— Хе-хе! — произнесла Дианка, увидев впереди бревенчатый мостик, перекинутый через ручей.

— Вот это номер! — произнес я. — Надо бы проверить эти бревна.

— Мы здесь всегда спокойно проезжали, — сказала Инта.

— И когда ты ездила здесь в последний раз?

— Прошлым летом. Но жители соседних хуторов ездят. Вон же следы...

Я быстро выбежал под дождь и осмотрел мостик. Бревна выглядели крепкими, не подгнившими.

— Ну что же, — сказал я, садясь за руль, — попробуем быстро проехать.

— Папа, ты весь мокрый.

Мост мы проехали благополучно. Съезжая с моста, мы въехали в яму, полную воды, нас тряхнуло, ветви елей хлестанули по стеклам и крыше. Дианка, встав коленками на сиденье, некоторое время еще смотрела в заднее стекло на мостик, словно желая убедиться, что он не развалился.

— Совсем уже близко, — сказала Инта. — Теперь раскрою свой секрет. Мы едем на наш хутор. Там давно уже никто не живет. Когда-то, когда родители были живы, мы ездили сюда за грибами, да и фруктовый сад там большой. На этом хуторе жил мой дед. Это очень старый дом. Дианке на чердаке будет любопытно покопаться. Да и в сарае тоже.

— И мы там заночуем! — радостно воскликнула Дианка.

— Конечно! Любите рыбу ловить?

— Еще как! — отозвалась Диана.

— В сарае есть и удочки, и все нужное для ловли. Даже сетка где-то была. Утром, если не будет дождя, покажу, какое у нас тут озеро. И лодку у соседей достанем.

— Куда теперь? — спросил я, увидев, что дорога раздваивается.

— Направо. Заедем к соседям, я давно их не видела.

Вскоре мы подъехали к старому дому, увитому диким виноградом. За домом, между темными стволами деревьев, светлело в сгущающихся сумерках туманное поле. Дождь кончился, только с ветвей при порывах ветра летели вниз капли дождя.

Инта вышла из машины и постучала в дверь дома. Ей открыла полная белокурая женщина, в одном халатике и с мокрыми волосами. Она обрадованно обняла Инту и увлекла за собой в дом.

— Хм... старинный дом... — произнесла задумчиво Дианка. — А вдруг я там на чердаке сундук найду? А в нем... Папа, как думаешь, там может быть сундук?

— Все может быть.

— А с Интой хорошо, правда? — спросила Диана.

— Да. Она как... свой человек.

— Так она и есть свой человек. Мне она очень нравится.

— Мне тоже нравится.

Дианка почему-то вздохнула. Я оглянулся на нее.

— Только, наверное, мне она нравится больше, чем тебе, — сказала тихо Дианка.

Дверь дома открылась, показалась Инта с большой корзиной, наполненной свертками.

— Вы знаете, что я узнала?! — выпалила она возбужденно, усаживаясь рядом с Дианкой. — Идет ураган! Самый настоящий! Ветер будет до пятидесяти метров в секунду.

— Ничего себе! — воскликнула Дианка. — Папа, а это много — пятьдесят метров в секунду?

— Достаточно, чтобы ломать деревья.

— Меня тогда вообще унесет на небо, — сделала вывод Диана.

— Теперь, пока не стемнело, едем скорее на хутор. Надо до темноты еще много дел переделать.

— Каких дел? — спросила Диана.

— Надо все прибрать, дров наносить. Знаешь, как там холодно! Но растопим печь, накроем на стол — и никакая непогода нам не страшна... Там, кстати, света нет. Так что твоя лампа нам очень пригодится.

— Ты заметила, Инта, как-то так получается, что мы все время в разные непогоды собираемся вместе, — сказала Диана, поглядывая на небо.

— Знаешь, Дианка, кто-то однажды сказал, что близкий человек — это тот, с кем ты можешь спокойно помолчать. И молчание это не тягостно. Так вот, я вывела еще одно правило: близкий человек — это тот, с кем тебе хорошо в непогоду. Правильно?

— Правильно. Интик, я целую банку масла для лампы прихватила, — довольно заметила Диана.

Хутор

Хутор стоял на краю большого холмистого поля. Каменная стена дома, выложенная до верхнего уровня окон из больших камней, светлела на фоне темного леса. Выше дом был сложен из почерневших от старости бревен. Крыша, древняя, крытая толстым слоем камыша, особенно восхитила Дианку.

Я остановил машину у самого дома. По небу быстро летели низкие грозовые тучи. Вершины деревьев грозно шумели на ветру. Инта открыла дверь, и мы вошли в дом, подталкиваемые порывами ветра.

— Дианка, давай зажжем твою лампу. Я еще свечей прихватила, так что будет светло. Сейчас проверим, все ли окна целы. Надо принести как можно больше дров, пока еще не совсем темно, — повернулась ко мне Инта. — Они с той стороны дома, под крышей. Если что — есть еще в сарае.

Я обошел дом снаружи. Лес шумел. Откуда-то сверху донеслись резкие крики птицы. Я вглядывался в небо, надеясь ее увидеть, но видел только темные клочки низко летящих туч.

Набирая охапку дров, я заметил, что в окне затеплился свет: Дианка зажгла свою лампу. Вот тебе и «важность первой необходимости».

Я наносил дров, наколот щепы, и вскоре в большой открытой печи загудел огонь. При свете лампы и горящих свечей, прихваченных Дианкой, я смог разглядеть пространство первого этажа большого хуторского дома — крепкий пол из добротных досок, толстый брус, проходящий под потолком через всю комнату, и большой стол на возвышении. В дальнем темном углу поблескивали стекла старинного шкафа и виднелась крутая лестница на второй этаж.

— Дианка, пока на второй этаж не ходи, — сказала Инта. — Завтра, когда будет светло, все тебе покажу. А здесь вы и так всё видите. Вон та дверь в еще одну комнатку, но она пустая, не жилая. А вон та дверка — туалет. Лет пять назад отец сделал там все очень даже прилично. Печь согревает там стену — и скоро будет тепло, можно и помыться. Я только воды наношу, а то вы колонку в этой темноте уже не найдете.

— Давай я помогу, — сказал я, забирая у Инты из рук ведро.

— И я с вами, — засобиравшись Дианка и тут же чихнула в ладошку.

— Нет-нет, — остановила ее Инта. — Тебе поручается важное дело — хранить огонь, чтобы он не погас. А мы очень быстро. Только воды наносим.

Мы вышли из дома, и я пошел следом за Интой, стараясь не споткнуться в темноте. Старинная колонка с изгибисто-витиеватой ручкой была неподалеку от еще более древнего колодца-журавля. Я едва разглядел его на фоне неба. Между туч проглянула луна.

— Посмотри, — сказала Инта, — лунное лицо сейчас совсем лежит! Прямо на девяносто градусов развернуто! Я что-то раньше такого не замечала. Спит луна, но продолжает что-то кричать своим раскрытым ртом.

— Я тоже такое не видел. Эх, Дианке бы показать!

— Подожди, у того колодца еще ведро есть.

Инта шагнула в темноту. Луна снова скрылась за тучами. Я услышал звон цепи колодца-журавля, скрип старого дерева — и тут же легкие шаги Инты. Она повесила ведро на металлическую петельку колонки.

— Теперь до утра нам хватит.

Я качал воду и чувствовал, что Инта смотрит на меня.

— Так интересно за вами с Дианкой наблюдать, — сказала она. — Она тебя любит, но иногда мне кажется, что ей чего-то не хватает... Может, подруги... или сестры. Есть у нее подруга?

— Настоящей подруги у нее нет.

— Как бы она тебя ни любила, есть вещи, которые она тебе не сможет сказать. Особенно когда станет чуть старше.

Из-за быстро летящей тучи выглянул край луны, и ее свет озарил покатый склон с высокой поникшей травой.

— Я у моря живу пятнадцать лет. Именно тогда отец закончил строить наш дом. До этого, в детстве, подолгу жила здесь. Мне нравилось это поле и лес даже осенью и зимой. Видишь вон тот холм посередине поля? Когда была маленькая, любила там играть. Вокруг лес, но он далеко, и когда поднимаешься на тот холм, особенно чувствуешь огромность неба. Меня поражало, что так много воздуха надо мной. Целое море воздуха. Я была совсем маленькая, но уже тогда поняла, как это здорово — глубоко дышать, видеть голубое небо, слышать стрекот кузнечиков, потрескивание крыльев стрекоз в жаркие летние дни. Наверное, странные мысли для ребенка, правда?..

— Вовсе нет. Особенно если ребенок один, что порой бывает полезно. Когда человек один, он настоящий.

Я попытался разглядеть лицо Инты, но увидел лишь крохотные отблески лунного света, блеснувшие в ее глазах.

— Хотелось бы увидеть, какая ты тогда была, — сказал я.

— Я тогда была совсем другая. Чистая и безгрешная. Я так изменилась, что мне трудно вспомнить себя прежнюю. Сейчас я другой человек.

— А какая ты?

Инта на миг задумалась.

— Какая я? Если бы я знала... Знаю только одно — я не могу быть теплой. Нет, могу, конечно, заставить себя быть ровной, спокойной, но надолго меня не хватит, я взорвусь. Я — это крайности. А крайность честнее. И я хочу верить хорошим и добрым словам. И я верю в любовь, я не могу без любви...

Инта повернулась спиной ко мне и пошла к дому — темный силуэт на фоне луны.

Когда мы с Интой вошли в дом, увидели, что Дианка возится у печи, пытается положить в огонь большое полено.

— Ничего не погасло, — доложила она. — Только, если честно, я очень кушать хочу.

— Сейчас посмотрим, что нам соседи дали. А ты не рано куртку сняла?

— Да тут же теплынь!

В доме действительно стало теплее, а рядом с гудящей печью и вовсе жарко.

— Этот дом хитро построен, — сказала Инта. — Он как термос: чем наполнишь его, то и хранит. Когда мы вошли, здесь было холоднее, чем снаружи. Но натопим, и будет тепло до самого утра.

Мы с Интой стали разворачивать пакеты, которыми нас одарили соседи, а Дианка, освобожденная от обязанностей хранительницы очага, принялась за обследование шкафа. То и дело слышались ее возгласы — «ничего себе!», «а это что еще такое?!»

— Дианка, иди лучше к нам, — позвала Инта. — Любишь сыр с тмином? А какой черный хлеб! Они, между прочим, сами пекут. И колбаса, и ветчина!.. Дианка, давай сюда. У меня уже слюнки текут.

— Инта. — Дианка потянула ее за рукав. — Смотри, какое громадное увеличительное стекло на ручке. Старинное, наверно.

И она поднесла линзу к своему карему глазу, отчего он стал огромным. Мы с Интой рассмеялись, глядя на такое чудище.

— Инта, а можно... я возьму его себе? — спросила Диана.

— Конечно! Бери все, что тебе понравится. Сюда же кто-нибудь залезть может, украсть... так что, если найдешь что-нибудь интересное, смело бери себе, пусть у тебя хранится. Так и мне будет спокойнее.

— Я там видела такие кристаллики, как у люстры... — осторожно заметила Диана.

— Я их помню. Пойди поищи еще что-нибудь. Все, что понравится, бери себе. И даже не спрашивай у меня. Чувствуй себя как дома. Кстати, там должны быть и книги. Есть и ценные. Надо будет все это забрать с собой.

Потрескивала жаркая печь. Отсветы пламени поигрывали на стеклышках старинного шкафа, пробежали по бревенчатым стенам, тускло отсвечивали на перилах лестницы. Свет лампы на столе освещал нашу трапезу. Дианке хотелось хоть по чуть-чуть, но всего попробовать.

— Дианка, попробуй эту рыбку. Она называется луч, — предложила ей Инта.

— Что-то она на змейку похожа...

— Ну вот еще! Миног же ты ешь. А эта рыба называется lucis. Что-то вроде угря, только небольшая.

Инта из большого закопченного чайника, разогретого на печи, разлила в большие кружки чай и раскрыла завернутые в полотенце ломти яблочного пирога.

— Папа, — сказала Дианка, — а правда, что американцы едят яблочный пирог с мороженым?

— Да. В каком-то фильме видел. Мне кажется, что они не совсем правильно питаются.

— Нет, папа, надо сначала попробовать. Вдруг вкусно?

— Хорошо, Дианка, попробуем.

— Фуф, я наелась! — Дианка откинулась на спинку стула. — Жаль, что дождь идет, и мы не можем погулять.

— Слышишь, какой ветер поднимается? — сказала ей Инта. — К утру он разгонит все тучи, и мы пойдем на озеро.

— Как бы этот ветер не нагнал еще больше туч.

— Надо, Дианка, верить в лучшее. Кстати, сейчас уже темно, я не могу тебе показать одну вещь, но завтра посмотришь и убедишься, что

это так. Смотри — сейчас осень, стоят туманные, дождливые дни, листва почти опала. Все так грустно, деревья и кусты совсем голые. Впереди зима с морозами и снегопадами. И до весны с летом так далеко... Правда?

— Да, — согласилась Дианка. — В моей комнате фонарь бросает на стенку квадрат света. Как экран в кино. И летом такие тени от ветвей колышутся по стенке! Я люблю смотреть на них и засыпать. А сейчас на стенке голые прутья дрожат на ветру.

— Все так... Но... Ты готова к тому, что я сейчас скажу? — спросила Инта таинственно.

— Да, — дыхнула Дианка.

— Так вот, весна уже наступает. Если бы не ночь и не темнота, то весну можно было бы увидеть прямо сейчас.

— Как? — удивилась Дианка.

— А вот завтра подойди к любому кусту или дереву, приглядишься — и ты увидишь, что все ветки в почках. Понимаешь, еще только осень, впереди долгая зима, а все почки на деревьях и кустах уже есть. Все деревья готовы к весне! Она будет. Будущую весну можно уже прямо сейчас увидеть и потрогать.

Порыв ветра с дождем надавил на оконное стекло. Наверху дома что-то стукнуло, загремело. Округлившимися глазами Дианка вопросительно глянула на Инту.

— Это ветка ударила по крыше. У нас за домом старей-старей дуб с дуплом. Я в детстве верила, что там живет сова. Она и вправду часто летала у нас над полем.

— Инта, а мы будем спать на этой кровати? — показала Дианка на огромную кровать у окна.

— А здесь есть еще какая-нибудь? — усмехнулась Инта.

— Есть, — ответила Дианка. — Я видела раскладушку у двери. Но мы все уместимся на этой кровати. Если бы с нами был мой друг Мишка, то и он бы уместился. Ничего себе кроватище!

Дианка подошла к постели, чтобы рассмотреть ее получше.

— А когда мы застилать ее будем? — спросила она, коснувшись резьбы на массивном темном изголовье. — Стариннейшая кровать! — прошептала она. — На такой кровати, наверное, снятся старинные сны.

— Сейчас я постелю, только сначала уберу наши припасы в холодный шкаф.

Дианка с Интой стелили постель, а я рассматривал книги в шкафу. Мне попалось старинное издание «Времен землемеров» и несколько книг времен первой республики. Да, такие сокровища, конечно, надо взять с собой.

Инта согрела одеяла перед печью и только потом уложила их на постель. Дианка быстро разделась, юркнула под ворох теплого одеяла и стала под ним ворочаться. Время от времени показывалась то ее розовая пятка, то разлохмаченная голова.

— Инта, — сказала Дианка, наваливая на себя подушку и борясь с ней, — только я буду посередке. Ладно? Сбоку страшно. Вдруг кто-нибудь подкрадется ночью.

— Хорошо. Посередке — самое лучшее место.

— Ага! Можно греться об вас обоих. Инта, папа, залезайте тоже ко мне! Прижмемся покрепче и будем ждать ураган. Кажется, он уже начинается.

— Может, и правда ложись, — посоветовал я Инте. — Дианку погреешь. А я тут у огня еще посижу. Тут у вас действительно много интересных книг.

Инта за моей спиной легла с Дианкой, а я поворошил угли в печи и сидел некоторое время, глядя на огонь и листая ветхую старинную книгу. Снаружи доносилось завывание ветра; иногда вихри воздуха задували и в трубу, тогда угли в печи разгорались. Стало по-настоящему тепло.

— Папа, мы греем тебе место, — сообщила мне Дианка.

— Это здорово.

— А ты читаешь и латышские книги? — поинтересовалась Инта.

— Конечно! Ты разве не видела у меня в комнате на полках латышские издания?

— И кто из латышских писателей тебе нравится?

— Ну, если хронологически... Люблю Блауманиса. А Александра Чака считаю поэтом мирового уровня. Мне очень нравятся стихи Арии Элксне... Кстати, про Блауманиса сейчас вспомнил...

— Что? — спросила Инта.

— Да ладно... Пустяки...

— Вот так не люблю. Если начал, то уж договаривай.

— Когда читал «В тени смерти», заметил одну вещь, которая мне показалась странной. Очень этот момент отличается от русской литературы, да и вообще — мировой. Люди в море, на краю гибели, их чувства, переживания — ситуация, часто встречающаяся в литературе того времени. Но вот что поразительно в «Тени смерти», которая написана в 1899 году и повествует о простых рыбаках, которых льдина уносит в море. Поразительно там то, что перед лицом смерти никто из рыбаков девятнадцатого века не вспомнил о боге. Никто не молил его о помощи, не стал давать никаких обетов, чем, кстати, пестрит мировая литература. Меня это удивило. Я такое не могу представить ни у Джозефа Конрада, ни у Мелвилла.

— Я читала когда-то в «В тени смерти», — задумчиво произнесла Инта. — Но как-то не обратила на это внимания. Может, ты не заметил, пропустил? Ведь читал не на родном языке. Но если это и так, какое может быть объяснение?

— Думаю, причина в том, что латыши не столько католики, сколько язычники. Потому и языческий праздник Лиго всегда здесь празднуется с таким энтузиазмом. Этот древнейший праздник для любого латыша не только наисовременнейший, но и праздник будущего. Я это понял во время последнего празднования. Представь себе — глубокая ночь у моря, костры, народ отмечает праздник вовсю. Пиво рекой, песни, все навеселе... И тут я увидел, что там, ночью, у костров очень много детей. Все, кто только мог, пришли на праздник со своими детьми, чтобы и им пере-

дать, как эстафету, дух этого праздника. Я видел людей даже с детскими колясками. Что может увидеть, понять такой ребенок? Ничего. Но Лиго наполнено своей особой вибрацией, атмосферой, и ребенок может это чувствовать. Это мне очень нравится у латышей.

Мы чуть помолчали. Слышно было, как нарастает ветер и постреливают поленья в печи.

Инта повалила прыгавшую на подушке Диану и стала ерошить ей волосы. Дианка под ней визжала и брыкалась.

— Посмотрим теперь твою прическу... О, какая хорошая метелочка! — Инта еще больше взъерошила ей волосы. — У нас тут как раз хорошей метелки нет. Используем теперь тебя, Дианка, при уборке.

Обхватив Диану, она попыталась перевернуть ее вверх ногами, что вызвало у той неописуемый восторг, выразившийся в еще более громком визге.

— Если бы я встретил в лесу девочку с такой прической на голове, то испугался бы, — сказал я.

Диана вдруг села в кровати. Глаза ее были закрыты, лицо непроницаемо, а волосы на голове торчали во все стороны. Несколько перышек от подушки пристали к ее разлохмаченным локонам. Диана протянула руки вперед и завывающим голосом хрипло произнесла:

— Поднимите мне веки!..

— Дианка, прекрати так говорить, сорвешь связки, — сказал я, едва сдерживая смех. — Будешь потом всех пугать.

— Ладно, — сказала Диана нормальным голосом.

Она вылезла из кровати, порылась в рюкзаке и быстро юркнула под одеяло, положив себе на живот маленький белый ноутбук.

— Давай, Инта, я тебе свои фотки покажу. Я закаты люблю снимать.

Инта с легкой улыбкой смотрела на снимки Дианы, время от времени поглядывая поверх ноутбука на меня.

— Ну вот, Дианка, какая ты талантливая! Ты и фотограф, и рассказчик, и поэт, и... Что ты еще умеешь?..

— Я еще умею громко щелкать языком.

— Вот как много у тебя талантов! А ведь совсем недавно я даже не знала, что ты есть на свете.

Наши глаза с Интой встретились. Дианка пригелась рядом с ней, прижавшись щекой к плечу. Темные волосы Дианы спутались на подушке с волосами Инты.

— А я сейчас, между прочим, перечитываю твою книгу, — сказала Инта.

— И на каком ты месте? — спросил я.

— Ну... там, где они заходят в пещеру и видят свет. Все очень здорово, но чего мне не хватает... Мне не хватает иллюстраций. А ведь там такие дантовские сцены! Взять хотя бы ту, где Адам стоит на вершине скалы, а под ним тучи, а еще ниже — город, весь в огне... Доре бы так все это изобразил!

— У меня нет своего Доре, — сказал я. — Может, ты хочешь попробовать проиллюстрировать?

— Это не так просто. Я пока еще не представляю, как это изобразить. Если идеи будут, попробую что-то набросать.

— Я тоже не люблю книги без картинок, — сказала Дианка.

— Ладно, я попробую, — сказала Инта.

— Давайте-ка и я лягу, — сказал я, залезая под одеяло.

— Давно уж пора, — со смехом заметила Инта. — Теперь уж точно Дианка не замерзнет. Давай, Дианка, к нам. Хватит так сидеть, здесь все-таки прохладно.

— Я поленце покрупнее подброшу, — сказал я, снова вставая.

— Папа всегда так, — сообщила Дианка Инте. — Только начнет мне историю рассказывать, как тут же вспоминает, что поленце надо подбросить, чай согреть или дверь проверить.

— Что там еще интересное происходит? — сказал я, укладывая в огонь сучковатое березовое полено. Такое явно следовало бы разрубить надвое, но ничего, дольше гореть будет.

— Совсем темно. Ничего не видно, — доложила Диана. — Но огоньки горят. А интересно было бы пойти посмотреть, что же за огоньки такие.

Я снова лег и, потянув Дианку к себе, уложил ее под одеяло. Ну конечно, пятки и ладонки холодные! Мы с Интой стали ее растирать и согревать. Дианка визжала и норовила выгнуться мостиком. Уверен, что она была в этот момент очень счастлива.

Когда я снова лег, Дианка, дыша ириской, сказала:

— Пап, расскажи что-нибудь...

— Из жизни диких поросят?

— Нет. Расскажи про себя маленького.

— Ты про меня уже все знаешь. Пусть лучше Инта тебе расскажет о себе. Это будет интереснее.

— Инта, расскажи про себя маленькую, — попросила ее Дианка. — Только подожди... Я сначала кое-куда хочу.

— Пойдем, — сказала Инта, помогая ей встать в темноте.

— Там не холодно? — спросил я.

— Там уже все согрелось, — заверила Инта. — Там и бойлер есть, можно душ принять. Все как в лучших домах.

Оставшись один, я приподнялся и посмотрел в окно. Отсвет огня из печи чуть озарял оконную раму, я видел, как темные вершины леса тяжело покачиваются, а в озаренном луной небе быстро летят клубы черных туч. Но чувствовалось, что ветер стихает. Не было уже таких порывов, когда, казалось, дрожали стены.

Дианка прибежала и быстро зарылась в одеяло. От нее веяло ароматом мыла и зубной пасты. Инта вернулась следом за ней и, задув свечу, легла в постель.

— Опять холодная, — сказал я, согревая руками пятки дочери.

— Ничего, я сейчас залезу под одеяло и надышу там, — сказала Дианка. — Интик, погладь мне спинку и расскажи про себя маленькую.

Инта вздохнула и, поглаживая Дианку, задумалась.

— А ты раньше не видела здесь такие огоньки? — спросила ее Дианка.

— Нет, не видела. Но иногда в лесу приходилось сталкиваться со странными вещами.

— Расскажи...

Дианка притихла, повернувшись к Инте и прижавшись лбом к ее плечу.

— Однажды, — начала Инта, — я пошла в лес за грибами. Здесь неподалеку есть лесной овраг, там всегда было много грибов.

— Каких? — поинтересовалась Дианка.

— Там росли подосиновики. И вот... шла я, шла, собирала грибы — и незаметно для себя зашла в густые заросли. Приседая, чтобы срезать гриб, я услышала в лесу какой-то стук. Звук этот шел из-за деревьев и, как показалось, приближался ко мне. Места тут, сами видели, глухие. Собирая грибы или ягоды, я никогда никого здесь не встречала. Но этот странный звук приближался ко мне с большой скоростью.

— Почему он был странный? — продышала Дианка.

— Он был похож на то... как если бы кто-то стучал костью о кость.

— А может, это был не «кто-то», а «что-то»? — предположила Диана.

— Не знаю... Но я очень испугалась и бросилась бежать. Конечно, если бы я осталась, я узнала бы, что это было, но еще вопрос — рассказала бы я тебе сейчас об этом...

— И ты так и не узнала, что это было? — разочарованно произнесла Диана.

— Нет. И больше туда не ходила.

Инта и Дианка замолчали, я только слышал дыхание дочки и то, как Инта поглаживает ее спину под рубашкой пижамы. Я уже думал, что Дианка заснула, как вдруг она сказала:

— А если бы мы сейчас пошли в лес...

— Сейчас? — удивилась Инта. — А что там сейчас, в лесу?

— Там сейчас страшненько... Рассказать, что там сейчас?.. Если оказаться сейчас в лесу, то можно в темноте увидеть огоньки. Это ночные грибы. Они светятся зеленоватым светом... Когда приглядываешься к нему, то начинаешь слышать, как грибы шепчут: «Приди сорви нас... Разогрей огромный котел, свари нас и съешь. Как только ты нас съешь, тебе тут же откроются все тайны Земли...»

Последние слова она произнесла совсем медленно, затихла и, глубоко вздохнув, заснула.

Качели

Вот уже неделю Дианка пыталась дать мне понять, что чувствует себя неважнецки, что вот-вот заболит. При этом она искусно шмыгала носом, талантливо покашливала, трогала лоб и тяжело вздыхала. Да, чем тяжелее жизнь у школьника, тем легче он овладевает системой Станиславского...

После поездки на хутор Инта не звонила, я же углубился в работу. Целыми днями лил монотонный дождь, за окном все поникло, осунулось, не было желания выходить даже в магазин. Представляю, каково было Дианке вставать в шесть утра и выгонять себя на улицу, — я жалел ее, но жалел молча: школа есть школа.

Наконец мы с Дианкой добрались до четверга, завтра пятница. Еще чуть-чуть — и выходные. Ребенок мой крепился как мог, но шмыгать носом не переставал.

Полужинав, мы расположились у камина. Я жарко растопил его и принес «хворающей» любимый красный клетчатый плед и большой том с карикатурами Бидструпа. Дианка уселась в кресло, завернулась в плед и, листая альбом, в очередной раз тяжело вздохнула:

— Что-то Интика давно не слышно. Я соскучилась. Пап, давай я ей позвоню?

— Уже поздно, может, она спать легла. Ты уж позвони завтра, — предложил я, раскрывая томик Чехова.

В этот момент раздался звонок на мой мобильный, и я узнал голос Инты.

— Привет! А я тут валяюсь, — услышал я ее нервный смешок сквозь непонятный шелестящий шум.

— Что случилось? Где ты? — тревожно спросил я.

— Зайдешь ко мне во двор, я окликну тебя. Я... там, внизу, за качелями. Я вправду валяюсь и встать не могу...

Едва прекратившийся дождь, словно издеваясь, разошелся с новой силой. Я сел в машину и поехал вниз по прибрежной улочке. Дом Инты светился одним окошком из башенки, смотрящей на море. Я оставил машину у калитки и поспешил во двор. Зонт я забыл дома, потому тут же ощутил, как голову окатил поток воды.

Вокруг дома слышался тревожный шум сосен. Я шел почти на ощупь — до того было темно.

— Я здесь! — Едва слышный из-за шума волн голос Инты раздался откуда-то из-за дюны.

Я обогнул качели, закрепленные между двумя старыми соснами, спустился по дюне вниз и тут же заметил ее, сидящую на мокром мху. Влажные волосы облепили похудевшее, бледное лицо. Легкая горестная улыбка показалась мне неестественной, какой-то вымученно-болезненной.

— Что с тобой? Я подниму тебя!

— Подожди, я, кажется, сломала ногу. Во всяком случае, боль жуткая. Вот идиотка!

Я поднял ее и хотел понести наверх по рыхлому песку.

— Нет-нет, поставь меня. Хочу понять, могу ли стоять сама.

Инта попыталась опереться о поврежденную ногу и, сильно вскрикнув, чуть не упала.

— Дура! Тысячу раз дура! Вечно я попадаю в idiotские ситуации.

— Давай-ка отнесу тебя в машину. Надо ехать в больницу.

В больнице было тепло и светло. Промокший насквозь, я пытался отогреться у кабинета хирурга. Инту увезли делать рентген. Я все не мог забыть ее улыбку и взгляд, потерянно-безумный. Мне казалось, что она словно бежит от чего-то, что внутри нее живет какая-то боль или страх. Вряд ли это могла быть банальная боль одиночества. Часто, когда мы оставались наедине, я ловил ее взгляд, и на миг мне казалось, что она хочет что-то сказать, но каждый раз, так ничего и не сказав, она отводила взгляд в сторону. Мог ли я задавать вопросы... Ведь кто мы друг другу... А действительно, кто мы друг другу?... Я вспомнил ночь на хуторе, нас с Интой в одной постели и Диану, лежавшую между нами, подобно мечу. Много раз в своем воображении я фантазировал о возможности близости с Интой, ведь для чего-то судьба свела нас, но не мог представить нас вместе. Если бы не Дианка со своей гиперкоммуникабельностью, вряд ли произошло бы наше знакомство. Да уж, этот ребенок — центр вселенной, все крутится вокруг него...

Мои мысли прервал выходящий из кабинета доктор, высокий, с рыжей бородкой и пронзительным взглядом улыбающихся глаз, смотрящих поверх очков.

— На каком языке к вам обращаться? — спросил он меня по-латышски. — Могу на английском, французском, на идиш...

По его взгляду я понял, что он шутит.

— Можно по-русски.

— Прекрасно, — произнес он с легким акцентом и, помедлив, продолжил: — Ваша дама будет жить. Все что надо я отрезал, а остальное ей пригодится в жизни.

В этот момент открылась дверь процедурного кабинета, и медбрат вывез Инту на коляске. Нога ее, тщательно оберегаемая гипсом, была вытянута параллельно полу.

— Доктор, сколько я вам должна? — спросила Инта с некоторой опаской, явственно выдавая тайну: у нее не было с собой денег.

Веселый хирург взглянул на регистратуру, потом снова пристально посмотрел на Инту, словно обдумывая ее вопрос.

— Дуйте отсюда! — заговорщическим шепотом произнес он. — И чтобы я больше вас здесь не видел, а в следующий раз, когда вздумаете качаться на качелях, не забудьте пристегнуть ремни. Хотя увидеться еще придется: через неделю милости прошу, посмотрим, как там ваш ушиб колена.

Медбрат, похотывая над шутками шефа, помог нам сесть в машину, пожелал счастливого пути и мягко закрыл дверцу. Чем-то он мне напомнил Петруху из «Белого солнца пустыни».

Я взглянул на часы: была уже половина одиннадцатого.

— Веселая клиника. Может, расскажешь, что произошло? Не похоже, чтобы ты в такую погоду решила покататься на качелях.

— Отчего же?.. Я именно решила покататься.

Инта, сидя на заднем сиденье, задумчиво смотрела в боковое окно. По ее лицу скользили отблески света от потеков воды по стеклу. Полосы движущихся теней ломали облик, обостряя и без того углубившиеся тени под глазами. Она заметно осунулась за то время, что мы не виделись. Я только в больнице разглядел, как она изменилась, похудела.

Ничего ей не сказав, я позвонил Дианке.

— Цыпленок, ты еще не спишь? Постели в моем кабинете на первом этаже, Инта будет жить у нас... Ой, только не так громко, — сказал я, отстраняя трубку от уха.

Инта еще долго убеждала меня, что поедет к себе, что она сама со всем справится: подумаешь, нога в гипсе, главное — голова на месте. Последний ее довод я пропустил мимо ушей и просто промолчал, не пытаясь переубедить.

Дианка встретила нас иллюминацией во всех окнах дома. Когда я помогал Инте выбраться из машины, слышал через приоткрытое окно, как Дианка на кухне звякает посудой.

В доме я донес Инту до кресла, усадил в него и подставил пуфик под забинтованную ногу.

— У меня джинсы грязные... и вообще... Глупо как-то все...

— Интик! Как здорово! Ты теперь у нас будешь жить!

Дианка подскочила с чашкой горячего чая и бутербродом.

— На, скорее попей чаю и покушай. Теперь я за тобой ухаживать буду.

— Послушайте, друзья, не делайте из меня беспомощную. Мне бы только костыли раздобыть.

— Зачем тебе костыли, ведь у тебя есть я!

Дианка была явно рада сложившимся обстоятельствам и едва сдерживалась, чтобы не затанцевать вокруг кресла.

Я оставил их вдвоем и направился в ванную. Там повесил чистое полотенце, включил горячую воду. Инте надо как-то помыться, попытаться снять стресс. Я всю дорогу чувствовал, как она напряжена.

— Папа, у нас, кажется, в кладовой костыли были. Помнишь, дедушка ногу ломал?

Дианка уже гремела вещами в кладовой.

— Во, нашла! Интик, я тебе ноги нашла!

Красные, синие, желтые, белые

Дианка уже проснулась.

Я накинул халат, спустился по лестнице вниз и приоткрыл дверь кухни.

— Ты что так рано, цыпленок? Выходной, а ты уже не спишь.

— Пап, сюда нельзя!

Дианка подскочила к двери и захлопнула ее перед моим носом.

— Эй, я попить вообще-то хочу. Можно хоть к холодильнику по-дойти?

Вместо ответа приотворилась дверь, мне был подан стакан с водой.

— Спасибо! Это как раз тот случай, когда дочь подала стакан воды.

— Я, папа, скоро не только стакан воды подам. Увидишь, что сделаю. Инта спит... и ты еще поспи.

— Раз Инта спит, я тоже пойду. А ты, цыпленок, в последнее время вредничаешь.

— И ничего я не вредничаю, я сюрприз готовлю. Ясно?

Ее взлохмаченная голова высунулась из-за двери.

— Ясно.

Спать уже не хотелось, и я пошел в душ. Сегодня надо было поработать во дворе — пополнить запас щепы для растопки, наносить дров. Когда живешь в своем доме, дел много. Дом — как корабль, а ты — вся его команда. Еще с самого детства я этот дом иначе, чем кораблем, и не представлял, когда в непогоду поднимался на второй этаж и стоял у окна, выходящего к морю. Дождь хлестал по стеклу, ветви деревьев качались вокруг дома, словно вздымающиеся волны...

Тут я услышал голос Инты из ее комнаты. Когда я вошел к ней, она сказала:

— А ты знаешь, болеть иногда полезно: я полночи рисовала. Показать?

Я стал рассматривать рисунки, сделанные гелевой ручкой в Дианкином блокноте, и с удивлением почувствовал в них что-то очень знакомое.

— Это же иллюстрации к «Архитектуре рая»! — поразился я.

— Да, это они.

— Здорово! А ты можешь еще нарисовать?

— Могу. И главное — хочу.

— Сейчас как раз готовится новое издание. Это ведь такая роскошная книга может получиться!

— Если захочешь — сделаю.

— Да о чем ты говоришь, Инта! Я всегда мечтал об этом. Инта когда-то хотела иллюстрировать мои книги, но тогда я только начинал писать. Мы мечтали с ней, что я напишу свой первый роман, и она оформит его... Не получилось... Извини, наверное, я не должен был говорить тебе об этом. Просто она сегодня мне приснилась. Не знаю, что значил этот сон. И еще снились багровые тучи.

— Ты лучше об этом говори. Об этом надо говорить, это часть твоей жизни... — Инта посмотрела на дверь и спросила: — Ты не чувствуешь запах горелого?

— Это Дианка что-то готовит!

Я поспешил на кухню, из которой уже валили клубы дыма, отворил дверь и увидел своего растрепанного, взлохмаченного ребенка, перемазанного мукой и еще чем-то непонятным. Дианка сидела на полу перед духовкой. Ее вид меня и развеселил и огорчил одновременно: распахну-

тые глаза, растерянная улыбка — и только в глазах предательски посверкивали искорки подступивших слез.

Я присел рядом с ней на корточки, обнял хрупкое тельце в желтом махровом халатике и заглянул в духовку.

— Хозяюшка ты моя, не расстраивайся. Ты же так старалась. Что-то сгорело?

— Пиро-о-ог... — едва сдерживая слезы, произнесла она и закусила губу. — Чего он такой? Взял и сгорел.

— Не расстраивайся, не плачь. Первый блин — он же всегда комам.

— Кому-кому? — переспросила Дианка.

— Что — кому? — не понял я.

— Кому первый блин?

— Комы — это были такие лесные духи, и в Древней Руси, когда пекли блины, им отдавали первый блин. Оттого и поговорка такая: первый блин — комам... а не *комом*, как обычно думают.

Дианка повеселела и крепко обняла меня.

— Это, получается, я комам готовила, — прошептала она у моего уха.

Опираясь на костыли, вошла Инта.

— Динь-Динь, у меня в голове давно один рецепт сидит, вот только все никак до него дело не доходило. Мы этот пирог еще с мамой вместе готовили, когда я маленькой была.

— А давай сейчас приготовим? — предложила Дианка. — Я только немного приберу.

— Давай! Я тут у окошка присяду, вытяну ногу и буду подсказывать тебе. В это плетеное кресло можно сесть? Не развалится раритет? А то мне больше падать нельзя.

— Ура, а я сама буду готовить! — обрадовалась Дианка. — Комов я накормила, теперь для нас буду готовить. А в кресло садись, оно крепкое. В нем еще бабушка любила сидеть.

— Ты помнишь бабушку? — удивилась Инта.

— Нет, мне папа рассказывал. Я помню только папу, а всех других видела на снимках.

Успокоенный, я вышел из дома и спустился к морю. Мрачное, рочущее, оно раскинулось во всю ширь горизонта. Я посмотрел влево и вправо вдоль берега и заметил, что со всех сторон приближается облако морозящего тумана. В нем таял лес, тянущийся вдоль берега, и линия горизонта в море становилась все менее заметной. На лице почувствовались колющие прикосновения капелек водяной пыли. В этот момент мне показалось, что в мире вообще нет ничего определенного и ясного. Все, что я вижу, о чем думаю, все, что я чувствую, совсем не такое на самом деле.

Я оглянулся на наш дом на дюне и заметил бельевую веревку, растянутую Дианкой между двумя соснами. В сером мареве осеннего дня яркими цветными пятнами, словно не из нашего мира, горели на веревке прищепки — красные, синие, желтые, белые...

ГРАНЬ ТРЕТЬЯ. ЗИМА

На краю света

Празднование Нового года решили устроить на кухне. Причина была одна — огромное окно, в которое видно море и берег, тянувшийся в сторону Риги. Дианка любила огненные вспышки салютов над морем и большие костры, а в эту ночь их должно было быть немало.

У окна, на любимом старинном столике Инты был установлен приготовленный ею торт. Несколько белых пятнышек сахарной пудры на носу Дианки свидетельствовали и о ее активном участии в приготовлении торта. Остальные вкусности купили в гипермаркете, чтобы не заморачиваться с готовкой.

Стол был накрыт, и при свете свечей в подсвечнике мы закатали, по выражению Дианки, пир на весь мир.

— Надо же, сегодня звездное небо, — кивнула Дианка в сторону окна, добавляя себе салатик. — Редкий случай — мы все вместе и никаких катаклизмов.

За окном была тьма, только по цепочке огоньков кораблей угадывался морской горизонт. Вдоль берега среди сосен светились окна домов, над замершим во тьме миром сияли крупные звезды.

— Давайте выпьем за уходящий год! — сказала Инта. — Пусть все плохое останется позади и скорее забудется.

— Давайте, — сказал я, чокаясь с Интой и Дианкой.

В девять часов над морем загрохотал салют.

— Чего это они? — удивилась Дианка. — Рановато вроде... Наверное, репетируют.

— Нет, Дианка, не репетируют. Это отмечают Новый год по белорусскому времени.

— О, давайте!.. — поддержала идею Дианка. — Потом отметим по российскому времени, с курантами, а потом — по-нашему.

— Но шампанское мы откроем, когда у нас будет двенадцать часов, — сказала Инта. — Мы же в Латвии живем.

— Конечно, Интик, — согласилась Дианка и, взглядевшись в окно, спросила: — Интересно, а как отмечают Новый год в море, на тех кораблях, что светятся там?

Мы все посмотрели на далекие огни на горизонте.

— Хотела бы я хоть раз отметить Новый год в море, на корабле.

— Как-нибудь на Новый год отправимся в Швецию на пароме, — предложил я.

— Это не то, — качнула головой Дианка.

— Почему?

— Понимаешь, папа, паром — это все равно что домище в десять этажей. Плывут там все куда-то, путешествуют... Нет. Те корабли, что вон там светятся, никуда не плывут и не путешествуют. Ты же сам мне рассказывал, что это баржи, грузовые суда и рыболовные. Они стоят на рейде и ждут, когда их впустят в порт. Сегодня они ночуют в море, и люди

на них живут, как мы живем в нашем доме... Те, кто на этих кораблях, сейчас тоже за праздничными столами. Мы же их видим. Значит, и они видят огоньки в домах и салюты над берегом. И, наверное, думают о тех, кто сейчас на берегу.

— Романтик ты, Дианка, — приобняла ее Инта.

— А еще... интересно было бы отмечать Новый год на какой-нибудь далекой планете, на космической базе под прозрачным куполом, — мечтательно произнесла Дианка. — Мы были бы так далеко от Земли, что она затерялась бы среди самых крохотных звездочек, а может, и вообще была бы не видна. Представляете, мы трое на целой необитаемой планете сидели бы за праздничным столом, а за куполом была бы видна каменная пустыня и россыпь звезд в черном небе, а на горизонте светились бы огоньки инопланетных космических кораблей. Мы бы с ними перемигивались огнями по случаю праздника.

— Как тебе, Инта, такая перспектива? — спросил я.

— Блин!.. Мне эта идея нравится!

В двенадцать часов над морем с треском и грохотом вспыхнули разноцветные салюты. Дианка подбежала к окну и прильнула к стеклу. Синие, красные, золотистые огненные цветы переливались в небе среди звезд.

— Давайте выпьем за нас, — предложил я, — и за тех, кто о нас помнит сейчас.

— И за тех, кого помним мы, — добавила Дианка.

Инта пригубила бокал, и сквозь его стекло, наполненное золотистым шампанским, я увидел изгиб ее полуоткрытых губ.

— За тебя, Инта! — сказал я ей. — Счастья тебе!

— И за вас с Дианкой! Чтобы вы тоже были счастливы!

Раскаты салюта загрохотали над домом, и кухня озарилась голубоватым светом.

— Предлагаю по случаю Нового года устроить фейерверк, — сказала Инта, ставя бокал на старинный столик.

При этом Инта посмотрела за окно странным и несколько отрешенным взглядом. Словно говорила сама с собой.

За окном, то угасая, то разгораясь, медленно опускались в ночное море синие и белые огни, и искры точно таких же огней стекали с округлых стенок бокала в ее руке.

Дианка радостно подскочила с дивана.

— Ура!.. Фейерверк!.. Давайте пойдем на берег. Там сейчас классно! Темно... Мы там враз иллюминацию забачаем.

— Да, на берегу фейерверк будет эффектным, — согласился я.

— Еще каким! — Инта встала и задумчиво посмотрела в темноту за окном. — Думаю, пора уже разнести всю эту тьму к чертовой бабушке.

— Идея-то хороша. Вот только у меня нет петард.

— А это не проблема, — сказала Инта, — у меня дома кое-что припасено. Вы идите на берег, а я скоро подойду...

Она стремительно вышла из комнаты и, быстро одевшись, бесшумно затворила за собой дверь.

Когда мы с Дианкой вышли на берег и остановились у едва видимой кромки льда и снега, нам показалось, что моря и нет вовсе. Словно стояли мы на краю света перед бездной тьмы.

— Видишь, над нами чуть светлеет полоса через все небо...

— Вот та, как облако?

— Да. Это Млечный Путь. Сегодня он хорошо виден.

— Это сколько же там планет! Интересно, видно с них нашу Землю?

— Наша планета тоже часть Млечного Пути.

Диана замерла, неподвижно глядя в небо, и вдруг, услышав в темноте шаги по снегу, крикнула:

— Инта, посмотри, вон то большое облако через все небо — это Млечный Путь. Может, это он светит на нас? Ты видишь, Инта, от тебя тоже падают тени.

Я увидел подходившую к нам Инту. Она несла что-то большое, и я поспешил ей на помощь.

— Что это? Картина? — удивился я.

— Да. Это моя последняя работа. Долго я над ней корпела. Это и будет наш фейерверк. Я и для нас с тобой кое-что припасла.

Она извлекла из кармана куртки бутылку вина и протянула мне.

— Здесь темно. Я не могу разглядеть, что там изображено.

— И не надо. Она будет нашим фейерверком. Мы сейчас отпустим ее в небо.

Инта улыбнулась, тяжело дыша.

— Подожди, может, она хорошая...

— Да, она удачная... наверное, даже слишком... Эй, Дианка, спички есть? — спросила она.

— А как же! Они у меня всегда есть.

— Подожди, — попробовал я остановить Инту, — зачем же ее жечь? Давай ее у нас повесим.

— Эта картина не для чужих глаз. На этой картине... — Она немного помолчала. — Знаешь, я как-нибудь расскажу тебе, если захочешь. А пока скажу — тут все мои страхи и вся та тяжесть, что давит на сердце. Я хочу от этого избавиться.

— Для костра этого мало, — сказала Дианка. — Я коряг наношу. Тут их полно на берегу.

— Возьми. — Инта протянула ей что-то невидимое в темноте. — Полей их разбавителем. Сразу же загорятся.

— Папа, у нас ничего нет, что мы могли бы тоже сжечь? — спросила Дианка, подтаскивая к нам корягу, похожую на большой черный клык. — У тебя нет рукописей, которые тоже можно было бы запалить?

— У меня только такие и есть. Мои рукописи горят, — улыбнулся я.

— Как хорошо здесь сейчас! — сказала Инта, взяв меня под руку и прижавшись ко мне. — Свет кораблей, звезды, огоньки в окнах...

— А вон самолет, — отдуваясь, показала в небо Дианка. — Как думаете, может, уже хватит деревяшек? Вы мне помогите таскать. Тут есть такие коряги, что я надорваться могу.

— Хватит. — Инта присела на корточки и обняла Дианку. — Сейчас мы сожжем все плохое, что было в жизни. И пусть начнется новый год и новая жизнь!..

Она полила разбавителем заиндевелое дерево, и оно моментально зажглось от поднесенной Дианкой спички. Пламя с треском начало разгораться. Когда огонь загудел, устремляясь в небо, Инта взяла картину и положила ее на огонь. Холст и подрамник мгновенно вспыхнули, и в небо гудящей спиралью взлетел огненный вихрь искр.

— Ничего себе! — воскликнула Дианка.

Инта подошла вплотную к костру и присела на корточки. Она извлекла из кармана куртки еще что-то.

Я присел рядом и тихо спросил:

— Покажешь? — указывая взглядом на старую толстую тетрадку, свернутую в трубку в ее руке.

В глазах Инты отразилось пламя, и она невольно прищурила их. Ее лицо в мгновение изменилось. Она словно вся ушла мыслями в себя, сделалась отчужденной, неживой.

— Это слишком личное, Асаров.

Она вновь улыбнулась, но теперь улыбка была горькой и вымученной.

— Давай выпьем? — предложила она.

— Выпьем... — Я откупорил бутылку, и мы пригубили из горлышка по глотку терпкого кагора.

— Еще мой папа покупал в свое время. Я не очень-то пью, вот и хранится вино в подвале. Папа тоже, можно сказать, не пил. Он любил собирать... коллекционировать хорошие вина.

— Да, это славный кагор. — Я пригубил еще.

Инта, улыбаясь уже светло и весело, выхватила у меня бутылку, вскочила, сделала большой глоток и принялась танцевать вокруг костра. Дианка присоединилась к ней. Они плясали какой-то древний танец и заразительно хохотали.

Инта, не останавливаясь, раскрыла тетрадку, вырвала несколько страниц, сунула мне в руку, а тетрадь бросила в огонь.

— Спрячь, — сказала она. — Потом, если захочешь, прочитаешь.

Пламя тут же охватило старую дерматиновую обложку.

— Вот и все! Вот и все! Вот и все! — звонко крикнула она, запрокинув голову, расставив руки и кружась на месте.

— Ура! Мы сожгли все плохое! — закричала весело Дианка и с разбегу кинулась мне на шею. Сидя на корточках, я не ожидал такого, и мы вместе покатались по снегу, смеясь и обнимаясь.

— Чувствуете, — сказала Инта, — когда горит картина, высвобождается какая-то энергия и уходит в небо? Если художнику удастся вложить в работу душу, то так оно и есть — частица души уходит в небо.

— Но хорошо ли это? — произнес я.

— Освобождение — это всегда хорошо, — ответила Инта, подошла ко мне, отряхнула снег и крепко прижалась.

Я посмотрел на ее запрокинутое в небо лицо, заглянул в темные глаза и прочитал в них так же ясно, как в книге, что этой ночью мы будем вместе.

Дианка стояла спиной к нам, глядя на огонь. Я обнял Инту и поцеловал ее губы, раскрывшиеся под моими губами.

«Вот и все!» — почему-то мысленно произнес я.

Все вместе

Утром я проснулся от стука резко распахнувшейся двери. В тусклом свете раннего утра я не мог рассмотреть лицо Инты, но почувствовал ее улыбку, дыхание и легкое прикосновение ее руки к моим волосам.

— Ну вот твоя Дианка нас и застучала, — прошептала она мне на ухо со смешком.

— Ага!.. Так нечестно! — воскликнула Дианка, быстро взбираясь к нам на кровать.

В своей желтой пижаме она напоминала мне разлохмаченного цыпленка. Уселась на одеяло между нами и сердито сложила руки на груди.

— Дианка, это врываться в комнату нечестно, — сказал я, тормоша ее волосы. — Договариваемся, что в следующий раз ты придешь, когда мы позовем.

— Ладно, — вздохнула Дианка, ложась между нами на одеяло. — Инта, погладь мне спинку, а потом разомни ушко.

— Ничего себе! Не слишком ли это будет большая лафа?

— Ага! Надо, папа, жить так, чтобы лафа была. Правда, Интик?

— Что ты будешь делать сегодня? — спросила Дианку Инта, поглаживая ее спинку.

— Сначала позавтракаю, потом Мишке позвоню, это наш сосед. Мы с ним еще летом познакомились. А потом пойду наблюдать.

— Наблюдать? — удивилась Инта. — А что ты наблюдаешь?

— Да все что угодно! Везде что-то интересное. Папа меня научил, что ничего неинтересного в мире нет. Обо всем, что я замечаю, я рассказываю папе. Ему это может пригодиться в книге. Я ему так помогаю.

— Очень интересно, Дианка. — Инта придвинулась к ней поближе. — Расскажи нам какое-нибудь наблюдение.

— А ты ушко теперь разомни. Можешь по сильнее... Поскладывай его конвертиком... Наблюдение?.. Слушайте. Я тебе, папа, об этом еще не рассказывала. Это было в те дни, когда оттепель была. Шла я по дороге вдоль канавы, смотрела на растаявшую воду и думала о лягушках. Они же на зиму в лед вмерзают, так зимуют. А тут вдруг все кругом растаяло. Лягушки ведь могут проснуться. А если снова мороз? Плохо им тогда будет. Шла я и думала об этом. А мимо меня по дороге проносились машины. Люди ехали по своим делам... и во всем белом свете, наверное, только мне одной и было дело до лягушек. Но тут я подумала — а случись что-нибудь плохое со всеми людьми на земле, ведь лягушкам тоже не будет до этого никакого дела. Будут себе радостно квакать на кувшинках, нырять и плавать

наперегонки... Шла я так, шла... и вдруг увидела траву у края канавы. Она склонилась над водой и только самыми кончиками касалась ее. Все было неподвижно, словно приготовилось к чему-то очень-очень важному. И тут... Тут подул ветер. И все травинки стали своими кончиками рисовать по воде. Ветер дул, а они рисовали себе и рисовали, но на воде не оставалось никакого следа. Вода текла гладкая-гладкая, и в ней отражались облака.

— Замечательное наблюдение, Дианка, — сказала Инта и поцеловала ее в щеку. — Ты и сама, наверное, не понимаешь, какую важную вещь заметила. Ведь художники и писатели начинают работать, если «подует ветер», что-то взволнует их, всколыхнет. Если посмотреть на это откуда-то со стороны, из вечности, то видно, что все мы пишем и рисуем на воде. И не останется от этого никакого следа...

— Что это тут за грустные мысли?.. — обнял я Дианку и Инту.

— А я вовсе и не думаю, что это грустно, — сказала Инта. — Все правильно. Это и есть жизнь. И вообще, самое главное, что мы сейчас все вместе.

Замерзшее море

После завтрака мы, укутав потеплее ребенка, отправились на прогулку.

— Ого, какое солнце! — воскликнула Дианка.

Мы вышли на берег моря, и она сразу же прикрыла глаза ладонью. Снег вокруг нас так ослепительно сверкал, что глазам было больно. Небо на горизонте отливало синью, и горизонт ярко выделялся на фоне приближающейся снежной мглы. Мы прошли еще чуть дальше и почувствовали под ногами лед. Дианка побежала далеко вперед. Подобно замерзшим гребням волн, вокруг нее вздымались торосы и остроконечные глыбы льда.

Она повернулась к нам и крикнула:

— Папа, тут сверкает еще сильнее. Идите сюда. Тут как будто в середине алмаза стоишь! — Она еще побродила между торосами. — Папа, тут огромные куски льда валяются. Это же куски замерзшего моря... Берег усыпан морем... Так можно сказать? Что-то здоровское есть в этом — «усыпан морем»...

— Здорово. Необычно, — согласился я.

Мы некоторое время молча шли вдоль моря, по едва заметной тропке в снегу.

— Ты прочитал те странички из моего дневника? — спросила Инта.

— Я немножко посмотрел, но, если честно, всего и не читал.

Мы снова замолчали, но я чувствовал — Инта ждет, что же я скажу. А что я мог сказать?..

— Знаешь, Инта, — сказал я. — Вот говорят иногда, что абсолютной истины нет, что она всегда где-то посередине, но порой она все же очень проста и ясна — надо жить дальше. И не тащить за собой груз прошлого. Мы проходим тут школу, что-то понимаем, но надо идти дальше.

— Да... буду идти дальше... Не будем об этом больше. Сегодня я продолжу делать рисунки к твоей книге.

— Давай. И я поработаю... Смотри, а эта синь надвигается. К вечеру заметет. Дианка права, зима уже надоела. Хочется весны и лета.

Инта мягко отстранилась от меня и тихо пошла вперед. Я вдруг почувствовал, что она отстранилась не только физически. Словно стену вырастила между нами. Видимо, я не смог ответить ей на болезненные вопросы. Но что я мог сказать? Что мог сделать? Пожалеть? Мне хотелось вытащить ее из состояния обреченности. Видимо, не смог. Или она сама не захотела.

Стужа

Я отвозил Дианку в школу, возвращался домой и садился работать. Белые снега сияли во всю широту моря. Часто мы с Интой выходили прогуляться и долго шли по морю в сторону черненьких точек многочисленных рыбаков, сгрудившихся чуть ли не у самого горизонта. Мы называли их пингвинами, но так ни разу до них и не дошли. В одну из таких прогулок я вспомнил о дневнике Инты и понял, что его надо сжечь и никогда с ней не говорить о том, что я в нем прочитал. Было ошибкой брать его тогда. Я ничего не хотел знать о ее жизни — кроме того, что она хотела сказать мне сама. У нас начиналось что-то новое, пусть это начнется с чистого листа.

Инта наклонилась, слепила снежок и бросила его в сверкающую белизну.

— А почему ты начал писать? — спросила вдруг она, прикрывая глаза от солнца ладонью. — У всех ведь свои причины. Я только недавно поняла, почему я начала рисовать.

— А я и сейчас этого не знаю.

— А я раньше не задумывалась об этом. Ты знаешь, я открыла поразительную вещь. Оказывается, мы знаем все. Надо только самому себе задать вопрос... или кто-то другой должен задать вопрос нам. И отвечать надо сразу же, спонтанно. Каждый из нас имеет доступ ко всей информации вселенной. А какой опыт наших предков мы носим в себе! Мы носим в себе все ответы на все вопросы. Больше того, вопросов еще нет, а ответы в нас уже существуют.

— Давай попробуем проверить, — сказал я.

— Давай. Задавай любой вопрос. Я полностью расслабилась и готова отвечать.

— Итак, вопрос... Почему мы с тобой вместе?

— Потому что так лучше для нас обоих, — выпалила Инта так быстро, что мне показалось, она поняла, что сказала, только когда услышала свои слова.

— Хм, интересно... — сказал я. — А как ты думаешь, ответ на каждый вопрос может быть только один?

— В том-то и дело, что нет, — жарко произнесла Инта, обхватив мою руку, когда мы поднимались по заледенелой дороге к дому. — Предела ответам на один и тот же вопрос быть не может. И все они правильные. Это все равно как... нужно ли при рисовании снега использовать голубой

цвет? Нужно... Нужно ли использовать розовый? Да... Фиолетовый, желтый, оранжевый? Да, да и да. Все это надо использовать, и от смешения всех цветов получится белый снег.

— Хорошо, попробуем еще раз. Расслабилась?

— Абсолютно. Я так расслабилась, что могу запросто решить теорему Ферма.

— Сейчас будет другой вопрос. Почему... — Я не успел закончить, но Инта уже отвечала.

— Потому что тебе надо понять что-то еще более важное, чем те слова, что ты выносишь на бумагу, — выдохнула Инта. — «Слова, слова, слова...» Разве не Шекспир сказал это?..

— Да-а... — произнес я. — Все, решено. Ты у нас будешь оракулом. Хотя... один у меня уже есть. Но два все же лучше.

— Ты, я вижу, по ней уже соскучился.

— Пойдем. Второй оракул, похоже, уже пришел.

Мы подходили к дому, когда Инта сказала:

— Но ты так и не ответил, почему пишешь?

— Мой рабочий девиз звучит так: «Ребята, я хочу, чтобы вы увидели это!»

— Это? А что именно? — спросила она.

— В этом и заключается суть искусства — поиски того, что стоит показать другим людям.

— А если ребятам неинтересно видеть это?

— Ты хочешь, чтобы теперь спонтанно отвечал я? Отвечаю — плевать... И тут тебе ответ на второй вопрос — почему у меня нет друга.

— Вот и я с самого детства жила с убежденностью, что во мне есть что-то очень ценное. Какое-то богатство. Мне не надо никуда ехать, не надо на плотках пересекать океан или подниматься в горы, хотя это было бы невероятно интересно. Нет, во мне самой, в сердце таится сокровище.

— Надо меньше обо всем этом думать, — сказал я, обнимая Инту.

— Давай не будем думать. Смотри, Дианка уже пришла, — показала Инта на следы на снегу.

— Ну вот, так и не успели сегодня поработать.

— Над чем? — усмехнулась Инта, толкая меня локтем в бок.

ГРАНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕСНА

Прощание

Спустя несколько дней мы с Интой вышли прогуляться к морю. Поднялись на высокую дюну. Темное море неподвижно и тихо простиралось за серой полосой прибоя. Инта прошла чуть вперед, глубоко вдохнула холодный воздух и медленно повернулась ко мне.

— У меня есть новость, — сказала она. — Таллинская подруга предложила мне работу в своей галерее. У нее есть вторая квартира, пустая, где я могла бы жить. Это совсем не то, что, я думала, произойдет дальше в

моей жизни. Но это так заманчиво, Асаров! Мне очень хочется поехать. Работа в такой галерее!.. Я о таком могла только мечтать!.. Боже!.. Что же мне делать?!

Она посмотрела на меня, словно ожидая ответа. Я молчал, раздумывая над тем, что она сказала.

— Все-таки мы разные, Асаров, — сказала Инта. — Вот ты, как писатель, чувствуешь, что все это время словно стена стоит между нами.

— Я чувствую.

— Про нас роман не напишешь. Но как мне поступить сейчас? Я словно на распутье...

— Помнишь, как у Шекспира сказано, что весь мир — театр, а люди в нем — актеры?..

— По-твоему, люди неискренни?

— Искренни. Но люди — актеры, а не режиссеры и не сценаристы. Все уже написано о каждом из нас. Импровизация возможна только в пределах роли.

— Но разве не должен человек быть свободным... и делать то, что считает правильным? Я должна уехать.

— Ты права, Инта. Поезжай. Я очень рад за тебя.

— Но все равно... мне нужно было сделать что-то большее для вас. И с иллюстрациями ничего не вышло. Только начала их делать...

— Не судьба, — сказал я.

— И Дианка, конечно, расстроится.

— Ты не знаешь Дианку. Это еще тот кремень!

— Я закончу только все дела и поставлю дом на охрану. Давай завтра в Ригу съездим? Я заметила один классный свитер, хочу тебе его купить. А то твой... Сколько ты его уже носишь?

— Не надо. Мы с Дианкой все купим сами.

Инта молча смотрела в сгущающиеся над морем сумерки и зябко куталась в воротник.

— Я сегодня начну собираться, — сказала она. — Раз уж решила, не стоит с этим тянуть.

— Хорошо. Ты возвращайся, а я немного пройду.

— Только не сердись.

— Что ты, я очень рад за тебя. Все хорошо. Мне ли не знать, что конец любой главы означает начало новой.

— Выпьем сегодня вина за наши новые главы.

Инта пошла к дому, а я остался стоять под высокой сосной, у обнажившегося кустика брусники с яркой замороженной ягодкой на одной из веток. Я присел на корточки, чтобы разглядеть ее. Целую зиму она была под снегом и сохранилась. Надо будет завтра Дианке показать.

Хотелось чуть прогуляться и подышать воздухом. Я вышел на дорогу, по обеим сторонам которой светились окна домов. Какие они разные по цвету, думал я. Свет в них — то желтый, то розовый, то голубоватый. Иногда свет в окнах подрагивал от включенного телевизора.

Я прошел мимо одного дома, хозяина которого никогда не видел. Днем дом казался нежилым, заброшенным, но по вечерам над занавешенным окном пробивался тусклый свет. Мне показалось, что живет там кто-то очень одинокий.

Вечером, перед сном, я зашел к Дианке. Она уже спала, обнимая одной рукой большую книгу с иллюстрациями Бидструпа. Из мобильного на тумбочке звучала музыка. Я присел к ней на кровать. Дианка зашевелилась и засопела.

— Папочка, мне приснился удивительный сон, — зевнула она, потягиваясь. — Я разговаривала с книгой. Книга оказалась живой... и сказала мне что-то очень важное. Но я забыла — что. Жаль, что я проснулась. Так хочется поговорить с ней. Там, во сне, все было такое уютное и цветное. Мне уже второй раз что-то подобное снится.

— Видишь, за окном пошел дождь. Знаешь, как здорово спится, когда идет дождь. Становится уютнее... Завтра у нас выходной. Пойдем гулять на море?

Я засунул руку под одеяло и потрогал ее пятку.

— Ну вот, совсем ледышка, — сказал я. — Давай погрею.

— У меня не только пятки холодные, но и ушки, и даже носик. Это у меня всегда так после душа. Сейчас угреюсь.

— Как в школе дела? Ты в школе учишься?

— Еще как учусь! Но там ничего особо интересного...

За окном послышался шум мотора, и по потолку пробежали ритмичные всполохи света от мигалки.

— Ко мне Интик заходила и сказала, что уезжает... — тихо произнесла Дианка.

— А-а, так ты уже знаешь...

— Да, знаю.

— Мне тоже она это сказала.

— И ты очень грустный из-за этого?

— Нет, Дианка. Ей действительно надо ехать.

— Ничего, папа, скоро лето наступит, и будет так весело! Будем ку-ролесить, носиться...

— Спи, Дианка!

— Ничего, папа, я от тебя точно никогда не уеду, — прошептала она, свернувшись в одеяле калачиком, придвинулась ко мне и подставила ушко для поглаживания.

Ушко было маленькое и теплое.

— Давай поиграем в звуки, — сказала она тихо. — Ты начинай.

— Я слышу, как машина проехала.

— Ну это тебе повезло... А я слышу, как Интик ходит в своей комнате. Это она собирает вещи.

— Слышу, как вода капает за окном.

— А я слышу... Сейчас... — прошептала она сонно.

Я сидел в темноте, прислушиваясь к полной тишине и глядя на дождь за окном.

И тут далеко за лесом послышался едва различимый шум электрички. Наверное, самой последней в эту ночь.

Я посмотрел на Дианку. Держа меня за руку, она спала.

Сюжет

Был жаркий летний день. Дианка только что искупалась, вывалялась в песке и снова искупалась. Потом она сбегала в летнее кафе и купила две порции мороженого.

Мы шли вдоль берега, ели мороженое и искали у самой воды кусочки янтаря. Сосны на дюнах так разрослись, что дом наш отсюда был едва виден.

— Давай в Интиной мастерской ничего не трогать, — вздохнув и чуть подумав, сказала Дианка. — Вдруг она когда-нибудь вернется и закончит свою картину.

— Я так и думал сделать.

Уехав, Инта ничего не взяла из оборудованной для нее на первом этаже мастерской. Все осталось на прежних местах, словно она только что вышла и вот-вот вернется. На мольберте осталась ее незаконченная картина. На ней была изображена Дианка за столиком летнего кафе, бледный отсвет падает из полиэтиленового окошка на ее лицо, на руку на столе и маленькую вазочку с цветами. Ту самую, которая когда-то упала и разбилась. А в проеме распахнутого полога тента видно, как под косыми струями дождя бежит вдоль моря сама Инта.

— Ты заходи иногда в Интину мастерскую, — сказал я, — там очень удобно рисовать.

— Без Инты там скучно.

Я чуть улыбнулся, услышав это. Дианка в детстве путала слова, и отголосок этого я почувствовал и сейчас. Я сразу понял, что она хотела сказать совсем другое. Когда-то, когда она была совсем маленькая, мы смотрели вместе какой-то трогательный фильм. Он закончился, и я увидел, что все лицо ее в слезах.

— Тебе понравился фильм? — спросил я ее.

— Он очень скучный, — ответила она.

Я удивился, как фильм может быть скучным, когда он так взволновал. И тут понял, что под словом «скучный» она подразумевала «грустный». Дианке уже десять лет, а она продолжает так странно говорить. Но странно ли?.. И тут я вспомнил строки Лермонтова:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!..

И у него «скучно и грустно» стоят так близко, что сливаются в одно чувство.

— А что ты, папа, потом будешь писать? — спросила вдруг Дианка, словно желая сменить тему.

— Не знаю. У меня еще нет сюжета.

— Совсем-присовсем нет?

— Вертится что-то очень смутное... Знаешь, когда-то, когда тебя еще не было на свете, я жил некоторое время на Несебре. Это потрясающее местечко! Крохотный уютный полуостров на Черном море. Невероятная там была атмосфера! А ночью там вообще волшебю!

— Так напиши роман об этом Нечебре.

— У меня нет сюжета, Дианка. Есть лишь декорация, а что там должно произойти — я еще не знаю.

— Папа, я уже придумала тебе сюжет. Слушай... Я сейчас тебе такой сюжет дам, что книгу твою все издательства у тебя с руками оторвут! Ты меня слушай. Я знаю, как сейчас надо писать.

— Давай. Рассказывай.

— Сюжет мой такой: чувак приезжает на Нечебр.

— Уже оригинально. Только правильно говорить — Несебр.

— Неважно. Не перебивай... Приехал он, расположился, то да се, и решил воздухом подышать, на море посмотреть. Вышел он — и увидел чувиху!

— Гм!.. Так-так...

— Но чувиха эта была не простая! Она была... немая. Она ни слова не говорила.

— Ты мне сейчас рассказываешь «Тамань» Лермонтова, — сказал я.

— Да? Странно! Тогда мы с Лермонтовым на одной волне. Я не читала «Тамань». И про что там?

— Там чувак... в эполетах приезжает на Тамань, маленькое такое местечко на Черном море. Расположился, то да се, вышел подышать свежим морским воздухом — и встречает... дальше — как у тебя.

— Слушай дальше мой сюжет. Он к ней так и этак, а она как будто не видит его.

— Она что — еще и слепая?

— Нет. Просто... как он ни вьется вокруг нее, она на него ноль внимания.

— А чего это он вьется вокруг нее?

— Ну, папа... Потому что она ему понравилась. Может, глаза ее ему понравились. Или еще что-нибудь пониже. Например, коленки ее ему понравились... Почему ты меня все время перебиваешь?

— Дианка, сюжет должен выдерживать любую критику.

— Ладно... Но чувиха эта была вовсе не немая. Просто раньше, когда она была маленькой, родители ее засадили в психушку.

— И зачем они это сделали?

Дианка со вздохом посмотрела на меня.

— Может, у нее родители были как у того американского писателя, про которого ты мне рассказывал — у Чарльза Буковски. Может, у нее папочка был такой же псих. Да и мамочка такая же. Но однажды она сбежала из этой психушки и тайно пробралась на Несебр. Она стала там жить и решила молчать, потому что знала — что бы она ни сказала, правильное или неправильное, ее снова засадят в психушку.

Я ел мороженое и слушал. Очень вкусное мороженое выбрала Дианка.

— Ага, и что дальше?

— А чувак этот был тоже не просто чувак! — продолжила Дианка вдохновенно. — Он был...

— Доктор, — подсказал я.

— Да! — воскликнула Дианка, одобряюще подняв большой палец руки вверх. — Он был доктор!

— Из той больницы, из которой она сбежала, — предложил я.

— Да! И вот однажды, когда они прогуливались вдоль моря, — а она ведь поняла, кто он такой, — она предложила ему покататься на лодке. Только отплыли они от берега, как она... прыг на него с ножом! Лодка раскачивается, свет луны на волнах играет, они борются...

— Это опять «Тамань» Лермонтова, — сказал я, кусая мороженое.

— Видишь, папа, Лермонтов знал, что надо писать! Ему бы мой сюжет понравился.

— Ладно, Дианка, подумаю над твоим сюжетом.

Мы подошли к песчаному холму, поросшему жесткой травой и редкими колосьями дикого овса.

— Пойду янтарики пособираю! — сказала Дианка и пошла к морю.

Я смотрел на нее. За этот год она подросла. Еще пара лет, и начнет влюбляться и отдаляться от меня. Смогу ли я оставаться для нее прежним, нужным, да и надо ли, чтобы так было? Жизнь идет по своим законам. Несмотря ни на что, во мне живет уверенность, что мы всегда будем одним целым, мы связаны невидимой нитью.

Мне сделалось спокойнее от этой мысли. Захотелось улыбнуться, вздохнуть поглубже. Что я и сделал. Передо мной было целое море воздуха, море жизни, море наших с Дианкой грез...

Море днем

Теплый солнечный день. Я еду вдоль моря на велосипеде. На море волны, много загорающих людей, а у воды копошится голопузая ребятня. Когда я к такому карапузу подъезжаю, он на миг отрывается от своего песочного замка и смотрит на меня своими большими глазами.

Я захожу в море и плыву, поднимаясь на волнах — и тогда вижу пляж, залитый солнцем; а когда опускаюсь в провалы между волнами, то не вижу ничего, кроме неба и чаек.

Совсем незаметно меня прибывает к мужчине и молодой женщине в воде. Она, закрыв глаза, обнимает его за шею; я сразу вижу, что они, как принято говорить, занимаются любовью. Я стараюсь отплыть от них подалее, но волны снова несут меня к ним.

Чуть позднее на берегу я снова вижу эту парочку выходящей из воды — ее, пышнотелую, в голубом купальнике, и его, мускулистого, загорелого мачо. Они тоже садятся на велосипеды и едут впереди меня. Но вот женщина увеличивает скорость и далеко отрывается от своего

спутника. Минут через пять она подъезжает к полноватому мужчине, который ее тепло целует, а она, наклонившись над детской коляской, что-то там поправляет. Мне становится понятно, что это муж и жена. Вскоре подъезжает и друг ее мужа, с которым она купалась в море, и все они начинают играть в волейбол. Я же оставляю эту идиллическую картину позади и отправляюсь дальше.

Вот на велосипеде едет девушка и разговаривает вслух. Но это не сумасшедшая. Просто она говорит по телефону, который прикреплен к ее уху под волосами. Ее майка вся в искусной имитации разрывов — кажется, что девушка только что вырвалась из рук маньяка.

Проезжает мимо на велосипедах группа иностранцев. На всех велосипедные шлемы, наколенники и велосипедные перчатки. Я, лишенный всей этой амуниции, в своей майке и шортах похож на туземца. Но мой велосипед с воздушными амортизаторами в сто раз лучше, чем их велосипеды.

Атлетически сложенные парни делают пробежку вдоль моря. Глядя на них, не столь атлетически сложенные мужчины расправляют плечи и подтягивают животы. Но они быстро забывают об осанке и приобретают прежние очертания. Их и так любят.

Прямо в воде стоит лавка, а на ее спинке, поставив ноги на сиденье, заливаемое волнами, сидит девушка и плачет, глядя в море. Чуть поодаль гурьба малышей занята постройкой замков и тоннелей. Совершенно голые, только на девочках блестят бусики и сережки, они заняты важными делами: носят в ведерках воду из моря, кидаются мокрым песком, ищут янтарь среди ракушек, плывут по мелководью, перебирая руками по дну и шлепая ногами по воде с отчаянными призывами, чтобы мамы на берегу на них посмотрели. Выпятив загорелые животы, дети сосредоточенно лижут мороженое, кричат, смеются, плачут, отнимают что-то друг у друга и смотрят на меня огромными глазами, когда я проезжаю мимо.

Ко мне подбегает голый крошечный мальчуган.

— Я не просто так кидаю песок в воду. Я прогоняю чужие корабли! — говорит он мне доверительно.

— Молодец! — отвечаю ему серьезно и еду дальше вдоль моря, что раскинулось, как любимая книга, у которой нет конца.

Наталья АХПАШЕВА

ТРАНССИБИРСКОЕ

* * *

Рецидивом поветрия злого,
на изломе привычных времен,
на пределе добра мирового,
с четырех осаждая сторон
нас, родной не утративших веры,
изъязвились эринии лжи,
изрыдались горгоны-химеры,
извергая вранья миражи.
Гля! Ошую — чудовище обло,
одесную — несметная рать,
и такой подле гоблина гоблин —
ни сказать, ни пером описать...
Сплюнешь и за околицу выйдешь,
размахнешься — ан нет никого.
Только эхо то дальше, то ближе:
— Ого-го, дорогой, ого-го!
Подивишься на промысел божий,
поразмыслишь про жизнь-бытие.
И откладывать доле не должно
нам — крестьянское дело свое.

* * *

По дороге кружной,
от большака в стороне,
мчит наметом верховой
и в переметной суме
неплохой везет хабар,
с удалых трудов навар.

Скоро солнцу всходить.
Шевелись, волчья сыть!
А на обочине — другой
бедовый молодой
не пьянешенок лежит,
сотоварищем убит.
Снаряжались вдвоем.
Веселиться одному.
Ходи, хата, ходуном —
вдвое прибыло ему
и хлопот, и забот...
Позабыты имена.
Повернул коловорот
на иные времена.
Все ж держи в кармане нож,
как с дружками начнешь
вдругорядь бабло пилить —
честь по чести делить.

ЧИТАЯ СУНЬ-ЦЗЫ

Не нами — предел обозначен,
и путь к отступленью закрыт.
Пусть добрые боги заплачут
и лучшие взвоют миры!
Тревожный призыв порубежья
на дальних клубится холмах.
Наш час полыхнет неизбежно
зарей на червленых щитах.
Подымешь над строем десницу —
и рядом полечь нам костями...
Но истинный суд совершится
не между людьми и людьми.
Хулой и хвалой голосистой
не сразу молва отшумит...
Смотри же, какой серебристый
туман по ложбинам парит!
Пора нам — удачи изведать,
проведать врагов и друзей,
но должно сначала — победе
в душе утвердиться твоей!

ТРАНССИБИРСКОЕ

По мне так лучше нету, чем давить
бока на верхней полке, отдыхая,
пока советской выделки вагон
на стрелках дребезжит и отмеряет
над безднами натянутую нить.
Козулька, Боготол, Ижморка, Яя,
Анжерская, Юрга, а там сквозь сон
Новосибирск из мрака возникает...

В Новосибирске бабку с Кувькты
родня встречала. Плача, обнимала.
Не виделись за два десятка лет —
зятя, дядя, невестки, дети, сестры,
брательники, племянники, сваты...
Погасли позади огни вокзала,
а ты тут жди, когда сойдет на нет
печали застарелой приступ острый.

Пойдем-ка выйдем в тамбур! Выпускной
вздыхает неохотно где-то клапан.
В Каргате, вспоминается, стоим
минуты две. От силы три, быть может.
Оконный иней, плотный и сухой,
отверткой или шилом исцарапан
с кривым наклоном: Мила плюс Вадим
равняется... Ну, что же, дай-то боже!

Под утро бы Барабинск не проспать,
не поленишься и разжиться рыбкой
копченой: с пивом будет хорошо.
Растаяло бы только это пиво!
Неволей надо экстремалом стать,
чтоб трижды в день, сияя дзен-улыбкой,
китайской насыщать себя лапшой,
наверчивая вилку терпеливо...

Лапша лапшой. Но в жизни кочевой,
однако, чай для организма важен.
Сквозняк, нещадно бьющий по ногам,
немытых стекол вечно вид незрячий,
и умыванье ледяной водой,
и очереди на толчок, и даже
соседа храп — простим проводникам,
когда всегда есть кипятик горячий.

С утра погода: минус двадцать два —
за Новосибиром резко потеплело.
Вагон спросонья черный липтон пьет.
Никто не голосит во все святые.
Не рвется на рожон качать права.
Не рвет последний тельник охренело.
Милицию на помощь не зовет.
Где ж наши девяностые лихие?!

Затягивая, вдруг сорвать резьбу —
не фунт изюму. И не пуд гороху.
Любой механик подтвердит. Сказать
по правде — на авось, а выезжаем,
усердно дуя в медную трубу.
И то. Какую б, мать ее, эпоху
ни выбрать — мало выгод выбирать...
Смотри, уже Иртыш переезжаем.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Пусть женщины плачут, а ты не горюй по нему.
Такие, как он, по себе выбирают дорогу,
живым на потом оставляя гадать, почему
с другой стороны не успели к своим на подмогу.

Три залпа в пространство. Равняйся! На плечо! Поворот.
Как шаг свой парадный мальчишки печатают браво!
У женщины в черном кривится страдальческий рот,
и морем шумит за оградой родная держава.

Все ж воли большой не давай этой боли внутри.
В чем правый не прав — нет на старых скрижальях ответа.
И с вечера, не торопясь, вещмешок собери —
сам знаешь, назавтра тебе выходить до рассвета...

МОЙ СЕРЫЙ ПЕС

Здесь мир привычен к стуже и снегам.
Ревут по трассе мимо лесовозы...
Шершавой рукавицей по щекам
внезапные размазываю слезы.

Пронзительнее раны ножевой
необратимость медленных мгновений —
мой добрый пес лобастой головой
беспомощно уткнулся мне в колени.

Ты шел со мной по кромке бытия,
где выжить — не последняя забота,
а там, куда теперь тропа твоя,
привольный край и славная охота.

Идут КамАЗы мимо, сквозь пургу
выхватывая фарами из мрака,
как кто-то на обочине в снегу
скорбит над умирающей собакой.

Тускнеет укоризной влажный взгляд.
Ну вот и ты уходишь без возврата,
из всех меня постигнувших утрат —
и меньшая, и горькая утрата...

* * *

Ребягня из вольницы окрестной
взобралась на рубленый забор.
Правнукам оставив дом в наследство,
тихо помер дедушка Егор.
Во дворе не то чтоб суматоха —
тесен нынче стал просторный двор.
Не щадила мужика эпоха,
но и сам не промах был Егор.
Оттого ко другу дорогому
медленный идет соседей ряд
и в надрыв, как по отцу родному,
городские снохи голосят.
А потом столы торцами сдвинут,
чтоб вошли и люди, и семья,
как снесут отцову домовину
на погост смурные сыновья
и к другой могилке подхоронят...
Заждалась, родимая, поди!
И к утру печаль в траву изронят
гулкие июльские дожди...
Но и нас за наши окаянства
не минует божья благодать.
Во дворцах да на перинах царских —
все едино, милый, помирать...

Геральд МЕЕР

ЯКОВ И АННА

П о в е с т ь *
* * *

Часть первая. Я хочу тебе сказать...

17 июня.

г. К-в, ул. Центральная, 5, Хаймовичу Б. А.

Здравствуй, дорогой братик Боречка!

Здравствуйте, мои милые Фирочка и Сонечка!

Только сейчас проводила Яночку на военные сборы, на целый месяц: у них в институте так положено после третьего курса. Очень волнуюсь. Хотела пойти на вокзал, но Яночка заупрямился: мол, не маленький! Никак не могла уговорить. Но знаю, что поедут они всей группой в сопровождении преподавателя военной кафедры. Сначала в К-ск, а там в какую-то военную часть. Надеемся, что все останутся здоровы и все будет хорошо.

Ну а теперь немного о нашем житье-бытье. Рувочке на заводе прибавили зарплату (но ненамного). Я Рувочке говорю: «Был бы ты не Шварцман, давно бы стал начальником лаборатории». А Рувочка, как всегда, своим любимым анекдотом отвечает: мол, помнишь, один еврей сильно заикался, и его не взяли в дикторы. Так он возмутился: «Вот анти-семиты!»

Это Рувочка сам себя успокаивает, ведь он не «заикается», а наоборот, член партии, фронтовик, умничка. Как приехал сюда к нам после войны, так все что-то там у себя на работе придумывает, изобретает. Вы же знаете, у него куча разных удостоверений и грамот. И квартиру нам дали благодаря Рувочке. Он еще за своего начальника разные бумаги и отчеты пишет. Сам мне об этом рассказывает и смеется. Но моего Рувочку уже не перевоспитаешь. Говорит, любую работу надо делать честно, чтоб совесть была чиста, и тогда в коллективе тебя будут уважать. Дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни с его таким настроением. И для Яночки это слышать полезно.

* Журнальный вариант.

Хотя на старый анекдот Рувика я тоже анекдотом отвечаю. Да вы его знаете. Один большой начальник говорит Рабиновичу, который собирался в Израиль: «Квартира у тебя большая, работа высокооплачиваемая, машина, дача, жена, дети, любовница. Что тебе еще, еврейская морда, надо?»

Насчет любовницы — это, конечно, так, для смеха, а вот чтоб с Яночкой грустно не было... Уже довольно долго — почти полгода — он встречается с одной русской девушкой, иногда к нам ее приводит, называет Аней или Анютой. А как-то услышала — даже Анюточкой.

Я говорила ему, чтоб сильно-то не увлекался: погулял и хватит, с другой можно познакомиться. Но вот еврейские девушки ему почему-то не попадаются. Хотела познакомить его с дочкой одной аидышке из нашей бухгалтерии, так Яночку разве уговоришь... Еще и обиделся: что он, сам не знает, с кем знакомиться... Строптивная молодежь пошла.

Я даже Рувика хотела подключить, но он говорит: «Не вмешивайся. Яша сам все поймет, ведь он сейчас жениться не собирается». Не верится, что говорим о своем сынуле. Для нас он еще совсем ребенок, а тут — о женитьбе. И я боюсь, чтоб его не окрутили. Сейчас такие халды, что могут любому голову вскружить, так как многое парням позволяют. А когда голова кругом, то вообще потерять ее можно.

Рувик все шутит: мол, корми сына больше монелах и тейглах, в них меда и орехов много, — будет учиться лучше. Я, конечно, понимаю, на какую учебу он намекает. Но его шутку по-своему перевела: надо, в самом деле, чаще готовить еврейские кушанья. Кстати, Яночка очень любит мацу с молоком, ее можно заготавливать побольше, чтоб не только в пасху кушать. А от фаршированной щучки или куриных шеек не только Яночка, но и Рувочка никогда не откажется. Хотя наши зарплаты — на них гулять не устанешь. Вы это по себе хорошо знаете.

А я, дорогие мои, всю жизнь, как и вы, стараюсь сохранять главное от наших родителей: зажигаем поминальные свечи в родительский день, ждем друг друга с работы или учебы, чтоб ужинать вместе, а по субботам что-нибудь самое вкусное — пирожки или пирог. Яночка привык к этому и сам кое-что уже умеет. Мы с Рувиком как-то задерживались на работе, так Яночка приготовил на ужин кугл, а потом цимес. Помогает нам. Он у нас домашний, семейный мальчик. И у меня душа радуется, когда он чмокает нас, уходя из дома и возвращаясь после учебы. Это уже наши с Рувиком традиции. Хотя, по-моему, так во многих еврейских семьях.

Конечно, всякое и всякие встречаются. У нас в НИИ есть один аид: женат, а почти в открытую крутит. И не с одной... Вот и не знаю, что это за «Анна на шее», что она позволяет.

Но дело не только в этом, Яночка может просто серьезно увлечься. Она девушка симпатичная, учится, как рассказал Яночка, на вечернем факультете и работает. Вдруг она опытная или просто хитрая? Может окрутить! Я уже давно этого побаиваюсь.

Не выдержала и поговорила с Яночкой. Так он говорит, чтоб я не волновалась, все будет хорошо. И ничего конкретного. Тогда я поговорила с его другом, русским пареньком. Он тоже уже давно ухаживает за од-

ной девицей: размалеванная фонька и халда, сразу видно. Пришли как-то всей компанией, и я, конечно, сразу начала угощать их чаем. Они музыку включили. И эта девица вешалась на парне, даже меня не стеснялась. А Анюточка глаза отводила, когда я на нее посматривала, и все пыталась мне помочь с чашками и розетками. Вот и не поймешь: то ли хитрая, то ли скромная.

Насчет глаз я, наверное, зря. Но хочу сказать, что если человек глаза отводит, то это может быть не просто так (я, признаться, тоже стесняюсь, когда на меня смотрят): что-то питает к нам, то есть к Яночке. Конечно, питает! Еще бы! Он у нас такой красивый и хороший. Добрый, ласковый, доверчивый, весь в Рувочку. Вот и боюсь, чтоб эта Анюточка его не окрутила.

Но после разговора с другом Яночки я поняла, что жениться они не собираются. Пока не собираются! Конечно, времена меняются: сейчас браки стали более поздними, чем раньше. Хотя Рувик тоже поздно женился. Может, это не от времени зависит. Рувик как-то сказал о Яночке: как влюбится, так женится. Видно, хотел меня успокоить, а мне от этого легче не стало.

Конечно, я тоже хочу, чтоб все только по любви, по душе было. И не возражала бы, если б Яночка взял пример со своего дяди: ты же, Боречка, женился в двадцать лет. И на какой девочке! Фирочка у нас просто чудо. Сонечке есть в кого быть красивой, доброй и заботливой. В том числе и в бабушек и дедушек. Царство небесное нашим родителям и их друзьям: вас познакомили друг с другом, а потом и меня с Рувочкой. И мы рады, что за Сонечкой ухаживает хороший еврейский мальчик и что у них все идет как положено.

А вот за Яночку сердце болит. Я ему говорю, что не надо долго ходить с одной и той же девушкой, можно ей навредить. Ничего не понимает. Глупенький еще.

Так что, родные мои, приезжайте в гости, помогайте воспитывать своего племянника.

Да, дорогой Боречка, ты мне писал, что родители мальчика, который ухаживает за Сонечкой, собираются уезжать в Израиль. Конечно, и сына с собой возьмут. А он возьмет Сонечку. А вы — за ней, мы же давно знаем ваше чемоданное настроение. Даже не верится, что такое может случиться. Но и без настроения ясно: поедете хоть на край света за своей кровинкой.

А вот Рувочка невыездной: что-то с заводом связано. Да и без этого, вы же знаете, для него работа — главное. Хотя, признаться, я и сама привыкла к своим бухгалтерским делам, к друзьям. У нас замечательные друзья. Есть и евреи, и русские, и одна смешанная пара — он еврей, она русская. Очень хорошие люди. Мы на все темы говорим — и не стесняемся, не боимся. Хотя Яночка уже давно знает нашу страшную семейную историю. Но когда я рассказывала, как наших родителей вместе с другими евреями фашисты загнали в дом и потом его — о Господи! — подожгли, я говорила именно «фашисты», а не «немцы». А когда рассказывала Яночке, как меня с ним, маленьким сыночком, спрятали русские соседи, как они забрали нас с собой в Н-ск, когда наши на день-два отбили городок, и как

потом эти же люди отвернулись от нашей семьи, когда было «дело врачей», то, признаться, не смогла назвать их «фоньками», язык не повернулся.

У нас на работе евреев довольно много. Есть и начальники отделов, и даже первый замдиректора аид — добрый, хороший человек, со всеми здоровается, раскланивается, шутит. Работать с ним приятно — и дело неплохо движется. Но когда директор ушел на пенсию (уж давно было пора), то, конечно, на его место поставили не зама, а партийного индюка. Директорский кабинет он тут же чуть ли не золотом отделал, и легковая машина стала только директорской. А у нас в отделах штукатурка на головы падает, и теперь по общественным делам в автобусах давимся. А нам и больных навещать приходится, и к праздникам покупаем подарки для детей сотрудников. Да мало ли что... И этот новоиспеченный царек, изредка появляясь из своих палат надутым гордыней, в ответ на приветствие даже слово не проронит, только взглядом одарит. Хорошо еще, что замом аида оставил.

Мы, конечно, понимаем ваше настроение насчет Израиля. Но вот сами совершенно к этому не готовы. Я-то, пожалуй, не против, а вот Рувочка... Да и Яночка еще учится. Только бы на военных сборах у него все было нормально — и, может, он отвыкнет от девушки, с которой встречается. И дай Бог, чтоб у него в жизни все хорошо сложилось. Но у нас в стране столько всего разного... Ладно, об этом лучше не писать.

Здоровья вам и благополучия.

Целую вас всех, обнимаю. Скучаю.

Фрида.

17 июня.

Целый день не могу найти себе места. Огромное желание изменить. Откуда? Почему?.. Да! Хочу с кем-нибудь познакомиться! И могу! Запросто! Что дома сидеть?! Все гуляют, такая погода!.. Ты обидел меня. Немного. Неужели не чувствуешь? Вчера на прощанье не сказал никаких ласковых слов, только: «До свиданья, Анюточка».

Ужасно длинный и скучный день. Ужасно!

И поплакаться некому. Только вот в эту тетрадку.

Ну и зря! Что плакаться?! До свиданья! А то и прощай!

18 июня.

Сегодня спокойно. Где ты?! Уже уехал? Вчера? Сегодня?

19 июня.

Занимаюсь... Все прислушиваюсь: вдруг скрипнет калитка в палисаднике, и ты постучишь в окошко. Держу его открытым... Успокаиваю себя, что ты уже далеко, поэтому не можешь прийти...

19 июня.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Здравствуй, друг и товарищ Анюта!

Пишет тебе из далекой М-й области твой земляк и товарищ — рядовой Шварцман. Служба идет нормально. Замечаний нет. Недостатки

устраняем на месте. Питание нормальное и калорийное. Так что пока все довольны, все смеются...

А теперь будет продолжать письмо мой хороший приятель — Яша.
Здравствуй, дорогая Анютка!

Вот я уже и солдат. Самый настоящий — в форме, сапогах и с погонами. Я от тебя на расстоянии всего в одну ночь на поезде, а кажется, что на краю света. Но пока все идет нормально, хотя чувствую, что дней через пять мы будем от тоски и однообразия выть похлеще волков.

Анютка, Анютка! Вернее, милая, нежная Анюточка-Анютка! Я представляю, как я соскучусь по тебе и твоему диванчику... Я буду ждать твои письма. Честное слово, ты даже не поверишь, как приятно получить письмо здесь, тем более от моей ласковой Анютки, когда вокруг одни мужики и сам ты сидишь уставший от сапог и жары...

Впрочем, извини, скучать некогда. За час двадцать надо успеть помыться-побриться, воротничок сменить, форму и сапоги почистить... Да-да! Всего час двадцать личного времени вечером и восемь часов сна. Остальное — служба. Но ничего! Душа свободна и может скучать все двадцать четыре часа в сутки. И я уже давно скучаю.

Вот — накатал целый роман! Считаю, что совершил подвиг! Не люблю выводить буковки (ты же знаешь мой ужасный почерк). Ребята сердятся, что мои записанные лекции не прочтешь. Но сейчас я старался...

Кстати, все говорят, что бобрик мне идет. Я, признаться, ожидал худшего.

Пиши по адресу: М-я область, г. К-ск, в/ч 95501, мне. Очень жду твоих писем.

Крепко-крепко целую мою вкусную Анюточку.
Яша.

Да, еще! Что слышно о твоей поездке на юг? Решила все же удрать от меня? Или хочешь просто отдохнуть в теплых морях? Первое намерение не одобряю, второму завидую.

20 июня.

Нет, ты не должен отпускать меня на такой долгий срок, могу натворить чего-нибудь... Да! Сегодня опять хотела пойти и познакомиться с кем-нибудь! И сейчас скучно...

21 июня.

Сдала все зачеты. Очень устала. Галка обещала зайти... А что делаешь ты, милый?

Нашу разлуку переношу легче, чем в первые дни. И ты не имеешь права требовать от меня постоянства! Что я теперь — должна все дни сидеть дома?! Гуляли с Галкой (ходили в кино).

А ухажеры на броду ходят табунами. Проводили до дома — и прощайте.

Первый экзамен через три дня... А тебя рядом нет.

21 июня.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Здравствуй, милая Анютка!

Сейчас я дежурю. Вот уже третий час ночи, а я сижу у входа в нашу казарму и охраняю покой солдат. Как я и думал, все уже мечтают об отъезде, о доме, мамах и папах, а я, конечно, об Анютке моей курносо́й, с веснушками.

Однообразие и строгий режим страшно надоедают. Да еще жара невыносимая. А ты ходи в полном снаряжении — и воротник расстегивать нельзя. Вот тебе служба солдатская. Я представляю, как трудно тем, кто служит не какой-то месяц, а три-четыре года. Но привычка — вещь великая. Вот и я привык целовать мою Анюточку. Но увы... Я бы целовал мою Анютку, сказал бы, что люблю мою Анютку, и мы бы, честное слово, ушли домой с хорошим настроением.

Вот видишь, как я соскучился, что, не дождавшись ответа, пишу тебе новое письмо! Вот так Яша, не любитель писать письма!

Ну а как там твои дела? Что нового в Н-ске? Как настроение у твоих подружек? Очевидно, мое письмо придет, когда ты уже будешь сдавать экзамены. Учись хорошо, меньше бегай там без меня по броду — и тогда обязательно окончишь институт, будешь молодой и красивой геодезисткой.

Сообщу и «секретное»... Не хотел писать, но что скрывать? Мы с тобой и так многое знаем. Словом, у Костика дела плохи. Его ненаглядная Маки как раз в день нашего отъезда на сборы сказала ему, что все ее попытки напрасны: прошло уже много времени, врачи не берутся... Костя, правда, говорит, что у нее есть еще какой-то врач и она будет стараться договориться. Костя, конечно, нервничает и ждет от Маки известий. Хотя выдержкой и спокойствием его бог не обидел. В этом отношении он молодец. А мне кажется, что Машка стараться не будет...

Вкусная, милая, ласковая, нежная, любимая, курносая, веснушчатая, хулиганистая, хорошая, теплая, сладкая, дорогая моя Анютка! Я жду твоих писем. Мне скучно без них. Пиши чаще.

Нежно целую тебя.

Я. Шварцман.

22 июня.

Еще одно объяснение в любви, а ты все молчишь. Почему? Жду завтра.

23 июня.

Письма не было. Странно. Хотя, может, и не странно. Только никогда не ври мне. Ложь — это ужасно. Хотя молчание тоже может быть ложью.

24 июня.

Какие есть чудачки! Им страшно хочется жениться, зная тебя несколько часов, не зная даже твоего имени. Конечно, это вранье, игра. Хотя так хочется верить нежным словам...

Единственное, что заставляет «изменять» тебе, это чувство ревности. Ведь ты там тоже сидишь... не сложа руки. Да! Я была в театре. И не одна.

Делаю ужасные глупости, столько легкомыслия, пожалуй, не было за всю жизнь. В этом нахожу утешение.

А этим «женихом» мне тоже хочется поиграть — кто кого обыграет! Но как бы не заиграться...

Не только «жених» на меня все время пялился. Я ведь была в твоём любимом корсете. Да-да! А у меня талия и без корсета 58 см. Тебе ли не знать! А он, видать, поверить не мог. Дурак! Все вы одинаковые... Вот и ты намекаешь, чтоб я корсет надевала, когда мы идем гулять по городу: любишь, когда на меня смотрят. Хвастунишка! А я корсет как память храню — от прабабки, как мать сказала. Сама-то она этот корсет почти не носила: в войну ее молодость была. А вот меня учила: корсет фигуру лечит, походку выпрямляет, мол, носи, пригодится. Вот я иногда и надевала. И все думаю, что моя прабабка, наверное, стройной и красивой была: нос курносый, а плыла лебедушкой — гордая, независимая, и кавалеры вокруг все штабелями, штабелями... Вот так и надо вас учить. А то пораспускаете свои грабли...

Только мать моя не в нее. Никакой гордости: вот уже два дня с отцом лаетя. А он еще и своими костылями машет. Хлопнула бы перед ним дверью — и баста! Хотя, конечно, жалеет его. И мне жалко: все дни дома сидит. Куда он со своими палками? Да ладно на эту тему...

А вот ты где и с кем шляешься? Ну и шляйся! И мы с Галкой, может, опять пойдем — прошвырнемся по броду. На улице хорошо. И к нам просто так не подвалишь! И вообще... Держу ушки на макушке.

Господи! Мама положила твое письмо на тумбочку и ничего мне не сказала. Только недавно увидела, когда разбирала постель.

Два часа ночи, а спать не хочется! Буду говорить с тобой до самого утра: перечитывать твое письмо и говорить...

Яша, ты замечательный парень, таких сейчас редко встретишь. Ну как тебе не стыдно спать, Яшечка, мой Ящик!..

25 июня.

М-я обл., г. К-ск, в/ч 95501, Шварцману Якову.

Здравствуйте, солдатики!

Есть возможность черкнуть вам два-три слова. Как идет служба? Дружны ли между собой? Костик, друг милый, хорошие тебе выдали сапожки, не натер ли ты мозолей? И побольше кушай, постарайся поправиться. А вот моего Ящика не обижай и следи, чтоб он пил меньше воды, а то и совсем не давай пить. Вода в жару — очень вредно.

У меня к тебе, Костик, все, теперь уступи место моему милому Ящику.

Милый Ящик, дорогой мой бобричек, как я уже соскучилась. Письмо твое получила ровно через неделю после твоего отъезда. Как оно долго шло!

Яшик, ты очень устаешь? И нет у тебя возможности прийти отдохнуть ко мне на диванчик. Наш милый диванчик! Ты знаешь, сижу дома вечером, окно открытое, а за окном уже темно, вот послышатся шаги: кажется, что сейчас заглянешь ты...

Яша, а почему ты не снишься мне? Наверно, мало вспоминаешь обо мне. А я очень хочу видеть тебя во сне. Хоть во сне...

Милый мой, как я соскучилась. Где бы я ни была, я все время думаю о тебе: как бы мне было хорошо с тобой. И погода у нас отвратительная. Она бывает хорошей только в те дни, когда у меня экзамены, а стоит только куда-нибудь собраться, моментально портится. Природа копит свое тепло на те дни, когда мы будем вместе. Да?

Сейчас идет дождь, я закончу писать и понесу письмо по дождю на почту, чтоб оно быстрее дошло до тебя. А ты сильно его ждешь? Может, не стоит торопиться? Я буду писать часто, особенно если у меня будет настроение, которое зависит от твоих писем. Ясно?

О моем отпуске пока речь не идет, сначала нужно сдать экзамены. А мама хочет сказать тебе, чтобы ты не отпускал меня на юг. Но я все равно тебя не послушаюсь и буду хулиганкой. Но вот с кем ехать... На Галку Иванову у меня надежд мало: влюбилась и никуда не хочет ехать. А он женатый... Мне Галку жалко — и не знаю, как ей помочь. Вот такие дела.

Целую, целую, целую моего Яшика — и даже в бобрик! Интересно, понравится он мне? Но все равно целую. (И когда ты успел укоротить шевелюру? Это когда ушел от меня? И не показался. Я бы тогда поцеловала наяву...)

Аня.

25 июня.

Ради большой Галкиной любви, ради своей подруги не жалко пожертвовать воскресным вечером и своими развлечениями. И даже иду на все, выполняя ее пожелания — мужьям при женах назначаю свидания. И почему у меня так получается: налаживаю чужие любовные дела, а свои долгое время не двигаются с места? И ни одного шага, ни одной попытки узнать что-нибудь.

Вот дура! Хотела помочь Галке (сама металась — все жаждала увидеть своего женатика), так, оказывается, она не нуждается в помощи: привела каких-то других. Вот хохмачка! Они пьют вино и болтают, а я пишу...

Выпроваживай поклонников. Будь умницей, посиди дома.

Выпроводила. Ну, в следующий раз не будь такой глупой.

Галка — интересная девчонка: уж очень она доверчивая, поэтому, наверное, очень влюбчивая. Но правильная. Да, правильная! Это она мне посоветовала не дразнить и не мучить Яшика... «Все равно когда-нибудь надо будет... И лучше с тем, кто нравится». Сама-то, конечно, дурой была... и не скрывает: хотела поскорей взрослой стать. Еще в техникуме, после седьмого класса...

Яшик, помнишь, как в последнее время мы часто ездили в сосновый бор и однажды я пожаловалась, что, видимо, заболела: у меня что-то

сильно ноет и горит спина. А ты сразу тоже озабоченно: «А у меня болят колени». И мы покатались со смеху, сразу все поняв.

А на моем мягком диванчике, признаться, все на нервах: боимся, что кто-нибудь войдет... И вообще, мне так не нравится: все в спешке...

Как мне хочется всей-всей твоей теплоты, долгой-долгой любви.

Нет-нет, пусть только все останется так же ласково и искренне.

27 июня.

М-я область, г. К-ск, в/ч 95501, Шварцману Я.

Шварцман! Как тебе не ай-яй-яй! Думаешь, значит, что я не грущу. Только, пожалуйста, не фантазируй, ничего не выдумывай. И чтоб больше я не смела ругать тебя. Будь умницей, милый.

Тебе, наверно, интересно, чем я занималась эти полторы недели без тебя. В первую очередь посетила всех своих подружек — замужних и нет. Все они живут отлично и всем надоело однообразие жизни. Сходила два раза в кино — с Галкой Ивановой, которая передает тебе привет, хотя ты ее и не очень уважаешь, но я считаю своим долгом это сделать. Была один раз в музкомедии. Не в восторге. Два раза ходила на пляж, но не загорела, так как солнце светило плохо. Остальные вечера просидела дома.

Яшик, а этому письму я очень обрадовалась, даже больше, чем первому, потому что его не ждала. Оно такое хорошее. Неожиданность больше доставляет удовольствия, чем ожидание.

Яшик, а почему ты меня так мало целуешь, только по одному разу? Тебе нисколько не стыдно? Возьму и сегодня совсем не поцелую своего Яшика. Как тебе это понравится?!

А кто еще читает мои письма? А что, если целый взвод, а я пишу такое?! Мне даже стало неудобно.

Косте и остальным твоим друзьям не пишу ничего, только передай им привет. Ничего другого для них не придумала.

Видишь, сколько наболтала.

Яшик, миленький, я очень сильно скучаю, приезжай скорей, нам будет так хорошо, а пока только приходится поцеловать тебя на бумаге: целую, целую, целую...

Аня.

1 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Анютка, милая, здравствуй!

Сейчас ровно пять утра, и я опять дежурю. В этот раз выпало воскресенье. Плохо. В выходной мы не занимаемся, но увольнения никому не дают, так как рядом никаких селений нет, а до города далеко. Поэтому отсыпаемся за неделю, играем в волейбол. Ну а мне сегодня отоспаться не придется!

Анюточка, милая! Вчера вечером мы вернулись от своих военных соседей, к которым ездили для обмена опытом, и на тебе — от моей милой Анютки получил сразу два письма. Так что ты и далее не ленись! Я так жду твоих писем. Мне страшно хочется к моей ласковой Анюточке.

Давай назначим друг другу свидание, а? Ты ровно в оговоренный час подойди к остановке троллейбуса и, хотя меня не будет рядом, постой там минут пять. А я в это время тоже буду думать о тебе и мысленно находиться рядом.

В общем, назначаю моей милой хорошей Анютке свидание ровно в десять вечера (ты же в это время не учишься). А вот в какой день — не знаю. Вдруг письмо не успеет прийти. Так что давай договоримся так: ты сама назначишь мне свидание. И это будет здорово! Мы одновременно будем думать друг о друге, произойдет как бы слияние наших душ: мы будем думать и чувствовать одинаково. И я пошлю Анютке воздушный поцелуй.

Что нового в Н-ске? Какие идут кинокартины? Кто приехал к нам на гастроли? Почему тебе не понравилось в мюзикомедии?

Вот видишь, сколько вопросов! Передавай всем своим подружкам, «замужним и нет» (как ты пишешь), привет. И пусть не пугают тебя однообразием. Потому по пляжам и прочим соблазнам гуляй меньше. Вот именно, не будь хулиганкой.

Крепко целую много-много-много раз мою Анютку.
 Яша.

5 июля.

М-я область, г. К-ск, в/ч 95501, Я. Шварцману.

Милый Яшик!

Наконец-то получила от тебя письмо. А я уже начала сердиться, что ты так долго не пишешь. А вы, оказывается, куда-то там уезжали. И я не ленюсь, пишу аккуратно. Хотя виноватой может быть еще и наша «банно-переулочная» почта. Это не то что «проспектная». И я не шучу. Наша колдобистая частная деревня — не ваш цивилизный район.

Мне понравилась твоя идея. Сегодня — пятое июля. Это письмо дойдет числа девятого. А десятого в 10:00 состоится наше свидание. И я обязательно пойду на остановку. Но мне станет так грустно, что там тебя не будет, так обидно, что я могу заплакать... Нет, не буду! Честное слово! Плакать и плакаться нельзя. Правильно, бравый солдат Яшик? Вот я и хорохорюсь!

Экзамены сдаю плохо. Осталось еще три. Не знаю, как дотяну. У нас стоит чудная погода, делать ничего не хочется. Если бы ты был здесь, мы бы ездили на пляж, в сосновый бор, мне там очень нравится. А сейчас приходится туда ездить гулять с Аликом (брат охраняет меня от всяких приставал. Вот так!).

Сегодня прояснилось с моей поездкой: разговорились в институте об отпусках, и выяснилось, что на юг, в Сочи, собирается один из наших парней, Эдик. Договорились ехать вместе. Галка нынче ненадежная спутница: она все мечется. У меня так и отпуск закончится, если я не приму решения. Поедем пятого августа. Но чем позднее, тем лучше. Ты же не будешь против, что я поеду с ним? Девчонки утверждают, что лучшего попутчика не найти (как они говорят, «во всех отношениях»). Да ты сам увидишь, я вас обязательно познакомлю.

Ну вот, Яшечка, и все. За новостями в Н-ске не слежу и в кино бываю редко. Вот приедешь — станем ходить вместе, а сейчас неинтересно. Я уже начинаю считать дни до твоего приезда.

Целую моего Яшику в загорелый лобик, носик и красненькие губки. Мы не гулены и не вруны, нам сердиться друг на друга совершенно нет причин.

11 июля.

М-я область, г. К-ск, в/ч 95501, Шварцману Яше.

Здравствуй, Яшик!

Яшик, миленький, почему ты так редко пишешь? Мне без тебя очень и очень скучно. Такое отвратительное настроение, ничем не хочется заниматься. И все ждешь, ждешь — то писем, то дня, когда они уже не будут нужны.

Ну а как состоялось наше свидание? Как я выглядела? Какое платье было на мне, здорово ли я загорела? О чем мы говорили? Мы целовались нежно-нежно? Да?

Как дела у Маши? Костик тебе ничего не говорит? Идти мне к ней самой неудобно, все же ситуация не из простых. Да я и не знаю, где она живет. Хотя, может, в квартире Кости. Но одна я туда не пойду. Твой Ка-Ка — любитель приключений, и тетя Шура еще что-нибудь подумает... Да ладно, это я так. Хотя, когда мы с тобой иногда остаемся у него, мне всегда кажется, что хозяйка нас осуждает.

Признаться, интересно: Маша будет рожать или... Но это их личное дело, люди они уже взрослые.

Яшик, дату вашего отъезда вам же скажут точно? Думаю, дней через восемь мы увидимся. А лучше напиши. Пусть твой приезд не будет сюрпризом.

Милый Яшик, до свидания. Целую.

12 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Здравствуй, дорогая, хорошая моя!

Вот скоро мы с тобой и встретимся. Прозябать здесь осталось совсем недолго. В субботу выезжаем в другое место, где пробудем несколько дней, а оттуда сразу домой. Так что в четверг или пятницу, наверное, буду дома.

Милый курносик, что же ты плохо сдаешь экзамены? Видно, все же часто бегаешь на пляж или еще куда, а? А может, лень-матушка одолела? Ну, ничего! Если тройки, то ерунда — тебе стипендию не получать. Если же пары есть, то это, конечно, плохо, но тоже не смертельно. Я приеду, и мы общими усилиями заработаем хорошие оценки. Так-то!

Анютка, Костик-лисий хвостик здесь тебе кое-что черкнул. Так ты ему не верь. Я хороший ведь, правда? И об Анютке я часто думаю, и девиц здесь, конечно, никаких нет. А вот когда однажды нас возили в город, водили строем в парк и мы несколько часов лежали на пляже, то умудрились выпить бутылочку вина.

Анютка хорошая! Ходила ли ты ко мне на свидание десятого числа или забыла? Я думал о тебе, моей Анюточке, и хотел быть рядом с тобой. И мечтал *не только* о слиянии душ... Я соскучился по вкусной Анюточке, хочу ее целовать, ласкать, обнимать... и чтоб у нас с тобой всегда было все хорошо.

Крепко и миллион раз, и намного больше, до бесконечности, целую мою Анютку-хулиганку.

Я. Шварцман.

Письмо Константина Колесова

Здравствуй, Анюта!

Вот и я решил выдать весточку. Причины следующие: во-первых, ужасно хочется что-нибудь написать, как говорится, хорошему человеку. Во-вторых, ты часто через Яшуса шлешь нам, а мне аж персонально, большие приветы. В-третьих, жалуясь на твоего Яшу (иногда со злости мы зовем его Яшей-поимяшей, а он меня, как ты, наверное, уже давно знаешь, Ка-Ка. Хулиган. Что сделал с моей фамилией! Правильней было бы Ко-Ко, так нет! Ему, видите ли, нравятся мои инициалы, а не фамилия. Русофоб!). Он стал ужасен, часто ругается (матерно и нет), сильно зарос и одичал, льстит к начальству и груб с подчиненными, меня обижает (вчера в супе не дал мне кусочек мяса, еще обругал). Вот такой Яша-поимяша стал нехороший. Мало того, он совсем о тебе не думает, а думает о деньгах. А когда мы были на пляже, он разделся чуть ли не до... Словом, снял с себя гимнастерку и брюки, напился румынского вина и стал обольщать близлежащих девиц с мыслью поиметь что-нибудь хорошее. Вот он какой нехороший! А я — хороший! И вдобавок ко всему бедный и несчастный. От Маки давно нет писем, и не знаю, к добру это или к худу. Ведь если ответ задерживается, стало быть, что-то случилось. А если бы пришел вовремя — все по-старому. Но, может быть, и наоборот.

А в принципе... твой Яша-поимяша — мужчина ничего, только слегка волосат.

До свидания. Константин.

12 июля.

М-я область, г. К-ск, в/ч 95501, Шварцману Я.

(На конверте строки «куда» и «кому» перечеркнуты, сбоку надпись: «Адресат выбыл».)

Шварцман, мой дорогой Шварцман!

Очень-преочень жду тебя. Мечтаю, как мы встретимся...

Погадаю.

Ну вот, погадала. А что сказали карты — не скажу...

Это письмо, кажется, будет последним, вот уже совсем скоро ты приедешь и я не буду ходить на эти лживые свидания, которые ты придумал. Какое там слияние душ? Назначил встречу один раз, а у меня теперь на этой дурацкой остановке портится настроение. Стою — и не троллейбус жду, а тебя. А тебя нет...

И много я не бегаю, даже последние фильмы не смотрела. А если малость загорела, так это я несколько раз ездила на пляж с Надеждой Степановной (ты знаешь ее, работаем вместе, она в институтской библиотеке уже давно). Оказывается, с ней очень интересно ходить. Она выступает в роли моей бонны и иногда такое подмечает, что я бы и не заметила. Например, сразу может понять, с какими намерениями к нам подходят парни, стоит ли с кем из них общаться дальше. Но сейчас она уехала к сыну, и мне стало еще скучнее, особенно на работе: не с кем поболтать. Правда, я сейчас сижу в приемной комиссии, помогаю оформлять разные документы. Народу больше и работать интереснее. Смешно: в одном институте учусь и работаю. Хотя веселого ничего нет — экзамены еле вытянула. Я даже похудела. Но, по-моему, по другой причине: все с ехидством замечают, что разлука на меня действует отрицательно.

Билеты в Сочи Эдик хочет заказать на конец июля. Но я прошу его перенести на август, хотя бы на два-три дня попозже. Так что чем быстрее ты приедешь, тем дольше мы будем вместе. Ты представляешь, как нам будет хорошо! Мы будем вместе. И в городе, и за городом...

Крепко и нежно целую моего любимого Яшика.

Теперь уже до скорой встречи.

Аня.

20 июля.

Шварцман, вот уже сутки мы не виделись с тобой. Я очень соскучилась и сейчас считаю минутки: ты должен вот-вот прибежать. Да торопись ли ты ко мне?

Ты должен успокоить меня, я опять что-то сильно переживаю.

31 июля.

г. Н-ск, проспект Мира, 62, кв. 25, Шварцману Яше.

Яшик, милый мой хороший мальчик!

Сколько прошло времени с тех пор, когда ты был рядом со мной? Всего лишь три с половиной дня, но они показались мне вечностью. Нас разделяет огромное расстояние. Я — курортница! А ты — сибирячок!

Уже вечер, и на улице темно, а я пишу тебе письмо, которое сочиняла весь день, пока ходила по городу.

Доехали хорошо. С квартирой устроились неважно (далеко от моря). Эдик ушел искать другое жилье. Я его просто вытолкала. Да, вытолкала! Мой Эдик оказался менее инициативным, чем я предполагала, часто приходится принимать решение самой, а это мне не нравится: парни должны быть более самостоятельными! Но между нами установился нормальный человеческий контакт, чего я и желала. С первого раза нас все принимают за супругов, но я это сразу опровергаю, а он молчит. Хотя зачем вводить людей в заблуждение? Потом, конечно, все убеждаются, что у нас чистые и дружеские отношения.

Знаешь, оказывается, и в Сочи можно встретить знакомых. На пляже столкнулись с парнем из нашего потока. Он так удивился, увидев нас вместе. Как жаль, что нет рядом тебя.

Видишь, мой милый, оказывается, ты мне нужен везде. Хотела не писать, но в первый же день пишу. Не могу не написать тебе! А ты разве сомневался? Нет же, Яшик?!

Яшик, милый мой, вот видишь, продолжила писать только на второй день. Нашли новую квартиру. Теперь мы живем в самом центре, в восьми минутах ходьбы от пляжа. Теперь у нас целая компания. Наши соседи по квартире — девчонка моих лет с тетей. Передовая такая тетя, еще опытной Надежды Степановны: знает местные нравы и значные места. Все четверо в одной комнате, но это даже и лучше. На первой квартире мы с Эдиком тоже спали в одной комнате. Легли, и вот я задремала. Смотрю, он встает и, тяжело дыша, подходит ко мне. У меня сердце упало: неужели, думаю, посмел... Вздогнула и очнулась — Эдик мирно храпит на своей кровати.

Сны... Когда мы ехали, видела только тебя. Интересные сны, мне понравились. Я верю им — у нас все будет хорошо.

А ты видишь меня во сне? Неужели нет? Тогда что и кого? А может, просто спишь крепко и все? Тогда это еще ничего...

Хочешь еще один вариант моей необычной ревности? Недалеко от нас ресторан. Не могу спокойно думать, что и ты когда-то был в нем или другом. И с кем? Ты же мне рассказывал, что ездил отдыхать после первого курса на юг: родители наградили путевкой. Вот и я решила: ты был, а я нет. И Галка уже два раза была. Что мне от других отставать? Мы заходили только в вокзальный ресторан, днем в нем обедали. И больше нигде, кроме моря, не были.

А деньги бегут, не успеваешь оглянуться, вернее, взглянуть на кошелек. Если мама не вышлет, то прощай, шубка. А так хочется! Ведь и ты, Яшик, не против, чтоб я была в шубке. А если ты как-нибудь сходишь к нам вечером, скажешь, что получил от меня письмо, передашь привет... Это, конечно, не просьба, а так, между прочим.

Почему-то все время помню про парня из вашей группы, о котором ты рассказывал, что он тоже поехал отдыхать в Сочи. Я помню его лицо. Где-то тоже здесь ходит.

Я совершенно не вспоминаю о доме, о Н-ске. Единственное, что сейчас меня связывает с ним, так это ты, мой милый Яшик.

Пишу на домашний адрес, думаю, что письмо попадет только тебе и не пройдет через родительскую цензуру, чего я совершенно не хочу. Даже стало не по себе. Как чего-то испугалась... Может, не посылать? Пусть это письмо превратится в мою дневниковую страничку. Прочтешь... когда приеду.

Нет, pošлю, я знаю, ты ждешь его. Ждешь ведь?

Много-много целую милого Яшика.

Аня.

7 августа.

г. Сочи, Главпочтамт, до востребования, Антоновой Анне Георгиевне.

Хорошая, милая Нютка, здравствуй!

Я верил, что получу от тебя письмо, но оно шло что-то очень долго — с твоего отъезда прошло уже семь дней. Сразу пишу ответ.

Я отдыхаю в городе. Никуда не поехал. Погода стоит довольно теплая. Но очень редко бываю на пляже. Ездили раза три с Костиком на речку в сосновый бор. Там здорово! Народу мало, тишина, лесок чудный. И вот мы лежим одни, и я думаю об Анютке. О том, что было бы здорово сейчас быть вместе. Да-да, даже в Н-ске! Валялись бы на песочке и травке, и нам было бы очень хорошо... И тетя Шура отчалила к родне, квартира в полном распоряжении Ка-Ка. Вот так! А тебя нет...

Я делаю успехи в плавании: могу проплыть метров десять под водой. Да-да, под водой! Дело в том, что я еще не могу научиться правильно дышать в воде, поэтому набираю побольше воздуха в легкие и плыву, пока хватает сил. Если мы еще будем ездить на реку, то подучусь.

Как ты там отдыхаешь? Не перегревайся на солнце. Больше кушай фруктов, чтоб приехала полненькой, вкусенькой.

Домой к вам сходить, конечно, можно, но ты лентяйка, напиши-ка письмо домой сама. Хоть одно-то надо написать. А первому идти к вам как-то неудобно, родители еще подумают, что ты их позабыла-позабросила: они ждут весточки все же от тебя, а не от меня.

Особый привет твоему телохранителю — Эдику. Будь умненькой!

Крепко целую.

Я. Шварцман.

9 августа.

г. Н-ск, проспект Мира, 62, кв. 25, Шварцману Я.

Милый мой! Я больше не могу находиться в этом Сочи, надоело. Я так тоскую, несмотря на всю красоту этого края. Что бы я ни делала, где бы ни была, думаю только о тебе и ты не выходишь из моей дурной головы. Я уже начинаю жалеть, что поехала. Нам было бы так хорошо с тобой в Н-ске. Ведь правда?

Я умоляю Эдку уехать раньше, чтоб до начала твоей учебы мы могли хотя бы несколько дней побыть вместе. Ведь ты тоже этого хочешь. Правда? Мне все здесь так надоело — и Эдик тоже. Я уже едва переношу его присутствие, каждое его движение меня раздражает.

А вчера чуть не улетела к тебе. Просто решила побросать вещи в чемодан, купить билет на самолет — и сразу к тебе домой, прямо с аэродрома к своему Яшику. Даже не думала, что сказали бы твои родители.

Спору нет, здесь красиво. Но, мне кажется, приезжают сюда не отдохнуть (толкотня и дороговизна), а других посмотреть и себя показать. Ну а мне некому себя показывать. И смотреть ни на кого не хочется.

Помнишь, мы были как-то на пляже и я все была чем-то недовольна: то солнце не так светит, то ветер не туда дует... А ты: «Ну что с тобой,

глупышка?» Какой я была глупой. Ведь мы были вместе. Что мне еще было надо?

Сейчас, когда тебя рядом нет, меня преследует тревожное предчувствие, что встретимся, но прежних отношений между нами не будет. Но они будут! Ведь это зависит только от нас двоих. Ведь мы же сами с усами...

Получил ли мое первое письмо? А ответил? Я еще не получила. А вдруг оно лежит на почте! Сейчас побегу.

До свидания, милый, тороплюсь.

Твоя Аня.

16 августа.

г. Сочи, Главпочтамт, до востребования, Антоновой Анне Георгиевне.

(Сведения об адресате перечеркнуты и надпись сбоку: «В Н-ск». На обратной стороне надпись: «Истечение срока хранения».)

Милая моя хорошая Анютка! Здравствуй!

Приезжай скорей! Мне скучно!

Погода испортилась, купаться нельзя. Ходим с Костиком днем в кино, вечером пройдемся пару раз по броду — и по домам.

Машка уехала в деревню — то ли к своей тете, то ли к бабушке, Костик сам толком не знает. Говорит, что с врачами она не договорилась, что сейчас уже ничего нельзя сделать. Оказывается, Костик уже давно говорил с ней на эту тему, а Машка тянула и даже заявляла, что хочет от него ребеночка — «на память». Вот дуручка! Ты же помнишь, что Костик сам как-то признавался, что хочет с ней расстаться — и, смеясь, просил познакомить его «с такой же чувихой, как ты!» Но он и без смеха, по-моему, нам завидует. И я бы завидовал, если б у меня не было такой Анюточки... Господи, ужасно захотел тебя поцеловать, обнять... и так далее. Да-да, и так далее!

А Машка может устроить Костику «козу». Уж слишком она самостоятельная (твое слово). Разве можно так — без взаимного согласия? Видимо, специально затянула: решила удержать его. Или, в самом деле, «на память»? Но Костик настроен решительно. Он же понимает, что Машка до него была со многими. И это не сплетни. Она даже сама, помнишь, когда выпьет лишку, начинает перечислять... и плачет. Неудобно об этом писать, но факт.

И дело, может, даже не в этом. Костик, по-моему, ей не верит, что она не возьмется за старое. Но даже это не главное. Просто Костик еще не готов к таким переменам в своей жизни. Ведь он еще учится, а здесь — ребеночек...

А разве Машка сама готова? Техникум бросила, не работает, своего жилья нет. Вот и вся их самостоятельность. И семья у Маши многодетная, отец с ними не живет. Наверняка им трудно. Разве можно еще их нагружать? Нашим родителям и так в жизни досталось... Поэтому Костик и нервничает, переживает. Говорит о каких-то возможных преждевременных родах. Я в этом ничего не понимаю. А он даже к родителям на лето не поехал.

Анчик, милая, хорошая. Было бы здорово, если б ты вернулась на несколько дней раньше, а то приедешь как раз к выходу на работу — и все, не успеем погулять. А потом начнутся будни: работа, учеба каждый день, проекты — все же четвертый курс, а на пятом — преддипломная практика и диплом. Да, диплом! Не думай, что я хвалюсь. Просто я еще сам не могу осознать, что осталось учиться не так уж и много. А я так хочу побольше быть с моей милой Анюткой. Чтоб не думать ни о каких учебниках и проектах, целый день бродить по городу, угощать Анчика мороженым и целовать весь день, весь вечер, всю ночь...

Яша.

Р. С. Видел вчера твою уважаемую Галину Иванову. Была в своем репертуаре: шла по центральной улице в обнимку с каким-то парнем. Пошатываясь.

(В конверт вложена записка-письмо от Кости Колесова.)

Здравствуй, Анюта!

Живем мы с Яшусом здорово-здорово! Много света, солнца и тепла различного происхождения.

Яшус необыкновенно много ест, так что приезжай поскорее, бросай Эдика (и что он к тебе привязался?) и осчастливь Н-ск своим присутствием. О тебе мы ужасно часто вспоминаем, так что если мы и ходим в кино и театр, то считай, что это с тобой.

А я все еще жду от Маки ответа. Приезжай, поплачусь лучше тебе, чем до безобразия верному своей Анюте Яшусу (на его месте я убил бы этого Эдика!).

Глубоко уважающий Константин.

20 августа.

Ты зря обиделся. Дома же родители. И Алик мог зайти. Конечно, я должна была быть с тобой более ласковой. Но кто же знал, что мы так скучали друг о друге. Письма — одно, а вживую могло бы случиться иначе.

21 августа.

Как ты мог такое сказать?

Ты испортил нашу поездку в сосновый бор. И это после того, как мы были вместе... Вот и заработал пощечину.

Как ты мог сказать, что я, может, «так же близко» была с кем-то в Сочи? Нет, как ты мог это сказать?! Говоришь, что твой одноклассник видел меня, но не подошел, так как я была не одна. Ну и дурак! Я была с Эдиком, и ты это знаешь. И у нас с ним были нормальные человеческие отношения. И все! Если не веришь мне, то и не верь!

Нет, как ты мог не только сказать, но даже подумать о таком?! Да за это мало пощечины!

Ты растерялся, не ожидал. Извинялся...

Пока я не принимаю твоих извинений.

И вообще, мне кажется, что ты придумал этого одноклассника. С самого начала придумал. Я только сейчас начинаю кое-что вспоминать

и анализировать. Я же спрашивала тебя о нем, когда приехала, рассказывала, что хотела встретить его. А ты что-то все подмигивал своему Ка-Ка, который почему-то лыбился. Если это так, то ты мне не доверяешь: хотел, чтоб я боялась твоего «однотруппника». Вот он меня и «увидел»...

Не могу тебя простить!

5 октября.

Твой Костик — настоящий лисий хвостик, как ты его как-то назвал, и вообще — настоящий *кака*: хоть бы пожалел Машу и не сразу с ней расстался. Как говорится, отделался легким испугом: ребеночка вроде как и не было, коль умер. Маша теперь совсем одна.

Ладно, бог ему судья. Все вы, мужчины, наверное, одинаковы.

Не могу уснуть.

Так хочется, чтобы ты просто посидел около меня, нежно поцеловал. Конечно, хворь бы моя прошла. Как я хочу твоих поцелуев...

14 октября.

г. К-в, ул. Центральная, 5, Хаймовичу Б. А.

Дорогие мои, родные Боречка, Фирочка и Сонечка!

Пишем мы друг другу редко, но хорошо, что по телефону частенько переговариваемся. Хотя по нему многого не скажешь. И не только из-за денег...

Знаем, что с оформлением документов у родителей жениха дело движется, но медленно. Даже не верится, что потом и вы уедете в Израиль и мы будем так далеко друг от друга.

Но на наших бюрократов не обижайтесь и не озлобляйтесь. Их так и не выгрызли. По-моему, это наша вечная беда. И среди них есть и айды, как и среди всяких трусов и прохвостов. Если не хуже.

Кстати, это один из козырей моего Рувика, когда мы с ним говорим о Яночке: мол, среди евреек халды тоже попадают. Конечно, в семье не без урода — кто ж с этим спорит. Вот и антисемиты еще уродствуют. Даже Яночка кое-что уже прошел.

Недавно мы с ним говорили. Но разве с Яночкой долго поговоришь... Все торопится, да и весь в своего папочку: не любит разговаривать по этим делам. А я до сих пор не могу успокоиться. И повод для разговора был: во-первых, Яночка все еще встречается с той девушкой; во-вторых, у меня в НИИ один подвыпивший начальничек (отмечали юбилей сотрудника) во всеуслышание рассказывал: «Преподавал нам в институте один еврейчик, но так интересно читал лекции...» Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Вот я и напомнила Яночке его же старые происшествия. Может, я вам о них уже говорила? Но тоже напомню.

Однажды в детстве, в первом или втором классе, поссорился он с соседом, русским мальчиком, и хотел как-то ответить ему. И вот брякнул: «Жид!» Конечно, Яночка не раз слышал это в школе и на улице, но, наверное, еще ничего не понимал.

А соседский пацан все рассказал своей маме, а она — нам. Даже скандал устроила. Мне пришлось извиняться. Помню, что не знала, как объяснить Яночке это слово. Но все же объяснила, что это слово говорят только плохие мальчики.

А сейчас объяснять было незачем, большенький уже, просто напомнила, чтоб не забывал: слово еще живет... или, может, спит до поры. А он мне: слово есть слово, главное — дело, мало ли в русском языке плохих слов.

Нет, Яночка понимает, конечно, и не оправдывает таких людей, просто, по-моему, он пытается как-то приспособиться к нашей жизни.

Сейчас вспомнила одну школьную историю, которую рассказала мне соседская девочка, которая училась в той же школе. Яночка учился в классе восьмом-девятом, и их послали на уборку урожая в колхоз. Эта девочка зашла по каким-то делам в дом, где жили ребята. Там и произошла драка Яночки с мальчиком из параллельного класса. Соседская девочка называла этого мальчика, как сейчас помню, Изей. Она слышала, как мальчишки науськивали этого Изю на Яночку: мол, он на всех эпитграммы в школьную стенгазету пишет, смеется над всеми, в том числе и над тобой, вот и врежь ему. И этот Изя развязал драку. Девочка рассказывала, как все обступили дерущихся, подзадоривали и смеялись. И главное, что бросилось в глаза этой русской девочке: когда Яночка стал колотить Изю, то Яночку схватили за руки мальчишки из класса Изю, стали мешать ему, и никто не заступился за Яночку, даже ребята из его класса.

Конечно, дети зачастую бывают более жестокими, чем взрослые. Опыта и ума еще маловато. Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы не помешали учителя.

Нас с Рувимом в школу не вызвали, Яночка нам ничего не рассказал. Мы тоже промолчали — боялись подвести соседку, которая поделилась с нами. И до сих пор представляю, как Яночке было тяжело, если и он заметил, что мальчишки из его класса за него не заступились. Наверное, потому ничего и не стал нам говорить, что постеснялся рассказать, как его предали одноклассники. Не хотел их позорить.

Эта девочка рассказала, что после драки Яночка куда-то убежал, а было уже темно, и несколько ребят пошли его искать. Нашли на берегу речки. Может, плакал от боли и обиды? А может... Не дай Бог! Ведь мог и сделать что-нибудь с собой. Плавать-то он не умел.

Конечно, мы с Рувимом сильно переживали, как у него сложатся отношения в школе. Но окончил он хорошо, и конфликтов, по-моему, больше никаких не было. Я даже подзабыла этот случай. Но уверена, что Яночка все помнит. Такое не забывается...

Я говорю Яночке: хоть, наверное, плохих людей везде хватает и не все течет как по маслу, но у Сонечки и ее жениха Гриши жизнь теперь сложится по их способностям, а не по параграфам паспорта. Вот поэтому многие и уезжают в Израиль — ради детей. А здесь только и ждешь каких-нибудь подвохов, усмешек или предательства. Говорила, что и нам надо подумать об этом. Но Яночка, я уже вам писала, весь в родного папочку: все в шутку переводит. Говорит, что в Израиле, как и у нас, две беды: у нас — дураки и дороги, а в Израиле — жарко и евреев много.

Может, Рува прав: пусть решит... как сердце подскажет. И насчет Израйля, и в личной жизни. Господи, но мы-то знаем, что сердце может ошибаться. Вот я и говорю Яночке: если уж здесь оставаться, то тылы должны быть крепкими. И главное — семья. А в ней всякое бывает — и споры, и ссоры... и надо быть уверенным в близком тебе человеке. Говорила, что и родители невесты должны быть хорошими людьми. Ведь яблоки от яблони недалеко падают. И желательно, чтоб родители молодых понимали друг друга, дружили друг с другом.

Словом, все воспитываю своего сыночку. А он только кивает и улыбается: мол, мели, Емея, твоя неделя. И даже ехидничает: если бы не было евреев, их все равно бы придумали. Глупая шутка. Уже сил никаких нет. И Рувим заладил: не приставай да не приставай! Но разве можно пускать судьбу сына на самотек? Только и сказала Яночке, что мы верим в него — он себя и нас не подведет.

Вот такие дела, мои дорогие. Пересказала вам наш разговор с Яночкой — и на душе стало легче. А так все по-старому: мы с Рувиком трудимся, встречаемся по праздникам и на днях рождения с друзьями, иногда ходим в кино. Мечтаем купить телевизор. Вот изобрели люди! Молодцы!

Слышала анекдот: мол, телевизор придумали евреи, чтоб с русскими реже встречаться. Дурацкий анекдот.

Я желаю вам здоровья и терпения. Хотя, может, не надо сильно торопиться... В Израйле сейчас тоже немало проблем и трудностей. И главное, беспокойно: все время война. Словно она там вечная. Это ужасно.

Вот и Яночка уезжал на военные сборы. Говорит, что и после четвертого курса сборы будут, и потом тоже. Неужели мы готовимся к войне и она у нас может повториться?

Хотя «у нас» или «у вас» — сейчас все так связано друг с другом. Но вы приняли решение — и дай Бог вам счастья. Как говорят, все, что ни делается, — пусть будет к лучшему.

Обнимаю, целую, люблю.
 Фрида.

18 октября.

Вот и опять ты читал эти короткие заметки. Я пишу их для себя, но не могу удержаться, чтоб не показать тебе. И тебе нравилось читать их. Это было видно. Нравилось, потому что здесь я высказываюсь больше, чем в жизни.

Но что случилось за последнее время? Меня все время преследует мысль, что ты чем-то недоволен. В этом причина и моих капризов. И ты говоришь мне уже не «глупышка», а «злючка».

Что-то с нами происходит, что-то нездоровое... И мы стали видеться реже.

Выход — нет, конечно, не расстаться, об этом никто из нас не думает (в этом я уверена) — просто надо развеяться. Мы, наверное, устали. Надо как-то проверить наши чувства. Может, познакомиться с другим... а тебе — с другой?..

Нет, нет! Я не уверена...

Сейчас у меня совершенно нет желания видеть тебя в субботу. Не приходи. Такого мне тебя не нужно. И эти сегодняшние блуждающие глаза... Возможно, я очень обидчива, но такого тебя я не хочу, не надо. В субботу мы не встретимся.

Конечно, я еще загляну сюда, в эту свою тетрадку, ведь мы не увидимся целых три дня, я буду скучать. Но это нужно. Для нас обоих.

И прости, что у меня мелькнула мысль проверить наши чувства. Это глупо! Ужасно, что я написала про новые знакомства... Но зачеркивать не буду! А то подумает еще, когда снова будешь читать, что хочу что-то от тебя скрыть. Хотя, видимо, что-то недоговариваю...

Мне показалось, что сегодня ты хотел что-то сказать на прощанье, но не сказал. Может, я просто ждала твоих слов... Мы очень мало говорим друг с другом. Почему? Ведь нас что-то мучает.

24 октября.

Естественно, я не собираюсь с ним встречаться. Просто позволила проводить до дома. Если Галка узнает, то обидится на меня, хотя с ним она уже давно не общается. Да и гуляли-то они недолго. Но лучше ей не говорить. Я чувствую, что ей будет больно, если узнает. Все же она хотела с ним встречаться, даже строила планы. Хотя, по-моему, планов она никогда не строит: встречается — и все. Может, так и надо? Не знаю... Но я пожалела, что так поступила. И виноват в этом ты. Да, пыталась доказать самой себе, что я еще могу нравиться. И многим!

8 ноября.

Вот видишь, какие мы люди: испортили себе настроение. Мы совершенно не верим друг другу. И уже давно. Это ужасно!

Помнишь, как ты заставил меня пойти к врачу? Чего мне это стоило! Но, признаться, я до сих пор не могу понять главную причину твоей просьбы. Почему ты не поверил, что я стала женщиной? Для меня это было великим событием. И я даже сказала тебе об этом, что решила только с тобой... Да, не было «признаков». Но Галка мне сказала, что так случается. Мне было неудобно говорить тебе об этом. А ты все заставлял меня пойти к врачу. И я сама стала сомневаться. И пошла. И врач подтвердила мне Галкины слова: такая, мол, у меня «конституция».

Но, может, тебя волновало что-то другое? Сомневался, получилось ли у тебя?.. Не беспокойся, милый, получилось. А вдруг ты хотел узнать совсем не это? Я только сейчас начинаю понимать. Тебя, наверное, интересовало, когда я стала женщиной... Боже, может, ты до сих пор мучаешься этим вопросом? И ревнуешь, вернее, сомневаешься во мне? Господи, но что я могу сделать... Нет, я не собираюсь ничего объяснять и доказывать!

17 ноября.

Я ничему и никому не верю, даже тебе. Говорят, что не верит тот, кто или слишком многое видел, или ничего не видел. К кому отношусь я?

Вот сегодня уезжаю в командировку, но ты в это не поверил.

Я с удовольствием уезжаю, чтоб отдохнуть от всего, вдохнуть новизны. Мне так надоело это однообразие. Даже не жаль, что завтра меня не будет в Меде на вечере. Прочь из Н-ска! Эх, опять бы в теплые края — на море, на юг! Что же, хотя и ненадолго, всего на неделю, прощай, город, прощайте все!

Интересно, буду ли скучать?

Прочитала твое «иностранное» послание. Переписываемся. Юморим. При разговоре надо смотреть в глаза друг другу, а тут... Да и по-русски уже стали понимать друг друга хуже. По-английски тоже. Хотя я пытаюсь осилить этот язык: пишу словарь. И ты со словарем мучился. Но, по-моему, есть ошибки. И не поняла, что ты хотел сказать. Сам-то хоть понял себя? Что ты хочешь делать вечером — то ли целоваться, то ли будет «кровать»? Это что за «bed»? Будем спать? Может, ты имел в виду другое... Так по-английски «спать» — «sleep». А другое — не знаю. Да и как другое — без «целоваться»? А ты — или-или. Разве так бывает? Может, и бывает. Но я так не хочу. Я вообще не хочу так.

Почему люди не понимают друг друга? А ведь думают, мечтают и говорят на одном языке. Я хочу таких слов, без всяких словарей и подсказок, честных и искренних. По-моему, ты их тоже хочешь. Вот и даю тебе задание: скажи все, что у тебя на душе. И без шуточек.

10 января.

Зима в самом разгаре. И на душе зима: что-то замерзло в ней и никак не может оттаять.

Ты мне рассказывал, как добирался до больницы: все замело, транспорт не ходит, пурга, сильный ветер в лицо с ног валит, а ты все равно идешь и идешь... Долго шел. И я долго ждала тебя. Но знала, что ты придешь. Ты не мог не прийти.

Эти три дня были как во сне.

Родичи думали, что я была в командировке.

Мы назвали бы нашу дочку Любой. Люба, Любаша, Любовь...

Да, была бы Любовь. У нас была бы дочка, я в этом уверена, так как хотела бы девочку. И она была бы нежной и ласковой, доброй и искренней... Ты же у меня такой. Правда?

Хотя нет, от родов многие толстеют, вдруг я бы тебе разонравилась.

Спасибо Деве Марии и Галке. Ты вот все ее осуждаешь, а она помогла: всего три дня — и я возвращаюсь из «командировки». Но признаюсь: эти три дня — как вся моя жизнь...

Но ничего, оттаю: ты же рядом со мной.

12 февраля.

(Почтовая карточка, передана Анне Яшей.)

Куда: Главпочтамт, Антоновой Анне.

Адрес отправителя: Главпочтамт.

Анюта! Добрый день!

Я хочу тебе кое-что сказать, но рядом сидит Костик, и я молчу.

У нас сегодня будет хорошее настроение, правда? Вот переждем пургу и пойдем погуляем.

Анюточка! Курносик! Лохматуля! Вот ты сидишь и шутишь с Костиком, что мы расходимся... А вдруг это правда!

Время разрушает даже камни...

Ц. Т. О. К. М-М. Р.

Яша.

12 февраля.

Вот опять читала-перечитывала твою «телеграмму». Ты тоже, видать, шутил: экономил на количестве букв. Только это не телеграммный бланк. Да и то — там платят не за буквы, а за слова. Перепутал?.. Ладно, брать плату с тебя не буду, просто обменяемся посланиями. Но я напишу без экономии: целую тебя очень крепко много-много раз!

Придешь — прочтешь. Надеюсь, ты оттелеграфировал мне такие же буквы-слова? Хорошо еще, что не морзянкой. Я бы ее не поняла.

25 февраля.

Боже мой, как ты можешь наши отношения сравнивать со своими жалкими столкновениями с какими-то девчонками?! Ты о них не очень лестно отзываешься, но зачем эти намеки на «всех»? Я это принимаю на свой счет. Неужели я настолько легкомысленна, что мне нельзя верить, — моим словам, поступкам? Неужели меня можно сравнивать с какими-то пустыми и вульгарными девчонками? Как это ужасно.

Все шутишь: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». Если уж следовать твоим словам и посмотреть на твоего друга Ка-Ка, то... Мне тоже многое в нем не нравится...

Но нет, Яшик, я верю тебе. И зачем мне играть? Будь так на самом деле, мы бы давно расстались. Играть мне нет смысла. Ты прекрасно знаешь, на что я иду. Какая же это игра? Почему я не могу похвалить некоторых наших институтских ребят? Почему я даже тебя не могу похвалить, если мне что-то нравится? Да, ты очень бережно относишься к своим родителям, советуешься с ними, я знаю, и мне это очень нравится. Почему ты считаешь, что я не искренна? Почему это обязательно нужно понимать на свой лад? Я нисколько не подтруниваю. Ты стал каким-то мнительным. Глупо и жестоко оскорблять мои чувства.

Я не буду с тобой разговаривать, когда ты ко мне придешь, пусть это будет наказанием. Ты очень обидел меня своими глупыми усмешками и подозрениями.

28 февраля.

Я не сдержала своего слова. Как я могла не разговаривать с тобой, если мне хочется. Как мы могли не любить друг друга...

18 марта.

Теперь я точно знаю, что ты меня не любишь. Это привычка, желание, но только не любовь. Тебе, конечно, приятно быть со мной. И на лю-

дах, и наедине. Но если ты хотя бы немного любил меня, разве отпустил бы сегодня в театр? Пусть с Галкой, но ведь одних. У тебя даже мысли такой не возникло. А если что-то и мелькнуло, то, я уверена, это от скуки. Но потом, видать, придумал, чем будешь вечером заниматься.

Все чаще хочется положить всему конец. Но как же трудно решиться. Боишься потерять веру в людей, в красивое и счастливое. И опять подчиняешься твоему желанию. И сама хочешь ласки... Неужели это все-таки любовь? Как нелегко разобраться.

Почему ты не просишь почитать мой дневник? Неужели тебе неинтересны мои мысли? Или думаешь, что я лишена гордости, сама пойду на поклон? Нет. Этого не будет. Видишь, даже этот пустяк обижает меня. Я сама иногда злюсь на себя, что такая обидчивая и, как ты, мнительная.

Я хочу, чтоб ты пришел завтра, я уже скучаю. Приди скорей и узнай мои мысли. Ты же когда-то писал о нашем слиянии душ. Я почему-то часто вспоминаю эти слова. Неужели это был просто разовый порыв? Или опять это проклятое «бы» мешает?

1 мая.

Клянись!

Клянись, что сегодня ты будешь молодцом и не смалодушничает. Ты должна найти в себе силы, как бы ни была задурманена его лаской. Если ты поддашься, ты будешь самым безвольным человеком. Твоя воля подчинится другой воле, ты станешь самой дрянной девчонкой. И вообще, ты не будешь достойна чистого и хорошего. Между нами ничего не будет...

Клянусь перед своей совестью!

5 мая.

г. К-в, ул. Центральная, 5, Хаймовичу Б. А.

...Яночка, кажется, познакомился с какой-то другой девушкой: его недавно видели с ней. Но не знаю, кто и что. Да и, может, просто вместе учатся.

Боречка, ты напиши Яночке несколько слов. По-мужски что-нибудь напиши. Рувочка совершенно не хочет заниматься воспитанием сына. Считаю, это неправильно. Мы с ним даже скандалим.

Вернее, он воспитывает, но не так, как надо. Они на заводе занимаются какими-то топливами, и Рувочка говорит, что может наступить время, когда на Земле с природными запасами будут проблемы. Вот и воспитывает: людям надо объединяться, поодиночке это не решить... А национализм, мол, всех сожрет и уничтожит, от него нет других средств и оружия, кроме объединения. Только сбивает Яночку своим, как он выражается, «интернационализмом». Нет, я тоже за объединение, но нельзя терять свои корни. Просто надо жить мирно. Да, лишь бы войны не было. И в первую очередь в семьях. В них наши основные корни — взаимоуважение, преданность, доброта.

Ладно, что вам об этом писать? Вы и сами ученые. Это я Яночке иногда говорю.

13 мая.

г. Н-ск, проспект Мира, 62, кв. 25, Шварцману Р. Д.

Дорогой племянничек! Пишу в этом письме для тебя персональные строки (от своей сестренки и от твоего папы секретов нет).

Приезжай в наши края. А там и в Израиль махнем. А что? Израиль самоотверженно борется за свою независимость. Будем помогать ему в этой борьбе. У тебя в институте военная кафедра, так что после окончания будешь офицером. Эти знания пригодятся в Израиле.

Меня в жизни часто обижали и унижали. Хотя я и стал кандидатом наук, но у меня еще немало планов, и я хочу их осуществить быстрее и безболезненней. Ты, конечно, можешь улыбнуться, а я скажу старую истину: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Да и не обо мне сейчас речь, дело в принципе: евреи должны жить вместе. И главное, быть вместе, если их раскидала судьба.

Твои родители, естественно, за тебя очень волнуются. Ты на них не обижайся, когда они что-то советуют на личную тему. И я тоже хочу сказать по-мужски: гуляй, пока молодой, но не загуливайся. Не обижай тех, с кем гуляешь, сразу давай понять, насколько эти гуляния серьезны. Да ты и без меня, по-моему, это хорошо понимаешь. Приезжай, у Сонечки есть очень симпатичная, скромная подружка. Стесняться этого не надо. Силой никто не женится.

И скажу еще: личное и государственное всегда взаимозависимы. Это только кажется, что то и другое свободно друг от друга. Но даже прыщ без грамотного здравоохранения может стать серьезной проблемой. А что говорить о других, более серьезных вопросах...

Ты для меня родной человек, и я желаю тебе счастья.

25 мая.

г. К-в, ул. Центральная, 5, Хаймовичу Б. А.

Здравствуйте дорогие тетя Фира, дядя Боря и милая сестренка Сонечка!

Сразу отвечаю на самый важный вопрос, о котором пишет дядя Боря. Я прекрасно понимаю, о чем вы беспокоитесь. Каждый выбирает свою судьбу сам. Но, как говорится, везде хорошо, где нас нет. Ха, нас — не евреев, а вообще человек.

Знаете анекдот, когда один еврей все ездил то в Израиль, то опять сюда и на вопрос, что ты все ездешь, ответил: «И там и здесь хреново, зато в дороге такой сервис!»

Если серьезно, то я считаю, что победить все это можно будет только сильным и уважаемым во всем мире Израилем и таким же другим государством, в котором исторически живут евреи. Да, я считаю, что в нашей стране, чтоб люди почувствовали себя людьми, стали жить лучше, и русским, и евреям надо многое победить в себе. Да, русским и евреям! В стране идут какие-то изменения...

Конечно, все это долго и не так просто. Сейчас поясню. Меня, дядя Боря, тоже не раз обижали и унижали. Могу рассказать из дней почти нынешних. Однажды в деревне, когда нас посылали на уборку урожая, в

клуб, где мы жили, пришли местные подвыпившие парни. Ну и у нас тоже нашлась бутылочка. Вдруг один из деревенских уставился на меня и стал зло спрашивать, почему я такой курчавый — не еврей ли? Я почему-то растерялся немного, а один наш парень после небольшой заминки брякнул: «Нет, он русский». И я промолчал. А потом, когда деревенские ушли, я случайно услышал, как этот парень тихо сказал: «Хорошо, что я не еврей». Вот я и говорю: что на русских обижаться, когда сам смалодушничал?

Мы и с ребятами на эту тему не говорим, даже с друзьями. Будто стесняемся или боимся чего-то. А может, то и другое: стесняемся самих себя и боимся, что не поймем друг друга.

Вот и надо что-то делать в нашей стране, чтоб перебороть и себя и других. Может, здесь и наука должна помочь. Со лживыми учениями простым смертным не справиться, а вот на бытовом уровне... Если мы все разведемся, то кто будет перебарывать и помогать?

Конечно, насчет выезда сейчас много разговоров. Папа как-то сказал, что некоторые не хотят уезжать, поскольку лучше быть в деревне королем, чем в городе пешкой. Да, эти «некоторые» нашу страну называют «деревней». Папа, конечно, так не считает. И я тоже. Да и мама, по-моему, так не думает. Пусть мы, вероятно, сильно отстали, но папа говорит, что на заводе много талантливых людей. И я думаю, что надо просто создать всем одинаковые условия для нормальной работы и продвижения, чтоб люди могли смело и беспрепятственно проявлять себя. Тогда и работа, и жизнь должны улучшиться. Хотя жадность и зависть человеческая, наверное, безграничны и, увы, вечны.

Словом, дядя Боря, я чувствую еще свою неподготовленность в этом вопросе, но знаю одно: я желаю Израилю процветания. А в нашей стране процветание зависит от здесь живущих, то есть и от меня.

Что касается личных дел — вопрос не актуальный. Жениться пока не собираюсь, а там жизнь подскажет.

Ну а насчет «гуляй, но не загуливайся» — согласен. Только разве всегда можно предугадать, как будут развиваться отношения? По-моему, бывает все сложнее. И я бы переиначил известное «быть или не быть?» на «верить или не верить?». Как не обмануться в людях — вот в чем вопрос... Наверное, потому и бога придумали, что в него поверить легче, чем в человека.

А с мамой и папой у меня отношения хорошие. Иногда говорим и на эти темы. Может, не так подробно. Да и к чему? Ведь жизнь прекрасна и удивительна!

Я письмо передам маме, она его вам и отошлет. У меня секретов от родителей нет. Да и ничего нового для них я здесь не сказал.

Желаю вам всем здоровья и успехов. Целую.

9 июня.

г. Н-ск, проспект Мира, 62, кв. 25, Шварцману Р. Д.

...Вы, конечно, прочли письмо моего племянника. Хороший он у вас парень, но еще много ветра в голове. Вся жизнь — праздник! Но, думаю, у него с этой девушкой какой-то конфликт. Слишком обтекаемо пишет.

Хитрит. Хотя понятно какой: «Верить или не верить?» Вы не расстраивайтесь, голова у него работает хорошо. Сложней с душой. Мне очень не понравилось, что он пишет «Бог» с маленькой буквы. Да еще с усмешкой. В этом причина всех наших бед...

10 июня.

Яшка! Я все-все помню...

Вчера мы шли с тобой со дня рождения и любили друг друга... Это был наш вечер, наша ночь, наша вечность.

Боже, как нам было хорошо! У меня до сих пор кружится голова от твоих ласк и поцелуев... Нам не хватало скамеек... Нам не хватало кустов и полянок... Нам не хватало палисадников и заборчиков... Мы не могли насытиться друг другом, мы хотели друг друга еще и еще...

Яшка, может, я как-то не так написала, но вчера было что-то необычное с нами: мы рвались друг к другу, терзали друг друга неутоленной жаждой. Конечно, мы были немного пьяными, но голова кружилась не столько от вина, сколько от ласк. Вся земля, весь мир, вся вселенная были наши. Я хорошо запомнила звездное небо. Оно было в миллионах и миллиардах горящих глаз, которые смотрели на нас. И мне было не стыдно, а, наоборот, весело лежать под открытым небом и яростно тебя любить. Мне было свободно и вольготно: мир, смотри, я люблю!

И ты не мог успокоиться, ты был неутомим, мой милый Шварцман.

Но сейчас, на трезвую голову, я догадываюсь: не только из-за вина мы никак не могли насытиться. По-моему, нам не хватало друг друга. Я не ощущала твоего тела, твоей лохматой груди, твоих ног, твоего запаха, и ты не ощущал меня всю.

Боже! Как я мечтаю быть вся-вся твоей, чтоб ты был весь-весь мой...

17 июня.

Шварцман, милый! Как мне тяжело! Вот где я дала волю слезам. Ты извини, но я больше не могу владеть собой. Я очень люблю тебя. Зачем мы опять так гадко расстались? Но и я не могу так... второпях. Вижу, что ты нервничаешь: вдруг кто-нибудь войдет... И хотя я знаю, что мои сюда не войдут, все равно стесняюсь и тоже нервничаю, словно в чем-то опять обманываю их, себя.

Нет, ты не любишь меня, если заставляешь так сильно переживать. Неужели ты хочешь быть таким, как твой друг Ка-Ка? Он совершенно не чувствует ответственности за тех, с кем встречается. Неужели все мужчины такие? Неужели вам нужно только одно? А душа?..

Боже, ты завтра уедешь... Приезжай скорей.

20 июня.

Знаешь, вчера я встретила одну нашу общую знакомую. Разговор с ней развеял в прах все твои хорошие слова. Тебя видели на майские праздники с какой-то девицей. Недалеко от дома Ка-Ка.

Ты что, мне изменил? Может, ты до сих пор мне изменяешь? И всегда изменял?

А может быть, я просто большая фантазерка... и некому развеять мои фантазии? Ведь ты так далеко. Опять учишься воевать. Учили бы людей лучше миру. Я имею в виду — миру с самим собой и другими людьми. Чтоб не было даже случайной боли.

Неотправленная телеграмма

21 июня, 21 ч. 30 м., г. Н-ск, проспект Мира, 62, кв. 25, Шварцману Якову Рувимовичу.

Милый Ящик, я очень скучаю, приезжай скорей. Если ты не приедешь, я натворю глупостей — заведу другого. Аня.

21 июня.

Одно понимание, что тебя нет в городе, заставляет грустить. Странное ощущение, что ты уехал надолго. Почти навсегда. Да, в каждую долгую разлуку почему-то думается, что мы больше не будем вместе. А если и будем, то не так искренне.

Тебя опять нет в самое тяжелое учебное время. Я не знаю, как скоротать его, даже жаль, что кончились занятия — они лучше, чем экзамены.

Сегодня первый раз вышла погулять. Как жалок брод, гораздо лучше сидеть в сквере на скамейке, беседовать, как старушки, с подружками, чем шляться там. Три вечера, проведенные дома, лучше, чем этот. Пока Галка подавала поздравительную телеграмму своей тетке, я «послала» тебе телеграмму-шутку. Но Галке ее не показала.

Яшка, милый, ты даже не представляешь, как приятно писать в эту тетрадку. Все равно что я поговорю с тобой, хотя ты так далеко. А ты потом будешь судить о моем настроении: ай, какая я была нехорошая вчера — ревновала и ругала тебя. Да и сегодня весь день отвратительное настроение. Даже мама спрашивала, почему от тебя так долго нет писем. И говорит: «Хоть отдохнешь за этот месяц». Но как отдохнешь? В субботу или воскресенье жду твоего письма. Если его не будет, у меня опять испортится настроение. А письмо должно быть очень хорошим, чтобы развеять мои глупые мысли.

А какой-то дядечка приглашал нас с Галкой пообедать. Я никак не среагировала. Ну, а Галка, хохмачка, начала с ним трепаться. Потом еле отвязались.

Вот написала обо всем, ничего не утаила. И ты ничего не утаивай. Ты же, Яшечка, скажешь, интересно ли читать тебе эти писульки? Скажешь?

30 июня.

Почему мне неинтересно даже разговаривать с этими ребятами? Окончили институт, сегодня защитили дипломы. Вот Виталия посылают работать в Красноярск. Какой счастливый день у него сегодня! Через год и у тебя он настанет. Буду ли я в этот день с тобой? Маловероятно. Почему? Не могу найти подходящих слов.

Все последние дни с волнением и тревогой жду твоего письма. Вдруг что-то произошло с тобой. Даже узнавала кое у кого. Говорят, на службе всякое бывает. Там же учат стрелять, убивать.

А может, ты отвык от меня?

1 июля.

Можно найти одну минутку для меня, хотя бы из уважения, не говоря о большем? Не прислал письмо, ну и не надо, сейчас пойду и с кем-нибудь познакомлюсь! Давно уж собираюсь. А сейчас есть повод. Больно нужно ждать твои письма. Устала. Надоело! Вот так, Шварцман!

2 июля.

Нужно учить, а я еще не бралась и ничего не знаю. Так не хочется...

Галка уже совсем как родная. И зря она тебе не нравится, ее нужно понимать. Она подружилась с «моим» Эдиком, и он хороший парень, я все больше и больше восхищаюсь им: почти не пьет, к Галке относится серьезно. И ссорятся они только из-за ее характера: уж больно она властолюбивая и свободолюбивая — хочет, чтобы все было по ее. Жалуются мне один на другого. Горжусь их доверием.

Яшечка, милый, приезжай скорей! Я как безумная. Я так скучаю! И все кажутся такими противными. Только с тобой мне будет хорошо. Ждать осталось еще больше половины. И мы снова будем вместе.

Сейчас встану на колени (помнишь, я тебе рассказывала, что на меня иногда что-то находит) и буду молиться, чтоб ты приснился. Еще ни разу тебя не видела. Ты не думаешь обо мне. Ну и не надо! Вот уеду на Енисей и исчезну там навечно от несчастной любви.

Я молюсь...

2 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Анчик, здравствуй!

Вот я снова на сборах. Но теперь есть и большие отличия.

1. Мы на положении офицеров.
2. Нас не гоняют (пока что!).
3. Нас любят (пока что!).
4. Нас даже откармливают (в смысле — хорошо кормят).
5. Служим в этом году дольше, чем в прошлом (военная тайна!).

Анча вкусная! Анча сладкая! Анча милая! Анюточка! Как ты там одна-одинешенька среди толпы грубых н-ских мужчин? Надеюсь, все хорошо, ты по мне скучаешь. А я скучаю по моей Анютке! Курносой, милой и вредной. Как сдаешь экзамены? Пиши мне чаще! В самом городе я вряд ли буду (нахожусь далеко, на «точке», есть такое уединенное местечко), поэтому не смогу зайти в гости, как ты просила, к твоей школьной подруге Свете. И письма могут идти долго. Ты не сердись, служба есть служба.

Извини, что в прошлом году в письмах из армии я тебя мало целовал. Теперь я целую тебя много-много раз больше!.. Что, опять мало? Тогда — бесконечное число раз. Как, опять мало? Ну, знаете, уважаемая...

Я. Ш.

Наш адрес — на конверте.

4 июля.

Все гуляют, а я сижу и учу. Почему я должна терять время? Тем более что от тебя нет писем. И еще эти слова: «Мужиков нельзя от себя отпускать... Мужики — кобели...» Галка о своих делах говорит, а мне нервы треплет. Зараза!

Вот опять ходила гулять без тебя. Прошла по броду. И сразу домой. Нет, одной гулять нельзя. Сразу столько «любящих». Даже противно.

5 июля.

Пожалуй, первый раз я осталась дома одна (мама ушла к своей сестре ночевать, отец — к своей, Алька к друзьям. Они с утра что-то все разругались). Такой тишины наш дом не испытывал за все свое существование. Я хожу по тихим комнатам, смотрю в зеркало... и мне жалко себя. А ведь есть люди, которые вот так одиноки всю жизнь. Не очень весело. Даже ужасно. Если бы не этот чертов экзамен, я бы легла в свою постель и отдыхала. Чувствую, что мне очень нужно отдохнуть. Я так похудела и осунулась, что даже боюсь показываться тебе такой: вдруг не понравлюсь. А я очень, очень хочу тебе нравиться. И больше никому! Вернее, нравиться-то всем, а быть — только с тобой. Иногда кажется, не хватит сил, когда закончатся экзамены и приедешь ты. Мне так будет хорошо и спокойно. А без тебя — скучно и обидно.

Милый! Я возьму отпуск на неделю раньше. И она будет только наша. В мире останемся только мы одни. Я буду очень любить моего Яшика. Так хочется отдохнуть душой от всего этого житейского смрада. Дай бог мне сил на оставшиеся четыре дня до проклятого последнего экзамена. Как трудно мне все дается в этот раз — и экзамены, и ожидание тебя...

8 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Привет, Анча!

Вот прошла уже почти половина срока моей службы. Что ж, потерплю еще! А потом покатаем с тобой на быстрокрылой «Яве» в сосновый бор, будем купаться, загорать, и я буду нежно целовать мою милую вкусную веснушку.

Сейчас нахожусь в гостях у Светланы. Когда вернулись с «точки», даже не предполагал, что нас будут так легко отпускать в город. Сейчас Света наденет свое лучшее, как она говорит, вечернее платье, и мы пойдем гулять по городу. Только не будет хватать рядом тебя — длинноногой Анчи на высоких каблучках и с тонкой талией. (Кстати, не знаю, как было раньше, но сейчас Светлана очень полная. Говорит, что это после родов.)

В ее семье приняли меня хорошо, у нее уже двое ребятешек. Передает тебе большой привет и говорит, что скоро сама напишет.

Анча, вот уже восьмое число, а от тебя еще нет писем. Мое первое послание ты должна была уже получить. Я очень жду писем. Мне без них

скучно, да и вообще, черт побери, я соскучился по одной гражданочке из Н-ска! Курносой и вредной (я уже писал тебе об этом).

Я, наверное, смогу бывать в В-ске по субботам или воскресеньям, ходить со Светой (только со Светой) по городу и вспоминать Анчу.

Будь хорошей и хорошенькой.

И секретная часть: ц. к. Нет, Ц. К.! И опять Х. Т.!

8 июля.

В-ская область, в/ч 39939, Шварцману Я.

Хочу передать привет несчастному офицеру!

Этот офицерик после четырнадцатидневной службы все же вспомнил свою знакомую из Н-ска и решил бросить ей письмецо, которое вдобавок шло почти неделю. Не думаешь ли ты, что тебя будут ждать и печалиться? Все люди как люди: ребята, которые остались здесь, приезжают на субботу-воскресенье в город, а Костя, я слышала, появляется каждый день. Один ты (остальные такие же меня не интересуют) вырвался на свободу, уехал изучать далекие незнакомые края. Тебе, видно, уже все наскучило. Так можешь получить полную свободу в любую минуту, не буду держать. Валяй! Чтоб не переживать и не мучиться, отпущу с удовольствием. Познавай жизнь! Пожалуйста! После того, что я узнала о тебе, о твоих майских похождениях, я была готова сказать и сделать многое. Сейчас малость остыла, но надолго ли...

У меня все идет нормально, экзамены сдала, теперь я четверокурсница. После сопромата всей группой отмечали это событие в лесу, за парком отдыха. У нас, оказывается, очень хорошие ребята... Да, хорошие! Не треплют мне нервы, а, наоборот, ухаживают, говорят хорошие слова, хвалят меня. Теперь дружно собираемся на практику.

Надежду Степановну проводила на курорт, а маму положили в больницу на обследование, наверно, будут делать операцию. Но толком еще ничего не знаю. Теперь я осталась за хозяйку.

На улице стоит жаркая погода, только загорать, а я сижу на работе. Так вот пройдет лето, и я ничего не увижу. Наверно, возьму отпуск и уеду в Т-ск. Получила письмо от тетки: зовут, жениха мне подыскали. Вот! Галка скоро уедет с Эдкой на юг, и я вообще останусь одна. Что прикажете делать?

Косте и другим твоим ребятам даже не хочу показываться, каждый занят своим делом. Так что никого не видела, ничего не слышала и ничего не хочу знать.

Милых слов сегодня не получишь, а поцелуев — тем паче: нет настроения... да и не заслужил. Будет настроение — напишу лучше.

Все. До свидания.

Аня.

И вообще, если тебе некогда, можешь не писать.

По-моему, получилось очень глупое письмо. Но переписывать не собираюсь. Что получилось, то получилось. Как душа потребовала.

9 июля.

В-ская область, в/ч 39939, Шварцману Я.

Яшик, здравствуй!

Сердишься на эту гражданку? Не надо. Я согласна с тем, что я вредная и капризная.

Сейчас хочу написать тебе хорошее, ласковое письмо, но что получится — не знаю, вдруг опять что-нибудь взбредет — и напишу глупость.

Настроение у меня не очень хорошее. Сейчас была у мамы в больнице. Она лежит в онкологическом отделении. Вот и настроение такое.

А теперь напишу, чем я занимаюсь. Вечерами сажу и шью себе наряды: хочу выглядеть хорошо, когда ты приедешь. Ты бываешь в В-ске, посмотри в магазинах белые туфли на очень высоком и тонком каблуке — мне и Галке.

Один раз после работы ездили с Галкой и Эдькой в сосновый бор. Вот уж где накупались! Говорят, что я проплываю длинную дистанцию. Не то что ты, *подводник*! Ничего, Яшечка, теперь, когда я стала уверенней плавать, я и тебя научу. Что голову прятать в водичку, как страус в песок? От кого или от чего прячешься? Или опять шифруешься?.. Смеюсь я, Яшечка. Словом, приезжай скорее, научу свободно дышать в воде и без воды.

А вот у меня настоящая беда: поправляюсь плохо, а это главная моя задача на ближайшее время. И не загорела совсем, даже купальник несколько не выгорел, а говорят, что он яркий.

Сегодня видела сон, будто бы целовалась с одним из наших выпускников, и вот уже целый день хочу целоваться по-правдашнему. Что делать? Ведь еще одна беда: не познакомилась ни с кем, а уже девятое число.

Яшик, ты обиделся, глупенький, я же пошутила! Ей-богу, в мыслях не было!

Я соскучилась, из-за этого ни к кому не хожу: приедешь — там все парами. Обидно.

Яшик, а осталось уже совсем немного — двадцать дней. Нет, это очень, очень долго. Правда?

А теперь, так как я не умею «ц», то разрешаю это сделать тебе, и очень много раз. Во много раз больше бесконечности.

До свидания, Яшенька. Л. и С.

Аня.

10 июля.

В-ская область, в/ч 39939, Шварцману Я.

Яшик, милый!

Вот уже 10 июля, осталось совсем немного до конца твоей службы. Скорей бы. Почему-то от тебя совсем нет писем — всего лишь два. Может, потому что нет настроения отвечать на мои отвратительные послания?

В субботу ходили с Аликом на московский ансамбль-пантомиму. Концерт нам понравился. За неимением лучших партнеров, хожу с братом. Дожила...

В воскресенье всей родней выезжали отдыхать в сосновый бор. Маме стало немного лучше. Ей надо чаще бывать на воздухе. В нашем частном доме во дворе тоже воздух, но лучше в лесу.

В сосновом бору вспоминала тебя и наши поездки...

Неожиданно встретила Ка-Ка с какой-то девицей. Вот так он «служит». Немного поговорили. Сказал, что я очень хорошо выгляжу. Да, так и сказал: «Очень!»

Вот, пожалуй, и все новости последних дней.

До свидания. Целую очень крепко.

Аня.

Кстати, может, и ты, как твой близкий друг, не столько служишь, сколько дружишь? Так напиши, не секретничай. В долгу не останусь.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «1».)

Уважаемый товарищ Анята!

Вы соизволили ответить на мое первое письмо. Вы обижаетесь, что «несчастный офицерик» долго не писал Вам писем. Какой сарказм и неуважение к воинскому званию. Однако уважаемый офицер начал писать Вам первое письмо почти сразу по прибытии на далекое от почты место. Но его тут же перебросили еще дальше. А там почты вообще нет. Вот и отправил письмо поздно.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «2».)

Уважаемый товарищ Анята!

Ваше письмо от 8 июля я получил десятого числа. Как видите, почта работает отменно. Правда, не всегда. Второе письмо, отправленное из В-ска, Вы, видно, еще не получили в то время, а то бы не сердились на «бедного офицера».

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «3».)

Уважаемый товарищ Анята!

Хочу поздравить Вас с окончанием третьего курса. Желаю Вам всего хорошего в учебе и в примерном поведении. Пусть осуществляются все Ваши желания. И пусть через три года наша страна получит еще одного знающего и умелого инженера, который 8 июля совсем зря сердилась.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «4».)

Уважаемый товарищ Анюта!

Было трудно предугадать, где будет лучше — под Н-ском или под В-ском. Но поверьте слову «бедного офицера», если бы он твердо знал, что хотя бы раз в неделю сможет видеть уважаемого (много-многоуважаемого) товарища Анюту, он бы не задумываясь остался в Н-ске. Не знаю, как товарищу Анюте, а ему было бы очень и очень хорошо с ним рядом.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «5».)

Уважаемый товарищ Анюта!

Что за странные басни Вы, видимо, слышали о моих скромных днях жизни в мае? Надеюсь, Вы меня знаете лучше, чем кто-либо, поэтому сердиться на меня нет никаких причин.

Вы говорите, что желаете покинуть пределы родного Н-ска, оставив «бедного офицера» одного среди спящих машин, мотоциклов и мото-роллеров. Это будет очень жестоко с Вашей стороны.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «6».)

Уважаемый товарищ Анюта!

Я требую (очень-очень прошу) не покидать пределы Н-ска. Да, требую, черт побери! Надеюсь, что мы будем вместе в жаркие августовские дни.

10 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

(На конверте рукой Ани проставлена цифра «7».)

Анюточка, ты поняла меня?!

Хочу хоть немного компенсировать недополученные письма, в которых я хотел сказать, что думал об Анче, скучал об Анче и очень хотел ее видеть...

Целую Анчу.

Целую милую.

Целую вкусную.

Целую сладкую.

Целую нежную.

Целую курносую.

Целую глупышечку.

Целую веснушчатую.

Целую вредную.

Целую хорошую.

Целую, целую и еще целую Анчу!

Я. Шварцман.

18 июля.

В-ская область, в/ч 39939, Шварцману Я.

Мой милый, хороший Ящик!

Сегодня получила от тебя массу писем. И твою загадку сразу разгадала. Ставлю пять за выдумку. Но ты был так подчеркнута официален, что сбил меня с толку, и я не знаю, то ли писать «товарищу Яше», то ли любимому и родному Ящику.

20-го уезжаю на практику. Но ты мне все равно пиши. Когда приеду, мне будут очень нужны твои письма. Они вводят меня в равновесие. Правда, когда приходит письмо, я сначала сержусь на тебя, но после неоднократного перечитывания они мне начинают нравиться и я понимаю, что такие добрые и секретно-стеснительные ласковые письма может написать только мой милый Шварцман.

Мой милый Шварцман скоро приедет, и все будет очень, очень хорошо. И я никуда не поеду из Н-ска, если он мне прикажет. Мне нравится, когда он приказывает и требует. И не оставлю его среди «снующих машин, мотоциклов и мотороллеров». Конечно! Шварцман стал частником. Он капиталист — владелец мотоцикла. Это тебе не хухры-мухры.

Ящик, ты не забудешь купить мне большой надувной мячик, который я видела, когда была в Сочи (если, конечно, он у вас там есть)? Будем плескаться с ним в речке. А потом сядем на него и поплывем далеко-далеко... Мы не упадем! Мы будем крепко держаться друг за друга. Правда?

Пусть написанное в седьмом письме осуществится на самом деле.

Целую крепко и нежно. Очень скучаю.

Аня.

19 июля.

г. Н-ск, Банный переулок, 21, Антоновой Анне.

Здравствуй Анчик-человек!

Надеюсь, ты получила все мои письма? Теперь ты чувствуешь, чем я здесь занимался все это время: писал тебе письма и скучал о... Н-ске.

А ты скучала об офицерике? И не просто об офицерике, а вообще, обо всем? Из твоих лаконичных писем только едва-едва виден намек на это тонкое обстоятельство. Но ничего! Дома разберемся: вот увезу тебя на мотоцикле за синие моря, за темные доли — и потребую ответа!

Вот уже и 19-е. Через одиннадцать деньков я смогу обнять самую курносую девочку на свете, самую вредную и веснушчатую, с тонкой талией, самую ехидную и самую вкусную.

Честное слово, я хочу скорей тебя увидеть, обнять...

Яша.

25 июля.

(Из неоконченного письма.)

Ящик!

Вот уже пятый день я на полигоне. Свободного времени совершенно нет. С утра до вечера бегаем по лесам и долам с рейками, вешками, нивелирами и теодолитами. Я никогда, пожалуй, столько не работала и не приносила столько пользы.

Вспоминаю тебя очень часто. Особенно вечером. Здесь очень красиво: бескрайние просторы и луна большая-большая. И звездное небо обнимает тебя и всю Землю. Жалею, что мы редко бываем за городом, на природе.

Все ближе день твоего приезда. Встреча, как обычно, меня страшит. Почему-то кажется, что мы встретимся совсем чужими людьми, у нас будут разные взгляды.

Я так соскучилась. Пишу тебе — и хочется плакать... И вообще, оказывается, я мокроглазая. Девчонки бы не поверили.

Иногда мы в шутку пишем друг другу разные буквочки — ц. к., л. с., х. т. А зачем секретничать? Давай кричать на весь белый свет, что мы целуемся крепко, любим, скучаем и хотим друг друга! Нет, не для показа, а для самих себя. И сейчас, когда ты далеко, особенно хочется быть нежной и ласковой, совсем не грубить, что бывало с моей стороны за последнее время, не ссориться, а понимать и любить. Честное слово, я исправлюсь. И вообще, мне хочется так много тебе сказать...

25 января.

И вот пишу уже в новом году. Передо мной ишачок Яшутка и вот эта тетрадка. Игрушку ты подарил на Новый год.

Неужели... всё — игра? И шифровки — игра? И твоя выдумка с обилием писем — игра? И эта тетрадка — игра?

Нет, тетрадка не игра! Давно я не заглядывала сюда. Не потому, что мне нечего было сказать тебе. Просто некогда.

Что тревожит меня? Конечно, если бы ты действительно любил, то не отпустил бы на концерт. Разве можно соглашаться со всем, что я собираюсь делать? Полагаешься на мою совесть? Все правильно. Но, уверена, ты прекрасно понимаешь, что для оправдания своих поступков у меня найдутся весомые аргументы и факты. За время наших встреч ты предоставил их в немалом количестве. И вообще, пожалуй, научил оправдываться. И оправдывать.

Вот и сейчас есть предчувствие, что завтра ты придешь... и я в четверг не пойду на концерт. Мне совсем не хочется идти с ним. Если не придешь, значит, я обманула сама себя. Будет очень жалко и обидно.

Раньше все твои поступки я оправдывала. Ты был таким, каким я хотела тебя видеть, каким ты жил в моих снах и мечтах — добрым, любящим фантазером-романтиком. И если даже что-то не нравилось, я всегда защищала тебя. Но сейчас я переживаю такое время, когда ты выглядишь не таким уж хорошим, каким казался раньше.

Пусть этот поход в театр будет моим первым шагом к разрыву, который, как, видимо, ты считаешь, самому тебе сделать неудобно.

Мне надоела эта неизвестность, эти сплетни — кто кого и где видел, что слышал, все эти сомнения и умолчания.

С плохими мыслями я начала этот год. Чем все закончится?..

Чем ближе к завтрашнему дню, тем больше мне хочется разобраться в тебе и себе. Ты сомневаешься во мне? Ерунда. Ты отлично знаешь о

моем отношении к тебе. Просто тебе самому нужно как-то оправдаться. По-моему, ты в чем-то путаешься. Сомневаешься, поэтому путаешься. Ищешь какую-то причину.

И еще... сомневается моя мама. Да-да, во мне сомневается. Я чувствую, что ей неудобно передо мной, так как она, видимо, не верит в мою любовь к тебе. Ей жаль меня, и она хочет как-то помочь мне.

Этот поход в театр не будет, конечно, моим первым шагом, а станет проверкой наших отношений. Я слишком дорожу ими. И в своих глазах, и в глазах других не хочу быть легкомысленной. Поэтому и не сделаю ничего такого, что стало бы причиной меня упрекнуть.

Единственное, чего я сейчас хочу, так это выяснить до конца наши отношения (если помнишь, мы встречаемся уже два года), а потом или положить им конец, или...

Если ты меня не л... (сейчас почему-то не хочу писать целиком это слово), мы разойдемся, как бы я ни переживала. Время сгладит все, останутся одни воспоминания. Потом будет легче. Но как сделать, чтоб «потом» пришло быстрее?

20 июня.

Сегодня ты делаешь последний шаг... и ты — инженер. Раньше об этом дне ты только мечтал. И вот он настал.

Почему-то все время кажется, что ты должен измениться. В нежелательную для меня сторону. Посмотрим. Вот приедешь со своих последних институтских военных сборов...

28 июня.

Сажу дома и пишу «шпоры» для завтрашнего экзамена. Почему-то вдруг именно сейчас, когда уже двенадцатый час ночи, мне стало грустно. Писем от тебя нет. Может, еще рано. Ты предупреждал, что будете служить где-то очень далеко и там может не быть почты. Выходит, можно вообще не ждать.

Интересно, как это твой друг Ка-Ка и в этом году остался служить недалеко от города? А ты опять убежал от меня.

Может, я не особенно-то жду твоих писем еще и потому, что не сильно скучаю... Мне кажется, что я даже отдыхаю от тебя. Мы порядком надоели друг другу.

Чувствую, что начну сейчас говорить грубости. Лучше займись шпорами.

5 июля.

г. Н-ск, ул. Строителей, 7, Фёдоровой А. И., для Константина Колесова (лично).

Костя, привет!

Думаю, что ты частенько ночуешь дома. И, конечно, не один. А я, наоборот, захотел передохнуть от всех городских шумов, побыть в глуши и тиши. И мы, естественно, оказались «в тиши», но недалеко от города. И тут у меня такое произошло!.. Неожиданно. Позавчера и вчера. Ха, и

сегодня по утрянке! Вот и не могу утерпеть, чтоб не рассказать. Словом, я за два дня — двоих...

Ну да! Познакомился тут с одним молодым офицером, а у него в городе подруга. Позавчера поехали к ней. А там — ее подружка. Остались... Подружка нажралась, лежала колодой. Даже противно стало.

Утром я сразу смотался в часть. И не зря! Там работает вольнонаемной одна блондиночка. Фигуристая! Ха, особенно сзади. Я, конечно, на нее оглядывался — и всё. Конкретных планов не было. Да и узнал, что она замужем (с парнями трепались).

И вот вчера утром возвращаюсь в часть, а она как ждала меня: приходи вечером, — и показывает на барак, что рядом с частью стоит.

Ну, у меня имелся запас жидкости. Брал с собой из Н-ска на всякий случай. И пригодился! Словом, как в сказке...

Ка-Ка, она такие фортели выделывала! Я даже не знал, что так можно... Приеду — расскажу. Признаться, я вначале даже немного растерялся, а она: «Не волнуйся, так тебе будет удобно и хорошо». Вот это женщина! И главное, все на свету! Да-да, не разрешала тушить свет. Я как вспомню... Вставала на коленки на край кровати, изгибалась...

Вот так-то! Не только ты такой шустрый. После внезапной блондиночки даже мысль пришла — где-нибудь комнатку снять. Хоть клетушку недорогую, чтоб тетю Шуру не смущать своими приходами. Вернее, чтоб самим не смущаться. А то Анютка всегда нервничает, и я начинаю злиться. И вообще, не могу до конца понять ее. Вернее, понимаю, что ей надоело так встречаться. Но мы правильно говорили: нам рано окольцовываться. Ха-ха, может, она чего-то другого хочет? Приеду — поддам и другого жару! Блондиночка научила! Главное, чтоб не захотела другого в мужском обличье. Пусть даже в мыслях. Не прошу! А то иногда треплет мое самолюбие и нервы...

Ладно, я так, не жалуясь. Мне Анютка нравится. И настоящая жизнь только начинается! Ты вот уже давно свободная пташка — и от родительского ока далеко, и почти при своей хате. И я придумаю что-нибудь. Главное, чтоб родичи мою идею не пронюхали. Неудобно будет. Я не собираюсь крутить налево и направо. (Ты уж прости, что не товарищески. Ха!) Мне кажется, что если мы с Анюткой будем вместе чаще, то мысли о других могут особо-то не тревожить. Ну ладно, разберемся...

А блондиночка, оказывается, прощалась со мной: сегодня уезжает в какую-то командировку. Жаль. Хорошая училка!

А тетя Шура не читает чужие письма? Передавай ей привет.

Ладно, пойду спать. Устал. Ха-ха!

7 июля.

(Неотправленное письмо.)

Привет, Ка-Ка!

Потянуло еще написать. Видать, не все высказал. И вообще, давно хотел поговорить-посоветоваться.

Я и в самом деле захотел уехать. Но не просто из города, а от Ани. Захотелось побыть одному, без всяких свиданий-хождений, дневников, взаимного недовольства и выяснений отношений. Я написал тебе, что не могу понять Анюту, но не до конца раскрылся. Постеснялся что-то... Конечно, ей хочется другого — семейной жизни, но зачем давить на меня... А она частенько это делает: то ей кажется, что я не так ласков, то вообще наши встречи ее не устраивают. Все грозит, что заведет другого. Даже о своих студентах пишет, не только о злополучном Эдике, но и о каком-то Виталии, который, видимо, звал или все еще зовет ее на Енисей. Вот и в театр с кем-то собиралась. Может, и не только в театр... Лучше бы молчала. А то все описывает и потом дает мне свой дневник. Видимо, специально, чтоб меня подразнить. Или даже разозлить, чтоб я наконец-то решился. Только вот... на что?

Иногда мне кажется, что все наши встречи ей надоели и она хотела бы их побыстрее изменить. В любую сторону, лишь бы что-то изменить. Меня уже давно мысли теребят, что мы друг друга в чем-то не устраиваем. Даже в интимном плане. Я тебе никогда не говорил. «Даже» — так как есть еще и другое. Хотя это тоже почти интим — с душой связано, с личным...

Помнишь колхозные слова: «Хорошо, что я не еврей»? Слова не твои, но ты же промолчал. Не обижайся, Ка-Ка, что я, как говорится, тонко намекаю на толстые обстоятельства. Но без доверия друг к другу не может быть настоящей дружбы. И вообще, ни у кого не может быть удачного будущего... Хотя мы тогда тоже немало приняли, но я все помню. Я сам должен был защитить себя, а тоже промолчал. То ли постеснялся, то ли струсил. Побоялся остаться один. А вернее — один на один со своей... национальностью. Унизился не только перед вами, но в первую очередь перед самим собой. Как будто предал своих родителей. Дикое самоуничижение. Никакой гордости, одна жалость...

Ведь я даже с тобой не обо всем говорю. Видать, все еще не могу что-то в себе преодолеть. Да и ты помалкиваешь на эту тему. Может, просто понимаем, что не сможем ничего изменить. Ни здесь, ни там — наверху, в стране. Да и видимых причин для таких разговоров вроде нет. Но если совсем честно, то зачастую я жду какого-то подвоха. А то и предательства. Вернее, удивлюсь, если такое случится, но удивлюсь как-то не очень...

Да и о другом... Хотя чего стесняться... Иногда мне кажется, что я Аню именно *не устраиваю*. Ну... когда вместе бываем. Как это говорится?.. Не удовлетворяю. Тьфу, даже это слово писать противно. Словом, когда бываем совсем одни, она все причитает: «Еще немного, еще, еще...» А я уже и так на всю катушку, вернее на все удилище...

Тебе, конечно, смешно, а мне что-то не очень. Поэтому и говорю, что мне надо понять Анюту. Вернее, нам надо понять друг друга. И в первую очередь — самих себя. Уверен, она тоже до конца себя не понимает. Держит меня на голодном пайке. А с голодухи — на любую блондинку... В прошлом году (по-моему, я рассказывал) на майские праздники я озверел: подцепил девицу — и к тебе. А тебя дома не было. Может,

и к счастью. Такую поддепишь, а потом от нее поддепишь — ты однажды проходил эту школу.

Почему я вспомнил о девиче? Да вот хочу сказать, что мысль о своей хате давно вертится в моей башке. Ведь Аня не только тетю Шуру стесняется, но и тебя, дорогой Ка-Ка. Признаться, мне тоже не по себе: даже дышать стараюсь тише.

Только не знаю, согласится ли Аня на такую «неокольцованную» жизнь. Но это же со мной, а не как ее закадычная подружка — со многими. Аня почему-то ее защищает. Как-то все странно. Может, что-то строит из себя...

Вот и родители ее... Мать — молчаливая, настороженная. Ни разу чашку чая не предложила. Аня говорит, что мать в ее чувствах ко мне сомневается. А мне кажется, что она больше во мне сомневается. Не знает, как помочь своей доченьке.

Вот и ее отец не показывается (я его только один раз мельком видел). Ему вообще неинтересно, с кем их дочь встречается? По-моему, они в семье не дружат... Конечно, женятся не на родителях. И все же...

Ты смелый мужик. Надеюсь, меня поймешь, если скажу, что твоя смелость — от твоей раскованности: можно и евреечку, и татарочку, и русскую, и любую... Хоть в постель, хоть куда. Конечно, можно и мне... Но, видать, трусливый. Или другое... Но мне все сложнее... Я знаю, как болит душа, когда над тобой смеются, когда тебя предают. У меня не только в институте, но и в школе были разные случаи... Словом, целый комплект. Или, вернее, комплекс неполноценной жизни.

А может, комплекс собственной неполноценности?..

17 июля.

(Из неотправленного письма.)

Ну что, уважаемый инженер-офицер, вот я и сходила с утра в магазин... И сразу пишу. Чего тянуть время? И так уже много потеряно.

Если ты действительно думаешь о наших отношениях, как твой лучший друг Константин, то не кажется ли тебе, что лучше их совсем не поддерживать? И нечего ждать-выжидать, а лучше пережить — и отвыкнуть.

Как надо понимать его слова: «У нас сейчас гон. Поэтому нам надо только одной любви, а не семьи»? Ты на меня не сердись, я совершенно не хочу помешать вашей дружбе. Но я имею право на свое мнение...

Мне думалось, что мы всегда гордились нашими отношениями, а что оказывается — один только «гон»? Я давно заметила, что ты без этого не можешь... и сердись на меня. И еще хочешь, чтоб я верила твоим хорошим письмам и разным нежным словам? Все это я принимаю теперь... как легкомысленный обман. Не могу и не хочу слышать никаких оправданий! И вообще, у меня зреет решимость сказать тебе все.

17 июля.

Весь день мучаюсь от слов Ка-Ка. После подобных разглаговствований невольно задаешься вопросом, правильно ли поступаешь. Может,

действительно, напрасно теряешь время? А то и годы уйдут, и за тобой больше не будут ухаживать красивые мужчины...

Яшка, какие сумбурные мысли лезут в голову. Так хочется услышать тебя. Что бы ты посоветовал? Права ли я? И этот случай с Галкой... Не буду вдаваться в подробности, но расскажу... Ее просто обманули. Поверила признаниям в любви... И что ей возле Эдьки не сиделось? А тут еще твой Ка-Ка... Он воспользовался ее плохим настроением: пригласил в гости, чтоб «успокоить». Галка мне все рассказала. И сам Ка-Ка подтвердит, когда будет хвалиться тебе очередной победой.

Как это мерзко — без любви, без всяких чувств... Зачем он так поступил?

Яшка, как я ценю тебя и наши отношения, что они не столь пошлые. Нет-нет, я хочу сказать, что наши отношения не столь... не такие, как у многих — без души, без сердца, без будущего...

Яшечка, я еще крепче уверилась в своих чувствах. И теперь знаю, что самый близкий для меня человек — это ты. Я хочу быть с тобой. И душой, и всем-всем! Я не собираюсь себя сдерживать. Я буду ласкать тебя... как ты этого захочешь... Я буду любить тебя. Я люблю тебя.

18 июля.

День проходит, а я даже половины не прочитала. Завтра, наверное, завалю.

Но если сдам, сразу уеду к сестре, подальше от города. Устала. Так хочется ясности, определенности. Как тяжело любить только самой. А ты? Почему молчишь? Тоже удрал? Зачем?.. Думаешь? Мучаешься?..

19 июля.

(Записка на тетрадном листочке; передала Яше Шварцману Галя Иванова.)

Яшечка, с приездом!

Сегодня уезжаю в Т-ск. Отпуск до 17 августа. Приеду — позвоню. До встречи. Интересно, какой она будет?..

В прошлом году ты не привез мне мячик. А в этом?

Аня.

22 августа.

Вот, ишачок Яшутка, остались мы одни, не придет больше твой покровитель и не поговорит с тобой. С Нового года ты молча сидишь на тумбочке и наблюдаешь за нами. Скучно тебе, но что поделать. Ведь не побежим же мы за ним. Видимо, он не так уж и любит нас, коль столь легко отступил.

И я повыбрасываю все Яшины подарочки. И тебя выброшу! И корсет его любимый. Хотя нет, корсет не его, мой, не выброшу. Он не только фигуру лечит и выпрямляет. Уверена — моя прабабка ходила в нем гордо и независимо... и так же делала. И буду делать!

Интересно, а как Яков Рувимович отнесся к нашему разрыву? Как к простой ссоре? Или рад, что вырвался на свободу? Навсегда... Наверняка сумбур в его курчавой башке.

А чтоб не мучиться вопросами и сильно не переживать, надо переключить избыток своей энергии на выполнение какого-нибудь трудового процесса. Пилить дрова, например, носить уголь. Плохо только, что сейчас еще лето, а не зима: печку не топим.

23 августа.

Как же так можно, ведь прошло всего два дня, как мы расстались... Неужели это так легко и просто — после всего, что было между нами? Зачем ты убиваешь во мне последнюю веру в людей? Неужели все такие пошляки? И ты, кого я всегда защищала перед всеми, тоже оказался таким же... Боже, как я ненавижу людей! Это бесчеловечно. Это жестоко. Тогда и тебе я желаю того же...

Нет-нет, я беру свои слова назад. Прости меня. Я была бы счастлива обмануться!.. Но нет, красный мотоцикл и твой красный спортивный костюм... Неужели это правда? Как ты мог? Ведь прошло всего два дня! Неужели тебе так легко, что ты можешь ездить... Я не могу поверить, что за твоей спиной может сидеть кто-то еще, кроме меня. Но я видела: девица держалась за тебя, обнимала...

Да, я сейчас беснуюсь, не просто злюсь, не просто ревную, я... я разорвала бы тебя!

Что делать, в кого верить? Господи, скажи, подскажи... Или верить надо только в себя? Но вдруг у меня не хватит сил, что тогда?.. Жалею, что мы когда-то встретились. Такая жестокая расплата. Так обидеть меня мог только злой человек. Но это сделал ты, которого я таким никогда не считала.

Неужели я не выдержу? Неужели смалодушничая и приду к тебе. Нет, этому не бывать! Пусть как угодно будет трудно, но не приду.

Вот и карты говорят...

К черту эти гадания! Хватит малодушничать! Плюнь на него, Анна! Он не заслужил твоих переживаний.

Уже давно мне говорили, что ты хитрый, нечестный, но я не хотела в это верить — и убедилась сама. Ты даже хуже своего друга. Тот хоть не скрывает своих любвеобильных намерений.

Что ж, шуруй, плакать не собираюсь!

25 августа.

Ты придешь, ты не можешь не прийти. Ты обязан прийти. В это я верю. Я не хочу больших обещаний. Просто приди.

За окном идет дождь. И мне все время слышатся твои шаги. Где ты можешь быть в этот воскресный день? Ты должен прийти... Успокой меня. Сердце пронзила боль... Неужели ты не чувствуешь это?

26 августа.

Я думала, что все забывается. Даже любовь. Мол, время делает свое дело. Тем паче что многое меня не устраивало в наших отношениях, мне вечно чего-то не хватало. Но теперь, когда все потеряно, прошлое кажется таким милым, таким дорогим. Как трудно расставаться с хорошим и привычным. Как тяжело забывать...

Завтра вторник; прошла неделя, ты должен прийти. У меня такое предчувствие. Неужели оно обманет меня? Тогда я не знаю, на что решусь. Но страшнее всего, если я приду сама. Лучше уж уйти битой, но с высоко поднятой головой. Не знаю, право, не знаю...

Мать гаснет, скоро всему придет конец. Мы часто ссорились. Наверное, я не любила ее. Обидно, что мои родители не сумели сделать свою жизнь красивой и детям не смогли дать ничего хорошего. Каждый у нас в семье живет своей жизнью. С братом ругаемся, родители как чужие (им тоже чихать на нас, особенно отцу)... ничем не делимся, не помогаем друг другу. И так с детства. Уже давно я потеряла веру в близких людей. Что уж тогда говорить о других — о завистливых тетках и дядьках... Что может быть хорошего? Родительский кусок хлеба всегда стоял в горле. Только и попрекали: «Мы вас кормим, а вы — ни печь растопить, ни в магазин сходить». И ходили, и растапливали. Конечно, ленились. Но разве родных детей хлебом попрекают?

И вот ты... Была надежда на что-то чистое, доброе, хорошее. Я так хотела вырваться из затхлого родительского домишки, из этой семейной нелюбви. Я так надеялась на тебя, на нашу любовь...

Когда все ложатся спать, я открываю эту тетрадку и пишу тебе. Пишу и плачу... плачу и пишу. Никого близкого и родного рядом нет. И так каждую ночь... Неужели твоя душа не чувствует, как мне тяжело, что скоро я останусь совсем одна...

Ты должен прийти завтра. Не будь упрямым, как... как ишачок Яшутка. Вот так!

28 августа.

Ты не пришел. Мне очень тяжело. Сразу две беды: умирает мать, умирает любовь.

Я приду, унижусь. Но только на время. А когда не будет матери, мы снова расстанемся. Сегодня я иду к Косте и попрошу твоего друга...

20 сентября.

«С ума сошла потом не оттого, что он ее разлюбил и бросил, а оттого, что в нем она обманулась; что он способен был ее обмануть и бросить; оттого, что ее ангел превратился в грязь, оплевал и унижил ее. Ее романтическая и безумная душа не вынесла этого превращения. А сверх того и обида; понимаешь, какая обида! В ужасе, а главное, в гордости она отшатнулась от него с безграничным презрением...»

Господи, даже в старых книгах находишь сегодняшнюю боль. Неужели это вечно? Но от этого не легче. Пожалуй, наоборот.

11 октября.

«Он взял от меня все, что мог, и теперь я не нужна ему...»

Все кругом люди, люди, сколько их, конца нет, и все ненавидят друг друга... Разве все мы брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга, мучить себя и других?..»

«Она с отвращением вспоминала то, что называлось любовью... Она думала о том, как жизнь могла бы быть еще счастлива, и как мучительно она любит и ненавидит его, и как страшно бьется ее сердце...»

«Все неправда, все ложь, все обман, все зло!»

«Туда! — говорила она себе, глядя в тень вагона. — Туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя...»

С ужасом прочитала эти строки. Предсмертные мысли Анны (боже, тоже Анна!) так схожи с моими мыслями в последнее время. Неужели можно прийти к такому концу? Мне становится страшно, что в таком положении жизнь ни к чему.

30 ноября.

Все, что было сегодняшним вечером — и вино, и смех, и танцы, — все было бы для тебя.

Пусть я пьяна, но я люблю тебя.

Милый мой, приди, склони свою голову, я буду так тебя любить!..

12 декабря.

Я позвонила тебе. Сказал, что зайдешь сегодня, и замолчал.

Я хочу, чтобы ты прочитал и знал обо всем. И не будь таким жестоким — только не молчи. Не унижай меня еще раз.

13 декабря.

Нужно разобраться в своих чувствах. «Боюсь, что с твоей стороны это просто эгоизм», — сказал ты, прочитав мои последние записи.

Когда мы расстались, меня разбирала обида и злость: почему ты не приходишь? Ты должен был прийти первым! Но ты не приходил...

И вот пришел. И опять тебя нет рядом... И снова не могу разобраться в своих чувствах и переживаниях. Да и не надо! Я ненавижу тебя так, как не ненавидела никого. Как хорошо, что я ничего не сказала тебе об умирающей матери. Мне не нужна твоя доброта из-за жалости. Я с отвращением вспоминаю прошедшее.

1 января.

«Милый Шварцман, милый Яшик!»

Так обращалась я к тебе. Теперь называю тебя так, как последнюю... Может, потому что слишком много страданий... Но все равно люблю тебя и хочу, чтобы ты вернулся ко мне. Может, потому что хочу покоя. Не больше.

О, как я ненавижу тебя, подлый обманщик! Гуляй по свету вечно свободным... и безрадостным.

Как теперь верить, кому верить? Вот они, самые близкие мне люди, в соседней комнате. Им наплевать на мои слезы, переживания. Они заняты своими делами. Матери с ее болячками не до дочери. И мои слезы ее не трогают — своих хватает. Однако чем я могу помочь? Жизнь свою отдать? Да ради бога! Она мне такая не нужна. И отцу я не нужна. Он занят только своими вставными челюстями и костылями. Нагорбатил на своем заводе инвалидность, теперь зол на весь белый свет. Ему и раньше не было дела до родной дочери, а сейчас и подавно. Ни разу не пытался узнать, чем я живу.

Буду ли я скучать о своих родителях, когда их не станет? Вряд ли. Оба одиноки и несчастны и сами в этом виноваты.

Когда я стала встречаться с тобой, «благословили» словами: «Учти, Аня, тяжело тебе придется». Так и пошло. Они, мои самые близкие люди, не должны были такое предрекать, наколдовывать...

Брат, этот глупый грубиян, тоже совершенно чужой мне человек. И из школы его отчислят. Учится плохо, делать ничего не умеет. Что он сможет, когда родителей не станет? Зато злорадствует: работай, дура, и еще учись одновременно.

«Анна, ты красивая», — говорят многие. Я готова стать даже уродом, только дайте взамен покой и хоть одного человека, способного понять меня. И тогда я не буду так несчастна.

Но неужели в этом мире каждый только за себя, каждый в своем мире?

А может, так правильно? Надо на все смотреть не сентиментально и романтически, а практически: что тебе выгодно, то и делай. Если надо, то и обманывай. Все так делают. Значит... и я тоже.

Вот и ты, Яков Рувимович, так делал. Тогда зачем на тебя обижаться?

5 марта.

(Неотправленное письмо.)

Здравствуй, Светочка!

Давненько не писала тебе. Не было настроения. Произошли большие изменения в моей жизни. С чего же начать...

Во-первых, мы остались без мамы. Скоро будет сорок дней после смерти. Когда она заболела, ее положили в больницу, где она была целый месяц. Стало получше, но вскоре ее состояние опять ухудшилось. И снова больница... Туда она ушла на ногах, а оттуда вышла совсем больная и дома уже не вставала с постели. Когда маму в первый раз выписывали, нам сразу сказали, что у нее рак почек, протянет она недолго. И почти полгода она сохла и умирала на наших глазах. Эти месяцы были ужасны. Каждый день ждали смерти. Ты помнишь, какая она была полная? А когда умерла, от нее остался скелет, обтянутый кожей. Ужасная болезнь! Измучилась сама... и мы тоже.

Как мы восприняли ее смерть? Она не стала для нас неожиданно-стью. Мы знали, что рано или поздно это должно случиться. После похо-

рон мы с Аликом сделались намного дружнее, дома у нас тихо и спокойно. Алик работает шофером, ему приходится очень нелегко, ведь он никогда не трудился по-настоящему. Но он ничего, дюжит, не жалуется — молчит.

Я сейчас работаю на новом месте. С осени в институте потребовали, чтобы мы работали по специальности. Я долго не могла устроиться. На предприятиях идут большие сокращения. Два месяца была домохозяйкой. Новая работа мне страшно не нравится, я все больше разочаровываюсь в своей специальности. Но что поделаешь — с четвертого курса не бросишь институт, придется оканчивать. В учебе особых изменений нет.

Случилась и еще одна перемена в моей жизни. Когда заболела мама и Яшка вернулся с военных сборов (после окончания института их опять послали), я поставила условие: или мы будем вместе, или разойдемся. И мы разошлись. И вот уже больше шести месяцев не встречаемся.

Какие чувства я сейчас испытываю? Ты вряд ли поймешь. Я сама иногда не могу в себе разобраться. Но все равно попробую описать.

Мы расстались. Это было что-то ужасное. Сначала я думала, что раз он любит меня (в чем я не ошиблась, дальнейшее подтвердило), то обязательно вернется. А через неделю его отсутствия поняла, что это разлука.

Ты пойми мою обиду: дома умирающая мама, а тот, кому я верила, отвернулся.

Помнишь, ты мне писала, что тебе Яша понравился — интересный, умный, скромный: когда он гостил у тебя и вы гуляли по городу, на него поглядывали девочки, а он — ноль внимания... Я была согласна: за годы нашей дружбы он не давал мне повода особо ревновать. Что касается остального, то он многим казался умным и скромным. В том числе и мне.

Я была с тобой не согласна, когда ты написала: «Хороший у тебя Яша, жаль только, что еврей». Я тебе на эту тему ничего не ответила, так как вообще старалась избегать ее, не думать о ней. Да и меня она не волновала и не беспокоила: мне нравился Яшик. Я ему верила: лучше, чем он, никто никогда не будет относиться ко мне. Он понимал меня... как никто. За два с половиной года наших встреч он ни разу не сделал мне чего-то плохого, недоброго, грубого; у нас сложились искренние, теплые отношения. Даже сейчас не могу сказать что-то плохое. Мы не могли быть долго друг без друга: ходили в кино, театры, к друзьям, просто бродили. И целовались... Мы всегда хотели друг друга, нам везде было хорошо. И у друзей, и за городом, и в палисаднике, на скамейке, на любой лужайке... Нам было все нипочем, мы ни о чем не задумывались, просто любили друг друга. Наверное, это и есть счастье.

А я, видимо, вообще становилась невменяемой, когда мы бывали вместе. Особенно когда бывали одни, без друзей или моих родителей за стенкой. Яшка говорил, что я охала, ахала, что-то шептала, причитала. Даже потом передразнивал: «Еще немного, еще, еще...» И мне казалось, что он даже расстраивался — мол, куда еще-то... Вот дурачок. А я ничего не помнила.

Но чаще всего мы сидели у меня в комнате на моем диванчике. Покупали маринованную селедку и шоколадные батончики. Он любил

такую селедку... и я тоже. И вот как наедемся с черным хлебом! А потом — шоколадный батончик: он откусит кусочек и меня угощает — он за одну половинку, я за другую... Потом я угощаю. Боялись только, чтобы кто-нибудь не вошел. Но мать часто недомогала, а потом и вовсе слегла, и ей было не до нас. Она стала замкнутой, раздражительной, на Яшику смотрела косо. Все время в своем застиранном халате, который ей когда-то подарили на фабрике за ударный труд.

Но нам было хорошо. Всегда было хорошо вдвоем. Никто не был нужен. Мы словно находились на необитаемом острове. И я видела, что ему нравилось быть со мной. И хотела, чтоб это продолжалось вечно.

И вот после всего этого он отошел. В самый тяжелый для меня момент. Выходит, все было обманом, ложью. Все это время, что был рядом со мной, он обманывал себя и меня.

Столкнувшись с горем, я потеряла опору. Сидела дома, день и ночь плакала. Только проснусь — и начинаю. Ты, Светка, видела когда-нибудь, что я плачу? Конечно, нет.

Но слезы иссякли. И вот я уже не плачу. Даже когда мать хоронили — ни слезинки не уронила. Не могла плакать. Люди смотрели на мои сухие глаза и злословили. Поганые люди — им лишь бы посудачить. Ты даже не можешь представить, сколько во мне злости и ненависти к ним. Разве им понять, что причиной была обида на предавшего меня человека, в которого верила. Обида на то, что судьба повернулась спиной. И обида переродилась в злость, ненависть, презрение, недоверие.

Мне тяжело ходить по городу, потому что я ненавижу окружающий мир. Мне тяжело жить. Что будет дальше? Пройдет, говоришь? Нет, время идет, а настроение только ухудшается, злость нарастает. Я не вижу вокруг ничего хорошего. Тяжело.

Но я скрываю свое настроение. Зачем показывать людям, что душа убита? Ведь, кроме злорадства, ничего другого в ответ. А внешне все нормально. Хожу в театр (в Оперный, где мы с Яшей часто бывали), злословлю со своими врагами и завистниками (тетками, дядьками и соседями), налаживаю нашу семейную жизнь: беру Алика и отца в оборот, чтоб следили за чистотой в доме. Даже выхлопотала документы на покупку кооперативной квартиры. Наш дом уже строится. Самый центр, получим трехкомнатную на первом этаже (из-за отца), планировка современная, с чешской электроплитой. Отцу не придется следующей зимой топить печь. Так что к Новому году прощу на новоселье. Родственнички говорят, что у меня хваткая натура. И все выведывают, откуда у нас деньги на квартиру. Ждали и ждут наследства? Противно.

А деньги родители всю жизнь на черный день откладывали. Да и я немного скопила, все же работаю.

Конечно, может, я и сама виновата, что так вышло у нас с Яшей. Ведь тоже совсем не ангел. У меня тот еще характер. Но такой я стала недавно. А теперь... как выжатый лимон: все хорошее ушло, осталась одна дрянь.

Что было потом? Я устроилась на работу, немного встряхнулась, забылась, стала выползать в люди. И первое же мое новое знакомство привело ревнивого Шварцмана к моим окнам. И он хотел меня упрекнуть, что, мол, я «гуляю». Пришел пьяным, каким раньше я его не видела, стал изливать душу: видите ли, ему не хватает меня, ищет во встречных мой курносый нос, даже пишет про меня стихи. Но плюнуть на своих домашних и вернуться у него не хватает решимости.

Да, я давно понимала истинную причину, только никому не говорила и ни с кем не делилась. Даже со своим дневником. Отгоняла от себя эти мысли и боялась, что Яшка может что-то заметить... Но ведь причина-то, Светка, в этом! Ведь они же совсем не признавали меня, они всегда настраивали его против меня. Да-да! Мне давно об этом говорила мама. Да и другие. Я и сама это чувствовала и видела. Он редко приглашал меня к себе домой, а когда приглашал, то я видела не очень-то веселые взгляды его мамочки — длинноносой Фриды Абрамовны. Он все — мамочка, мамочка... Конечно, она его холила с пеленок, он от своих родителей полностью зависел. И, признаться, я думала, что вот он окончит институт, станет более самостоятельным, будет сам принимать решения. А он плюнул на наши отношения, оказался малодушным и безвольным, маменькиным сыночком. Какое он имел право запрещать мне пойти на свидание?! Но я пошла. А он остался, и я слышала его рыдания.

И вот теперь он ходит по городу один. Так мне говорят при встречах знакомые. Нет, они не жалеют меня, они злорадствуют. Особенно те, кто завидовал мне раньше. И с таким ехидством все спрашивают: «Вы что, с Яшей расстались? Жаль-жаль...» Возможно, и ты сейчас.

Конечно, обидно, что возникают все эти вопросы и проблемы. Какая-то дурацкая путаница, дикое противоречие. Когда-то он говорил, вернее писал о слиянии душ. Может, он тоже мучился всем этим. Может, еще мучается... Я хочу, чтобы он вернулся. Мне хочется быть с человеком, который понимал бы меня. А он был таким, и такого я хочу вернуть.

Я рада, что он остался работать в Н-ске (многих распределили по местным заводам и НИИ). Знаю, что живут они там же — в двухкомнатной хрущевке. Какая тут самостоятельность...

Вот опять сомнение: поймешь ли ты меня? Возможно, мои признания доставят тебе удовольствие, мол, у тебя-то самой в жизни лучше и даже хорошо, и пожалеешь меня с улыбочкой. Как и другие. Только этого я не увижу... и в этом ты мне не признаешься. Зачем тогда изливать перед тобой душу?.. О своей «любви» сообщу как-нибудь в другой раз. С улыбочкой. А что?.. Как и раньше — поржем вместе!

Я боюсь остаться совсем одна.

(Продолжение следует.)

Яков МАРКОВИЧ

«РЕКИ МОИ ДО БОЛИ...»

* * *

Золотой петушок, рядом курочка ряба,
Баба в белом платке — вот и в полдень деревня.
Я на гребни дивлюсь — эти зори средь полдня —
Подле баба стоит, дожидаясь вниманья.
Аня, Анна, ты впрямь госпожа всей округи —
Ни подруги вокруг, ни сердечного друга;
Вон над лугом стрижи режут солнце на части,
А ты счастьем завидуешь курочки рябы.

* * *

Миг — и небо овдовело, зарыдало над деревней,
Вслед деревья зарыдали молодухой на погосте.
Как все просто стало в жизни, как все просто стало в смерти —
Ветер, ветер, ветер, ветер в головах и по стране.
Что по мне рыдаешь, небо, не снимая плат свой вдовий?
Я доволен своей долей, ты не плачь, родное небо.
Хлеба я добыл краюху — и куда мне больше счастья —
Мне сияет и в ненастье синий-синий василек!

* * *

Быль эта схожа со сказкой про песню мою.
Там, на краю за мечтой, в мире снов, даже дальше,
Раньше жила пятилетняя девочка в беленьком платье —
Счастье мое и забвенье о жизни земной.
Над головой ее было два облака — банты
И крылатый орешник с ветвями в полнеба,
Я там не был, я издали тайно смотрел на ровесницу —
Вестницу мира иного, а думал я, что волшебства.
И не стало ее. Но осталось разбитое сердце
С детства и память любви, неподвластной летам
Там, на краю за мечтой, в мире снов, даже дальше.

* * *

Мальчик, давно повзрослев, улетел за туманом.
Конь деревянный в чулане в пыли, в паутине.
В этой рутине крупинки поэзии мне добывать,
Мать и отца его брошенных сердцем больным поминать.
Знать, так привычной судьбе приходится к нам в час поздний...
Нежно целую коня в запыленные ноздри.

* * *

Вяз увяз в сосняке, но железно стоит на опушке,
С верхушкой купола парашюта или зонта для тени,
И нет растений под ним, кроме травушки-муравушки.

Он похож на былинного воина на кратком покое,
Такое в нем богатырство, что даже при сильном ветре
Ветви сдерживают листья от шумного шуршания.

Мне нравится его непоказная гордая стойкость,
Вот выйти бы костью таким же в небо упертым —
Духом и потом отвоевать свое одиночество.

* * *

Ты куда поскакала, ворона?
С клена лист закружил и короной,
Ровно как на царицу какую,
Опустился, краснея, ликуя.

И какого же буя корона
К голове, словно кожа, прилипла?
Ни под липой ее, ни под вязом
Не стряхнуть с головы, заразу!

* * *

Эти все навеки
Реки мои до боли,
Коль не вышло со счастьем,
То несчастье мое.

Горькая рябина,
Псина на дороге,
Ноги, мои ноги, —
У нее лишь три.

Я иду по полю,
Воля сердце греет,
Веет нежно ветер,
Светятся цветы.

Облачные стаи,
Вырастая в небе,
Хлебом меня кормят,
Зернами зари.

Что же еще нужно,
Что натужно плачет
На причале баба?
Черт нас побери!

* * *

Если созрел зверобой, осень уже на носу,
И голоса в лесу — словно бой рукопашный,
Страшно грибам — притаились по уголкам укромным,
Но избежать разгрома им не помогут и ливни.

Будет с лихвой про запас, бочками — порча,
Очень любят у нас, чтоб ни мне, ни другому.
Гомон — не слышен комар. Битва в разгаре —
Это уже к базару крик торгаши тренируют.

А на полях тишина! Ветер, да я, да бутылка!
Ты ль, моя Русь, или я кружим солнце дня?!
И для меня одного песню заводит небо:
Ах, как лепо поле! Ох, как нелепа жизнь!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ МОЛОДЫХ

Виктория БУРБИЛОВА

СЕДОЙ

Р а с с к а з

Поезд. Первый час ночи. Верхняя боковая полка. Возвращаюсь домой, отучилась.

Внизу какая-то возня.

— Мужчина, можете мой чемодан наверх убрать? — вопрошает спутница с нижней полки.

— Конечно! Не только уберу, но и потом спущу его вам, — отвечает седой мужчина в спортивном костюме, возле которого стоит небольшая торба.

— А далеко вы? Я-то в Омск...

— В Рязани выхожу. На Донбасс еду. Домой. Воевать.

Тишина. Видно, что женщина заинтересовалась, но спрашивать неловко.

Они раскладывают вещи, наливают чай.

Я поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

— Билетики давайте... — Ну вот и проводник. — Мужчина, вам постельное нужно?

— Конечно. Далеко, в Рязань еду. Я на Донбасс. Домой. Воевать, — снова отрывисто повторил седой.

— А что же у вас там? Дом тянет? Или работа? Семья? Здесь-то спокойно, мирно. А там — война...

— Тоже так думал. Я ведь уже пенсионер... Вот сумка — это все, что я за шестьдесят лет нажил... Нет, нажил, конечно, больше, но все потерял — дом, семью... Жена уехала, беженка теперь. А я пообещал, что вернусь. Где родился, там и пригодился — так я считаю... Слишком много для меня значит родина. На первых своих школьных олимпиадах там побеждал. Впервые влюбился — в Донецке. Нашел любимую женщину — тоже в Донецке. Дети, внуки, дом... Работал в горсовете, во времена Брежнева... А потом Андропов был, а потом этот... как же его... Черн... или Черм... Скажи — и я скажу...

— Черненко, — не выдержала я, тут же пожалев о своей оплошности. Хотела ведь лежать тихо и незаметно...

— Точно, совсем уж я... А ты кто будешь-то?

— Я Вика, учусь, в школе еще...

— А-а, школьница... А кем стать хочешь?

В плацкарте кроме меня, женщины и проводника оказалось еще двое пассажиров, заинтересовавшихся разговором. Не желая привлекать слишком большое внимание, отмахиваюсь короткой фразой:

— Журналистикой хочу заниматься. Пишу я.

— Опасную ты себе профессию выбрала. Уж поверь, посмотрелся на журналистов... Видишь, какой я седой? Но я-то старик, а они, журналисты твои, такие же белые. Разговаривал с одной... «Я убитой быть не боюсь. Но если убьют кого из родных — этого не переживу...» Молодая, что с нее взять... Домой поеду. Не смог долго в спокойствии жить. Лучше сдохнуть как собака, но под своим забором, чем жить за счет других людей, в чужой стороне...

— А у вас дом там остался?

Мужчина чиркнул спичкой и закурил прямо в вагоне. Затянулся. Выдохнул. И снова.

— Не знаю... — наконец-то выдавил. — Я когда уезжал, сердце кровью обливалось. До сих пор не понимаю, какой петух меня клюнул. Собрался — и поехал. Я же после того, как Черненко у власти стал, учителем начал работать. Столько лет на одном месте! До последних событий... А когда пуля в класс залетела — сломался, уехал. Сбежал в Россию. Теперь жалею. До конца идти надо... Девушка, а вы водку продаете? — обратился Седой к проходившей мимо разносчице из вагона-ресторана.

— Нет, извините, алкоголь не продаем.

— А жаль... — Он замолчал, нервно докуривая сигарету. Разволновался. — Знаете, что такое война? Это когда вокруг тебя только зло. А добро... Оно убито. И похоронено где-то далеко... Зачем же я воюю, если так презираю подобного рода конфликты? Иль собираюсь воевать... Так я же не воюю, я обороняюсь. Защищаю свою улицу, свой почти мертвый город. Где, между прочим, хотел прожить старость с женой, внуками и детьми...

— А где они? — спросила женщина, из-за которой и начался разговор.

— Сыновья — воюют. Ничего не знаю, не слышал о них давно. А жена — та уехала с внуками в Россию. Я найду их. Кончится война — и вернемся к обычной жизни. Чтобы жить... как раньше.

— Девушка, Каргат через десять минут, собирайтесь, — тронул меня проводник.

Машинально собираю вещи. Застегиваю куртку. Еще раз оглядываю вагон. Темно, вокруг все спят. Кроме седого.

Выхожу, вдыхаю морозный воздух. Вагон опять последний, пришлось снова прыгать в сугроб. На платформе мама. Бегу к ней.

Всю ту ночь мне снилось, как человек, который знал, как пахнет война, до сих пор разговаривает с пассажирами — и тем, кто заново пришел, повторяет: «В Рязани выхожу. На Донбасс еду. Домой. Воевать...»

Михаил ЛАПТЕВ

ДАЛЬНОБОЙНАЯ НОЧЬ

Лаптев Михаил Юрьевич (наст. фамилия Дзалаев; 29 марта 1960 г., Москва — 18 декабря 1994 г., там же) — русский поэт. Окончил специнтернат с дополнительным изучением китайского языка, учился на историческом факультете Московского областного педагогического института, но после конфликта с деканом был отчислен с последнего курса. Печатался в журналах «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Арион». В 1992 г. вместе с Андреем Поляковым и Игорем Сидом создал московско-крымскую литературную группу «Полуостров». После смерти М. Лаптева его стихи были включены в антологии «Строфы века», «Самиздат века», «Русские стихи 1950—2000». Автор книг «Корни огня» (1994), «Тяжелая слепая птица» (2012).

Как представлять читателю малоизвестного поэта? Малоизвестного, несмотря на журнальные и сетевые публикации, несмотря на две вышедшие книги (конечно, малотиражные), малоизвестного хотя бы потому, что сейчас все поэты малоизвестны (или почти все). Проще всего начинать с биографии, но биография — это роскошь, данная не каждому. Нет ничего необычного в том, чтобы прожить всю жизнь в нищете — нищете, выделявшейся даже на неярком советском фоне, в нищете, но с прекрасной библиотекой, с подобранными на улице собаками, встречавшими гостей приветственным лаем. И со стихами, которые недоучившийся историк писал запоем. Это и была жизнь Михаила Лаптева: нищета, книги, собаки, поэзия. Если не бояться пафоса, то можно сказать: поэзия была делом его жизни, но правильнее пафоса избегать. Правильнее говорить о поиске своего поэтического языка, интенсивно проходившего в первую очередь в чтении — как поэтов Серебряного века, так и современников, от Олега Чухонцева до Бродского и Ерёменко.

* Публикация Андрея Урицкого.

Список этот для последних десятилетий прошлого века очевиден, почти тривиален, но разнообразные, порой противоположные влияния перерабатывались и сталкивались с вибрирующей распадающейся реальностью и вибрирующей распадающейся речью — это были реальность и речь эпохи крушения СССР. В стихах состояние распада преодолевалось усиленным волевым началом, стягивавшим в единый сгусток историю и современность, элементы абсурда и зауми с прямым высказыванием. При этом трагическое восприятие действительности сочеталось у Лаптева с напряженным поиском высшего смысла, попытками преодолеть давление быта и выйти за его границы. Лаптев всегда видел в себе изгоя (психа, шиза, неудачника) и одновременно — избранника, поэта. Изгой-избранник — таково было его представление о себе, его лирическое «я». Он предъявлял претензии миру — за невнимание к себе, за советскую власть, за плохую погоду, за морозные зимы. Эмоциональное гетто избранничества-изгойства преодолевалось чувством личной ответственности, были у него такие выкрикнутые строки: «Тебя забудут дети / и проклянет народ, / но ты — за все в ответе. / Вперед, вперед, вперед!»

Читая стихи Лаптева, выстраивая их хронологически (а я делал это, разбирая его архив), ощущаешь, как нарастала в них прямо-таки физическая сила, какое усилие приходилось прикладывать автору и как в конце концов материал уступил, и невозможно отделаться от мысли, что в 1994 году Михаил Лаптев надорвался. Он умер в декабре от прободения язвы, «скорая» приезжала дважды, но сделать — ничего не сделала.

Андрей УРИЦКИЙ

* * *

Дальнобойная ночь в полосатых шатрах.
 Веет холод за поднятый полог.
 Ясно гулкое небо. Простор на китах
 как сфероид вращается, полый.

О, зачем, о, зачем эта ночь солона
 и бугрится за далью кибиток?[?]
 Я не знаю зачем. Пей до дна, пей до дна.
 Смует память волшебный напиток.

Под стеклом небосвода ночные костры
 мускулистые руки заламят
 в той цыганской тоске, что сжигает миры
 и царевен кладет на соломе...

Всего этого нет. Это — только мираж
 над глухой электронной пустыней.
 Это бомбардировщик заходит в вираж,
 это летчик кричит по-латыни.

* * *

Мне мертвые звонят ночами,
едва отделаюсь от строк
навязчивых. И — всё сначала:
звонят. Сегодня — Риббентроп.
Вчера — Аттила. Завтра — отчим.
И что им надо от меня,
я не пойму. Звонит рабочий,
звонит Тезей, звонит монах.
Их голоса во тьме мерцают,
от них расходятся круги,
и смутным голосом пурги
они мне что-то обещают.
И проповедуют без фальши,
и веют ужасом руки...
И я не знаю, как мне дальше
жить, если кончатся звонки.

* * *

Окна вечера — дыры в завтра.
Боком, боком — на бога окон.
Запах Запада в створках заперт,
растворили вечерний кокон.

И в растворе — по локоть осень,
осень мертвая и сквозная.
Как тебе лстивый снег? Не очень?
Но другого ведь ты не знаешь.

В горизонта пустой глазнице —
тиф железнодорожных станций.
Это небо: «Уйди!» — блазнится,
это молит Земля: «Останься!»

Скука черных деревьев голых —
зренье сквозь миражи верблюда.
К окнам вечера жметя голубь.
Настает азиатский голод.
Все равно, непомерный город, —
верю, верю и верю в чудо!

* * *

Овбяз приносит топоры
от тепло́й киевско́й горы.
Отмсти за Божу и старшин
медвежьей пресностью машин!

Рассвет гортензий молодой
замучь тяжелою водой,
на глаз надвинь кровавый плат.
День позолоченный усат.

И корни запахнут пальто,
указывая в долото,
поднимут толстый воротник
смородины и костяник.

И круг квадрата восстает,
сбирая праславянский мед,
к веревке воздух прицепив,
как ненавязчивый мотив.

Сварожич, медленный огонь!
Не стонь, хороший мой, не стонь.
Корявых готов распинай!
Ключом воздаст тебе Папай.

* * *

На сгоревший кинескоп похожи дни.
Раньше сел бы за бутылку бормотни,
вдохновенье прилетело бы опять,
и в костях бы начал зрячий мрак шептать.
А сегодня корень неба проступил,
над головушкой раздался скрип стропил.
И в средину взгляда выведет перо:
— Нехорошие стропила, нехоро...

* * *

Жарок твой череп, айяс. Он — хоругвь черепах.
Кинь же бумагою в потные лица солдат!
То крах империи в небо вздымает черпак,
то с суковатого неба за нами следят.

* * *

Необъятная овчарка-небо
рот смочила звездным молоком,
напрягла встревоженные недра,
рыча перед прыжком.

И созвездий грузовик гремящий,
сообщив движение перу,
великанов двухголовых мучит,
прет по топору.

И Тебя увижу, страшный Боже.
Ты мое наследуешь, мое!
Я кричу, сумняшеся ничтоже,
муравьем, заползим на копье.

* * *

Я, на бессмертье осужден,
испью отравленного зелья.
Ногой втекая в эту землю,
под безошибочным дождем
ищу свинцовый код племен.

И начихать мне на Париж...
Ты за меня пошла бы, тишь?..
Молчанье вспухло шаром медным.
Хоть посиди со мною, с бедным.
Что ж ты молчишь?

Владимир СКРАЩУК

ШКОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ»*

*Частный случай борьбы идеологий
в период сворачивания НЭПа*

Очередной номер иркутской газеты «Власть труда» вышел 9 января 1929 года с сенсационной новостью: в 20-й советской школе Маратовского района издавался подпольный литературный журнал. Газета, являвшаяся общим изданием Иркутского окружного комитета ВКП(б), окружного исполкома и окружного бюро профессиональных союзов, сразу поставила диагноз: «20 Маратовская школа находится под влиянием чуждой пролетариату идеологии»¹. В списке «симптомов» значились два тяжких обвинения — «упадничество» и шовинизм.

«Состав преступления»

Автор заметки В. Ковригин не скупился на эмоции — школа «попала под обстрел» смотра комиссии, специально выделенной окружным комитетом ВЛКСМ, с участием редакции «Власти труда». Произошло это именно потому, что в окружной комитет неким неназванным доброхотом был доставлен «подпольный журнал “Черные крылья”, выпускаемый школьным нелегальным есенинским кружком». Из общения с учащимися члены комиссии выяснили, что кружок был создан «осенью», и, если судить по тому, насколько негативной была реакция комсомольского и идеологического руководства в лице редакции главной партийной газеты, это была именно осень предыдущего, 1928 года. Вряд ли кружок мог просуществовать незамеченным хотя бы с осени 1927 года, ведь в школе действовала собственная комсомольская организация и ее члены «вначале горячо взялись за дело».

Общий фон в школе был явно не до конца советским: «Больше всего, — заявляют ребята дальше, — у нас читают Чарскую², Дюма, прежние бульварные

* Автор благодарит за помощь в подготовке этого материала корреспондента газеты «Восточно-Сибирская правда» Юлию Сергееву и заместителя директора по новым информационным технологиям библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского Максима Куделю.

¹ Власть труда. — 1929. — 9 января.

² Чарская Лидия Алексеевна (настоящая фамилия Чермилова, при рождении Воронова; 19 января 1875 г. — 18 марта 1937 г.) — русская детская писательница, актриса. Начала писать прозу в 1901 году («Записки маленькой гимназистки»). Уже в 1911 году комиссия при «Московском обществе распространения знаний» докладывала на съезде по библиотечному делу, что, согласно проведенным опросам, дети среднего возраста читают в основном Гоголя (34 %), Пушкина (23 %), Чарскую (21 %), Твена (18 %), Тургенева (12 %). В 1920 году «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» включила книги Чарской в список запрещенной литературы, причем ее имя осталось под запретом даже после пересмотра этого списка.

издания Шерлок-Холмса и Ника Картера³, Зигфрида». Если вынести за скобки сентиментальную Чарскую и эпического героя Зигфрида, в списке преобладает детективная и приключенческая литература — чтение вполне жизнерадостное. Содержание журнала, то есть собственные работы членов «подпольного кружка», оказалось ближе скорее к декадансу, показавшемуся, видимо, наиболее точной антитезой прямолинейному и примитивному энтузиазму советского строительства. Об этом говорит уже эпиграф журнала: «На крыльях черных, облитых кровью, мы взлетимся, улетим...» Об этом же свидетельствуют и псевдонимы авторов, перечисленные с издательской точностью: Надежда Смерти, Вера Холодная⁴, Яшка Безучастный, Висилица⁵ Жизни, Былое Слово, Сашка Отживший, Надежда Напрасная⁶.

Большая часть стихотворений, утверждал в своем тексте В. Ковригин, была посвящена воспоминаниям о Есенине. Все стихотворения, отмечает автор, «говорят о личных переживаниях», и приводит две наиболее показательные, на его взгляд, цитаты. Первая говорит о суицидальных настроениях:

Довольно жить, не нужно жизни
 Есенин нас к себе зовет
 Его призывы сердцу слышны...

Вторая — романтизирует алкоголь:

...И рану кровавую в сердце залейте
 Залейте, залейте вином.

Несмотря на известные разногласия самого Есенина с советской властью, формально его творчество не было запрещено и уже после гибели поэта, в 1926 году, Госиздат печатает три тома его сочинений; еще один сборник издан годом позднее. Одновременно тем не менее боролись и с самим автором, и с его культом, поскольку была отмечена прямая связь между чтением Есенина, отказом от чтения революционных поэтов, собственным творчеством и суицидом:

«Одни, “ярые защитники”, толкуют так: Маяковские, Жаровы и др. нам надоели своими “комсомолиями”, “бушующими потоками молодежи” и т. д. Хватит с нас “агиток”. Увлекаться только ими, обвинять в меццанстве тех, кто увлекается Есениным, обвинять в обывательщине, в малодушии тех, кому его тон не по духу, — узко и глупо. Военный коммунизм давно прошел. И, в конце концов, в каждом из нас есть кусочек Есенина»⁷.

Для объяснения своей позиции В. Ковригин напоминает о прошлых выступлениях иркутских комсомольцев против «есенинщины»⁸, а в качестве до-

³ «Ник Картер, король сыщиков» — персонаж массовой культуры, впервые появился в рассказе «Ученик старого сыщика, или Таинственное преступление на Мэдисон-сквер», опубликованном 18 сентября 1886 г. в журнале «New York Weekly». Рассказы о Картере печатались в США до 1950-х годов.

⁴ **Вера Васильевна Холодная** (фамилия по мужу, девичья фамилия Левченко; 5 августа 1893 г. — 16 февраля 1919 г.) — российская киноактриса немого кино, видимо, первая в российском кинематографе настоящая звезда с культовым статусом и фанатами.

⁵ Так в тексте «Власти труда».

⁶ Впрочем, среди официальных и популярных в СССР авторов были Максим Горький, Михаил Голадный, Демьян Бедный, Ефим Приблудный — и иркутские подростки не открыли тут новую страницу в литературе.

⁷ Гр. Ангарский. Без дороги: против упадочничества, против «есенинизма» // Власть труда. — 1926. — 25 сентября.

⁸ Реклама: «ПРОТИВ УПАДОЧНИЧЕСТВА, ПРОТИВ “ЕСЕНИНЩИНЫ”»: Сборник статей изд-ва “Правда”. Цена 40 коп. Иркутск, представительство изд-в: “Изв. ЦИК”, “Правда” и “Труд”. Ул. К. Маркса, 32-3 (уг. 6-й Красноарм.) // Власть труда. — 1926. — 26 сентября; Наплеватели: из записной книжки ученика 2-й ступени // Власть труда. — 1926. — 12 ноября.

полнительной меры цитирует Николая Бухарина: «...в целом есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и от того еще более гнусная»⁹.

Необходимое пояснение. Два поэта

Как ни странно, но единой точки зрения на творчество Есенина долгое время не было. Вскоре после смерти поэта ленинградский «журнал рабочей молодежи» «Смена» публикует статью¹⁰, в которой Есенин признан «замечательнейшим поэтом нашего времени»: «Певец глубоких личных переживаний, он не нашел себе места в сокрушительной борьбе классов... У него не было материальной нужды в последние годы, он был окружен славой и почетом...»

Проблема Есенина, которую естественно было распространить и на его последователей, состояла в том, что он «одиночка, что не соучастник того общего великого дела, которое составляет ось нашего времени».

Параллели между самоубийствами Есенина и Маяковского (появившиеся, конечно, намного позже разгрома школьных литературных кружков в Иркутске) стали проблемой для советской критики, однако и ее сняли с легкостью: «У Есенина, собственно говоря, никакого разрыва между самоубийством и творчеством не было. Творческое его развитие шло по линии оскудения бодрых, жизнеутверждающих мотивов. Начав с волнующего своей непосредственностью воспевания природы, любви, стихийных проявлений жизни, он обратился в “Москве кабацкой” к образам, почерпнутым из столичного “дна”, а кончил мрачными поэтическими панихидами над собой. <...> Ему минутами хочется, “задрать штаны”, догонять комсомол, но это редкие минуты, “благие порывы”, свершить которые ему не дано»¹¹.

Маяковский, считает автор, пришел в поэзию через футуризм, то есть через вызов общественному вкусу, молодежный протест и эпатаж. В дальнейшем «стихи В. Маяковского стали дневником общественной жизни, дневником класса, которому он отдал свое творчество. <...> Он агитировал... так что политическая суть его любого стиха не может быть подвергнута кривотолкам». Как раз самоубийство становится внезапным возвращением к индивидуализму, инцидентом, необъяснимым с точки зрения вполне успешного творческого процесса. «Поэтому Маяковский, — констатирует автор, — продолжает в нашей памяти оставаться бодрым, жизнерадостным, вылитым из прочного металла поэтом революции, а весь заключительный эпизод... его жизни мерещится досадной, бессмысленной опечаткой».

Некоторые авторы относились к поступку Есенина с веселым пролетарским цинизмом: «У вас никогда не было идеи? Если появится, советую вам последовать примеру тех подражателей Есенина, которые унаследовали от своего учителя только один талант — вешаться»¹². Другие считали, что возлагать на поэта вину за поведение его читателей неправильно: «Мы знаем, однако, чрезвычайно высокую оценку Есенина значительной частью критиков-коммунистов. Мы слышали,

⁹ Именно цитата из Бухарина говорит о некотором отставании иркутских комсомольцев и партийных журналистов от генеральной линии партии. В сентябре 1928 года Бухарин выступил против усиленной коллективизации, в ноябре 1928-го пленум ЦК назвал позицию Бухарина, Рыкова и Томского «правым уклоном», а вскоре «Власть труда» и сама активно включается в борьбу с «правым уклоном».

¹⁰ Колесников Л. Личное и общественное // Смена. — 1926. — № 7. — С. 9.

¹¹ Оружейников Н. Неуместные параллели // Смена. — 1930. — № 5. — С. 14.

¹² Пушас О. Навязчивая идея // Смена. — 1926. — № 13-14. — С. 28.

наконец, в печати признания многих партийцев, которые, бесспорно, не помышляют о веревке или пуле в лоб, об их увлечении Есениным»¹³. Автор полагает, что Есенин принял революцию, но так, как только и мог принять ее представитель крестьянства — то есть как стихийное явление, бунт. «Есенин не мог дать большой вещи, которая была бы созвучна эпохе, — констатирует автор. — С нашей точки зрения заслуживает порицания всякий, кто слагает оружие перед лицом трудностей. Нельзя восхвалять и Есенина за его бегство от жизни со всеми его противоречиями. Но роковая участь Есенина не лишает его поэзии печати большого таланта. Запрета на Есенина класть незачем. Не нужно только выпячивать на первый план его хулиганствующие стихи. Нужно читать Есенина насторожась».

Слишком творческая школа

С точки зрения господствующей идеологии и одного журнала хватило бы, чтобы провести в 20-й советской школе глубокую идеологическую обработку с далеко идущими последствиями, но только «Черными крыльями» дело не ограничилось. Помимо нелегального журнала в школе существовал и «легальный» — «Литературные искры». В контексте советской периодики такое издание смотрелось чужеродно, поскольку в нем не было никакого намека на пролетарскую, бедняцкую или коммунистическую сущность издания. Слабые аналогии с ленинской «Искрой» вряд ли обманули бы бдительного читателя, потому как «Искра» была одна, в конкретный исторический период, и повода для издания новой не могло быть.

А вот в ряду иркутских ученических изданий, коих в 1910—1917 годах насчитывалось от одного до пяти в любой год¹⁴, такое издание смотрелось вполне органично. По иронии судьбы само название газеты «Власть труда» придумал один из первых ее редакторов — Пантелеймон Парняков. В 1911—1912 годах гимназист Парняков был редактором рукописных журналов «Вестник гимназии», «Первый подснежник», «Наша работа»¹⁵ и, видимо, установил своего рода рекорд в этом непростом деле. С дореволюционными школьными и гимназическими изданиями «Литературные искры» роднит еще одна черта: журнал издавался под прямым руководством преподавателя литературы.

От «Литературных искр» заботами В. Ковригина в газете сохранились названия нескольких текстов и две цитаты из рассказов. Судя по названиям, авторы «Литературных искр» или были моложе авторов «Черных крыльев», или старались уйти от всякой идеологии вообще, ограничившись попыткой набить руку в первых литературных пробах: «Мечта» (стихотворение о реке Миссисипи), «Апрель», «Вечером», «Весна», «Ночь», «Ландыш», «Цветочек», «Вечернее солнце», «После тоски» (все — стихотворения), рассказ «Серко». Весь этот набор мог бы быть опубликован, например, в современном альманахе «Первоцвет» иркутской юношеской библиотеки имени Уткина.

Но даже если сами авторы сознавали, что делают, и старались уйти от окружающей реальности в чистый вымысел, с точки зрения пролетарского критика

¹³ Колесников Л. О Есенине // Смена. — 1926. — № 15. — С. 10-11.

¹⁴ Романов Н. С. Список изданий периодической печати города Иркутска с 1856 по 1917 г. Режим доступа: <http://baikal.ru/ru/irkutsk/about/es16-1.html>; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг. — СПб.: [б. и.], 1908. — С. 60.

¹⁵ Парняков Пантелеймон Фёдорович (1895—1919) — работал под псевдонимом Сергей Бельский, участвовал в подпольной работе и издании газеты «Товарищ пролетария». После Февральской революции — корреспондент иркутской газеты «Голос социал-демократа»; с момента установления советской власти в Иркутске — член редколлегии газеты «Власть труда» (Гольдфарб С. И., Гимельштейн А. В. Иркутская газета «Власть труда». Опыт историко-экономической реконструкции (1917—1930). — Иркутск: Типография № 1, 2006. — С. 181-183).

получалась идеологическая диверсия. Сказка «Затворница» («на несколько страниц», отмечает В. Ковригин), например, повествует о принцессе: «Не считаясь с настроением, глубоко погруженный в созерцание природы, влюбленный и обезумевший ветер торопливо и неожиданно бросился к принцессе, обнял ее гибкий стан, хотел поцеловать и вдруг...»

Рассказ «Дорожный крест» выдает попытку соответствовать и господствующей идеологии, и авторской концепции: «Мужик богатый, но добрый и трудолюбивый. Вышел он из семьи своей нищенской, но трудом и старанием он со своей женой Марьей разработал большое поле». Строгий арбитр из «Власти труда» засчитал попытку как провальную: «Вряд ли нужно комментировать проявленное здесь настроение».

К сожалению, в статье нет никаких намеков на периодичность изданий, технику исполнения, точный объем и тираж. При этом сказано, что оба издания «довольно объемистые» и «сдобрены большим количеством самых безвкусных мешанских рисунков». Зато «ни одной заметки, освещающей жизнь и быт школы, общественную работу, не помещено в школьном журнале». Не сказано ничего и об организации работы, распределении ролей внутри кружка. Лишь из третьей по счету публикации¹⁶ выясняется, что в кружке «Черные крылья» состояло 18 человек.

Первое же столкновение комиссии окружкома ВЛКСМ и редакции газеты «Власть труда» с педагогическим коллективом школы выявило назревающий конфликт. У учителей школы «создалось настроение к смотровой комиссии, как к очередному налету-ревизии, ничем особенным не вызванной». Заведующий учебной частью Черемных даже рискнул сказать: «У нас все хорошо. Комиссия не найдет, на чем остановить свое внимание». Когда повод для проверки все же нашелся, часть учителей на специально организованном школьном педагогическом совещании сделала вид, что не знала о происходящем: «Я сделал круглые глаза, когда узнал об этом».

Ученики, напротив, использовали случившееся, чтобы вынести на поверхность все известные недочеты и, видимо, свести счеты между сложившимися в школе группировками. Помимо уже процитированных высказываний по поводу круга чтения в статье имеются другие прямые намеки на глубокое идеологическое неблагополучие. Против части школьников выдвинуто обвинение в ксенофобии: «На днях в школе избили бурята только за то, что он бурят. Ученик-еврей собирается уходить из школы, потому что его затравили». Для придания этому обвинению дополнительного веса оно повторяется в статье дважды, но никак не детализируется и не раскрывается. Против учителей выдвинуты обвинения в развале учебно-воспитательного процесса: «Учительница Минеева учеников первой ступени берет за уши и ставит в угол. Преподаватель физики не придает значения общественной работе. Учащиеся не знают производственного плана. В его выработке они никакого участия не принимали».

Необходимое пояснение. Обстоятельства места и времени

В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1926 года Иркутская губерния с площадью 843 тысячи квадратных километров и населением 690 тысяч человек была ликвидирована, на ее территории были сформированы Иркутский, Тулунский и Киренский округа. Все три округа входили в состав Си-

¹⁶ Власть труда. — 1929. — 11 января.

бирского края со столицей в Новосибирске — вместе с территориями бывших Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской губерний.

Иркутский округ занимал площадь 308 тысяч квадратных километров, на которых в восьми городах и поселках и 175 сельсоветах проживало 443 тысячи человек¹⁷. Лишь треть населения проживала в городах, что давало полное право оценивать округ как преимущественно сельскохозяйственный. В этих границах округ просуществовал до июня 1930 года, после чего был создан Восточно-Сибирский край со столицей в Иркутске, но в границах от восточных районов современного Красноярского края до Читинской области. В состав края входила и территория современной Республики Бурятия, хотя до этого разделенная на несколько фрагментов Бурят-Монгольская АССР не входила даже в состав Сибирского края.

Важной особенностью Иркутского округа, как до того губернии, было сравнительно слабое влияние революционных сил на положение дел в столице территории. В 1917 году, при населении около 95 тысяч, в Иркутске проживало до 7 тысяч рабочих (до 10 тысяч — с сезонными рабочими и членами семей), а наиболее прочный пролетарский костяк составляли «300 рабочих обозной мастерской и железнодорожники депо станции Иркутск»¹⁸. Во время выборов в Учредительное собрание в декабре 1917 года все социал-демократы (большевики и меньшевики вместе) получили лишь 37 % голосов, причем около 80 % проголосовавших были солдаты запасных полков, то есть не местные жители.

Несмотря на то что декабрьские бои 1917 года считаются вторым по кровопролитности эпизодом начальной стадии Гражданской войны в России после аналогичных столкновений в Москве, советская власть в Иркутске пала уже в первой половине 1918 года и была восстановлена только в начале 1920 года. При этом на всем пространстве от Красноярска до Иркутска проживали не только сторонники различных буржуазных и других небольшевистских политических партий, но и тысячи бывших военнослужащих и гражданских чинов колчаковской армии, отставших от отступающих частей и вынужденных осесть в Восточной Сибири в момент распада и ликвидации режима Верховного правителя.

Ситуация была настолько сложной, что как минимум до лета 1920 года в органах ЧК продолжали работать меньшевики и эсеры. Первые выборы в местные советы прошли лишь в августе 1920 года при полном лишении права голоса всех непролетарских слоев населения¹⁹. Но даже эта система давала сбои: в 1929 году на выборах в местные советы в поселке Усть-Уда шефы из ОГПУ не смогли провести агитацию и применить «административный ресурс» должным образом, в результате чего на одном из двух участков кандидат-«общественник», действующий председатель поселкового совета, с треском провалился, а победил «подкулачник»²⁰.

Вооруженная борьба бывших колчаковцев и каппелевцев в Иркутской губернии началась осенью 1920 года и тянулась вплоть до самого конца 1920-х. Унтер-офицер Д. Донской был убит в ноябре 1923 года, фельдфебель К. Чернов сдался властям в 1924 году, П. Развозжаев продолжал нападения на советские органы до 1926 года. Подпоручик Г. Кочкин, ставший последним в списке,

¹⁷ Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII—XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр, Ю. А. Петрушин и др. — Иркутск, Востсибкнига, 2012. — С. 499-500; Власть труда. — 1929. — 5 января.

¹⁸ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — С. 23.

¹⁹ Там же, с. 261.

²⁰ Власть труда. — 1929. — 30 января.

был убит при нападении на обоз с оружием уже в июле 1929 года²¹. Разумеется, это были крайние формы сопротивления советской власти, и у тех, кто не рисковал взять в руки оружие, было много других возможностей и высказывать, и отстаивать свою точку зрения.

В одном вопросе большевики были точны и последовательны: уже 22 февраля 1920 года в Иркутской губернии были запрещены все партийные газеты за исключением меньшевистской газеты «Набат». После выборов в городской совет Иркутска 7—11 августа 1920 года, в ходе которых большевики получили 73 тысячи голосов, а меньшевики всего 646, меньшевистские партийные органы в Иркутской губернии самораспустились и в идеологическом поле наступила полная монополия большевиков.

В 1921 году в Иркутске издавались три партийные газеты — «Власть труда» (8000 экз.), «Красный стрелок» и «Красный пахарь»; на территории губернии выходили еще три газеты с суммарным тиражом 5400 экз.²² Для огромной территории — с учетом дефицита бумаги, отсутствия других средств агитации и прочих понятных проблем — это была капля в море. К концу 1920-х «Власть труда», оставшаяся к тому времени единственным изданием в губернии, добилась больших успехов: газета стабильно выходила несколько раз в неделю, ее тираж превысил 20 тысяч экземпляров, что выделяло ее даже в масштабах Сибирского края.

В это же самое время в иркутском изоляторе заключенными издавалась газета «Наша мысль»: «Газета пишет о самокритике, недочетах производства, ликвидации неграмотности, бытовых извращениях, недисциплинированности...»²³ Издавал газету, разумеется, актив учебно-воспитательной части, а девизом издания стали слова «Лишь труд упорный и полезный откроет нам затвор железный». Издание на восьми полосах было еженедельным, и коллеги из «Власти труда» посоветовали перейти на две полосы: «можно при тех же затратах сделать газету ежедневной», но оптимальным вариантом было бы издание двух номеров в неделю. Инициатива наказуема: спустя небольшое время редакция объявила, что берет «культурное шефство» над тюремным изданием и выделила сотрудника для этой работы²⁴.

В 1929 году при прямом участии сети рабочих и сельских корреспондентов газеты (которых насчитывалось не менее тысячи человек), созданных сотрудниками «Власти труда» литературных и газетных кружков в Иркутском округе издавалось более 200 стеновых газет²⁵ — в первую очередь на государственных предприятиях, в советских и партийных учреждениях и учебных заведениях. Время от времени стенгазетам устраивали дополнительную мобилизацию, напоминая о необходимости работать активно каждый день и сверять свою позицию с генеральной линией партии²⁶. Но даже эти издания не охватывали все население, тем более такое, которое более или менее открыто исповедовало антисоветские взгляды. Люди, лишённые избирательных прав, составляли значительную прослойку: по данным на 5 января 1929 года, таких насчитывалось 16 559 человек, в том числе в Иркутске — 11 175, или 14 % взрослого населения²⁷.

²¹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — С. 280.

²² Гольдфарб С. И., Гимельштейн А. В. Иркутская газета «Власть труда». Опыт историко-экономической реконструкции (1917—1930). — Иркутск, Типография № 1, 2006. — С. 57.

²³ К-ов В. Газета в изоляторе // Власть труда. — 1926. — 25 мая.

²⁴ Власть труда. — 1929. — 6 июня.

²⁵ Гольдфарб С. И., Гимельштейн А. В. Иркутская газета «Власть труда». Опыт историко-экономической реконструкции (1917—1930). — Иркутск, Типография № 1, 2006. — С. 126.

²⁶ Стеновые газеты — на передовую линию! // Власть труда. — 1929. — 10 февраля.

²⁷ Власть труда. — 1929. — 5 января.

Система школьного образования в конце 1920-х годов еще не сформировалась до конца. По данным окружных властей, в 1929 году в Иркутском округе насчитывалось 40 тысяч учащихся школ, в том числе 12 тысяч — в самом Иркутске. Ограничения по набору детей из непролетарских слоев постоянно усиливались: в 1927—1928 учебном году детей рабочих было 24 %, в 1928—1929 году — уже 49 %. Несмотря на увеличение расходов на образование в два раза (с 1,3 млн в 1926—1927 году до 2,6 млн в 1928—1929 году), для обучения детей из семей бедноты и батраков пришлось создавать специальный фонд помощи. Иркутский городской совет накануне перевыборов, состоявшихся в начале 1929 года, подвергся резкой критике именно за то, что постоянно перераспределял средства городского бюджета с нужд образования на любые другие городские расходы. В некоторых городах школы не имели собственных помещений, перегрузка достигала 400 %. Учеба продолжалась далеко не полный учебный год: в городах — 215 дней, в деревнях — 145—155 дней²⁸. Как правило, учеба прекращалась зимой из-за отсутствия топлива.

Кампания разрастается

Уже в следующем номере «Власти труда»²⁹ появляется разоблачительная заметка «Группа учителей 20 Маратовской школы пропагандировала среди учеников “есенинщину”», подписанная «Л. Шад.». Из школьного кружка, пусть и с собственным изданием, «Черные крылья» эволюционируют почти в подпольную организацию: «Кружок “Черные крылья” со строжайшей конспирацией, с недоступностью для окружающих, явился отражением невыносимо тяжелых школьных порядков, идеологической пустоты школьной работы и методов воспитания. Да могло ли быть разве иначе? В педколлектив попали бывший офицер, сын попа, старые прогнившие гимназисты — все они воспитывали детей на гнилой романтике “времен очаковских и покоренья Крыма” — Чарской, Шерлока Холмса, Густава Эмара». Через две недели последовало уточнение: в школе работали три бывших офицера вместе со своими женами³⁰, но это был далеко не предел — в одной из школ вычислили 11 бывших офицеров. По информации члена приемной комиссии 20 школы Десковой, не отличались от учителей и ученики: «Комиссия соблюдала строгий классовый подход. Только комиссия ушла, как учителя давай принимать кого им захочется. Набрали детей торговцев и им подобных. Перед комиссией оправдались тем, что, мол, нам окрОНО так велело».

На роль руководителя и идеолога кружка автор заметки выдвигает уже упоминавшегося завуча Черемных. Выясняется, что Владимир Александрович Черемных ведет в школе уроки географии, «он один из страстных поклонников Есенина... именно он, обладая чрезвычайно живой увлекательной речью, был первым пропагандистом есенинского слова. Он действовал на неокрепшее сознание девушек связью Есенина с известной балериной Айседорой Дункан». Помимо собственных выступлений Черемных приносил в школу и книги самого Есенина.

Понимая, что из одного учителя и нескольких школьников преступную группу не оформить, корреспондент «Власти труда» выдвигает обвинения против еще одного педагога: учитель рисования Виноградов, «сын попа», якобы вел в классе «официальную контрреволюционную пропаганду». «Этот Виноградов

²⁸ Кацнельсон. За четкую классовую линию в школьном строительстве // Власть труда. — 1929. — 10 февраля.

²⁹ Власть труда. — 1929. — 10 января.

³⁰ Власть труда. — 1929. — 24 января.

по какому-то поводу заявил: — Кто вы такие? Вы продукт разрухи и мы сознательно калечим вас». При этом, отмечает автор, идеологически неправильный Виноградов был прислан окружным отделом народного образования на замену бывшему преподавателю Левитину, который «не подходит советской школе». Повторив еще раз обвинения в шовинизме и антисемитизме, «Л. Шад.» выдвигает требование «освобождения школы от преподавателей типа Виноградова и Черемных».

Дело начало приобретать нешуточный размах. Третий за неделю выпуск «Власти труда»³¹ сообщает: в школе проведено 12 групповых конференций школьников, в редакцию поступили многочисленные письма от рабочих, требующих «навести порядок», собрать родительское собрание и взять одному из заводов шефство над школой. От бывших участников кружка получены формальные признания: кружок «Черные крылья» шел по неправильному пути. Особое значение имело письмо 24 комсомольцев профтехшколы³². Редакция отмечала, что это единственное письмо от комсомольцев города, что говорит о пока еще достаточно слабо налаженной системе организации идеологических кампаний. Для современного читателя важно признание: «Мы, комсомольцы иркутской профтехшколы, все вместе и каждый в отдельности и сейчас ведем борьбу с упадническими настроениями, которые в прошлом были и у нас, пожалуй, не меньше, чем в 20 совшколе».

У комсомольцев было и объяснение появления этих тенденций: «Такие настроения тащит к нам непролетарская среда учащихся, которая объединяется почти всегда с чуждыми нам педагогами и затем ростки свои пускает в среду детей пролетариата. Пример: профтехшкола в прошлом. Был у нас юнкоровский кружок; довольно частенько собирался и затем просто превратился в кружок по разбору произведений Есенина. Стали в этом кружке устраивать диспуты о жизни Есенина, ну и сразу захватило молодежь. Руководом³³ этого кружка был никто иной, как преподаватель Черемных, который теперь в 20 школе, но работал в то время в профшколе». Заканчивалось письмо, разумеется, требованием убрать «виновников в создании есенинских кружков» из школ. Тема обретала все более громкое звучание, культ Есенина приобретал размах целой субкультуры: «в некоторых школах дошло дело даже до татуирования. На руках и на груди у учащихся есть знаки — череп и кости»³⁴.

К следующему выпуску «Власть труда»³⁵ припала коллективное письмо 32 учителей школы имени Крупской³⁶ и новость о проведении экстренного заседания пленума секции Наробраза. Технические возможности редакции были не настолько хороши, чтобы дать отчет о заседании уже в следующем номере, но зато в нем появилась статья «Урок двадцатой школы»³⁷ и выдержки из десяти резолюций собраний школьников и комсомольского актива города. Примечательно, что эти тексты в целом не добавляют никаких новых фактов, но повторяют обвинения, выдвинутые ранее в газете. Одно из писем требует организовать смотр во всех школах города, и когда это требование начинают выполнять, выясняется, что и в других школах дела обстоят совсем не по-советски.

³¹ Власть труда. — 1929. — 11 января.

³² Располагалась на той же улице Рабочего Штаба, что и школа № 20 — профтехшкола в здании № 10/2 (сейчас № 6), школа № 20 — дом № 26 (сейчас № 24).

³³ Именно так в тексте письма и других публикациях газеты.

³⁴ Власть труда. — 1929. — 13 января.

³⁵ Власть труда. — 1929. — 15 января.

³⁶ В то время находилась по адресу улица Тимирязева, 71.

³⁷ Власть труда. — 1929. — 16 января.

Более того, можно сказать, что в 20-й школе на общем фоне дела были даже и неплохи. В школе № 10, где обучались в основном татары (в некоторых заметках ее так и называют «татарской»³⁸), учителя обзывали учеников «сволочь» и «мерзавец», ученики же, не оставаясь в долгу, «обществоведа один раз на уроке забросали шапками». В тех группах, где татар, русских и бурят было поровну, из-за национальной розни «занятия проводить невозможно»³⁹. Причина крылась в самой системе обучения: «Например, в 6 группе всего 32 человека — из них 16 русских, 2 бурята и 14 татар. Всех детей обязывают учить татарский язык. Все дети к этому языку относятся весьма враждебно, на уроках шумят и не занимаются»⁴⁰. Горно знал о положении дел, но сместил заведующего только после начала обследования. И даже после этого только что назначенный новый заведующий начал работу с... попытки «обелить действительное положение дел». Видимо, понимая, что иначе будет только хуже, а с налета дела не поправить.

Необходимое пояснение. Ксенофобия как обыденность

Антисемитизм имел в Иркутске прочные корни, борьба с ним и через десять лет после установления советской власти была далека от завершения. Однажды «Власть труда» посвятила проблеме целый подвал, отметив, что в редакционной почте много анонимных писем антисемитского содержания. И даже сочла нужным процитировать (и тем самым растиражировать на радость будущим исследователям) несколько типичных текстов:

«Гр. Редактор! На страницах вашей газеты вы боретесь со всяким злом современной жизни. Вы беспощадно бичуете все болезни русского народа, происходящие из-за его темноты и культурной отсталости. Но довольно подло с вашей стороны не замечать главного зла, которое ведет нашу родину к гибели. Это зло называется еврейским засильем. Евреи сидят во всех учреждениях и у власти и хотят учредить иудейство на всей земле...»⁴¹

Особое раздражение редакции вызывает подпись «Рабочий». «Два больших листа исписано аккуратными печатными буквами», — отмечает автор заметки, и нетрудно догадаться, что листы эти могли ходить и по рукам между единомышленниками.

В данном конкретном случае поводом для анализа и обобщения анонимок стала прошедшая накануне Пасха, против которой советская печать боролась с особым усердием. На газетные публикации откликнулись идейные противники:

«Еще хватает у вас нахальства насмехаться над всем угнетенным русским народом. Зачем вы допускаете в газете пустоголовую выдумку и делаете срыв наступающих праздников? Задаем вопрос: почему это непременно стоят пнем на дороге русские праздники, но не еврейские и другие, которые пожирают в несколько раз больше разных изысканных предметов обжорства и так далее...»

Эта анонимка подписана «Все рабочие», что, видимо, следует считать попыткой противопоставить евреям, «пролезшим» в руководящие органы, «русский» трудовой элемент.

Помимо почти ритуального опровержения выдвинутых обвинений «Власть труда» делает интересную оговорку:

³⁸ Школа находилась на улице Канавной, то есть ее ученики проживали в районе современных улиц Карла Либкнехта, Софьи Перовской, 1-й Советской, в непосредственной близости от Иркутской соборной мечети.

³⁹ Власть труда. — 1929. — 16 января.

⁴⁰ Власть труда. — 1929. — 13 января.

⁴¹ М. В. Лицо антисемита // Власть труда. — 1929. — 4 мая.

«Гораздо опаснее антисемитизм, получивший себе выражение в определенных действиях. Среди отсталых слоев рабочих и крестьянства, в некоторых наших советских учреждениях антисемитизм находит иногда для себя почву. Кое-где имеются ярко выраженные антисемитские настроения, антисемитские выступления, травля евреев и так далее. Но не всегда и не везде эти настроения встречают дружный и решительный отпор».

Заметка завершается требованием развернуть систематическую и планомерную борьбу с антисемитизмом, вскрыть его классовую сущность и вред для социалистического строительства, провести разъяснительную и культурно-воспитательную работу, особенно среди отсталых слоев рабочих.

Нужно отдать должное «Власти труда»: выявив антисемита, вина которого подтверждалась многочисленными фактами, сотрудники редакции добивались его увольнения с любой должности. Именно так произошло с заместителем заведующего материальным складом Забайкальской железной дороги в Иркутске Ярыщенко⁴². Несмотря на поддержку руководства железной дороги, менее чем через месяц после газетной публикации Ярыщенко был уволен.

Хулиганство с политическим подтекстом

Конфликт между специалистами народного образования, ориентированными в первую очередь на систематическую учебу и апробированные методики преподавания, и работниками «идеологического фронта», упирившими на самокритику и прочие нововведения, время от времени прорывался наружу. Председатель секции народного образования Щербакова и представитель президиума горсовета Зарембо резонно отказались вносить в резолюцию учительской конференции требование исправить положение дел в 20-й школе в три дня: «Это же утопия. Зачем выносить такие нереальные резолюции»⁴³. Радикальное требование было оформлено в виде особого мнения.

В номере от 17 января появляется наконец отчет с экстренного пленума секции народного образования⁴⁴. Заседание ознаменовалось скандалом: на него не явился ни один школьный преподаватель, что было воспринято как свидетельство неправильной организации работы смотровых комиссий, противопоставляющих себя педагогическим коллективам и занятых только поиском недостатков. Пленум решил организовать сразу несколько смотровых комиссий, в состав которых включили по два члена секции народного образования и по одному представителю от комсомола, женских и профсоюзных организаций. Смотры должны были начаться с 1 февраля 1929 года.

Секция преподавателей обществоведения приняла и опубликовала в этом же номере «Власти труда» собственную резолюцию, отметив два важных момента. Во-первых, прозвучало требование ко всем учителям: «За идеологическое направление в школе отвечает весь коллектив. Все преподаватели обязаны участвовать в общественной работе». Во-вторых, «секция обществоведов отмечает, что в результате обследования 20-й школы и смотра других школ интерес учащихся к творчеству Есенина возрос. Для направления этого интереса в должное русло необходимо провести разъяснительную работу в отношении его творчества». Практическое предложение секции напоминало идею «тушить пожар бензином»: «провести по школам, при педфаке ряд докладов, диспутов, на

⁴² Антисемит Ярыщенко // Власть труда. — 1929. — 25 мая.

⁴³ Власть труда. — 1929. — 13 января.

⁴⁴ Власть труда. — 1929. — 17 января.

которых выявить под углом марксистского анализа классовую сущность Есенина, как мелкобуржуазного упадочнического писателя». После такого мероприятия даже те, кто никогда не слышал про Есенина, должны были уяснить: этот поэт — главная фигура альтернативной культуры.

Кампания по проверке школ дала свои плоды практически немедленно после объявления. Уже 20 января «Власть труда» сообщила, что и в 1-й советской школе Маратовского района существовал подпольный кружок, издававший журнал «Жизнь Есенина»⁴⁵. В заметке «Внимание антирелигиозному воспитанию в школах», сверстанной единым блоком с предыдущей, корреспондент А. Окладников⁴⁶ призывает расследовать случаи передачи в школах так называемой «фландрской» или «флорентийской цепи счастья» (текст этого послания сохранился в почти неизменном виде и до сегодняшнего дня: «перепишите письмо три раза и отправьте трем знакомым»). В 1929 году советскими и партийными работниками это послание воспринималось не как глупая шутка, а как часть сектантской идеологии, борьба с которой приводила к разоблачению подпольных групп баггистов и кружков учащейся молодежи. Один из таких кружков, «обнаруженный в доме гражданки Левковской», Окладников оценил очень высоко: «по своей идеологической роли не уступит пресловутым “Черным крыльям”».

Возможно, в этом заявлении нет даже никакого преувеличения, ведь в условиях, когда политическая борьба стала невозможна, противоречия между различными группами населения СССР прорывались наружу по одной из нескольких основных линий — борьба атеистов с верующими (и наоборот), межнациональные конфликты, бытовое хулиганство. Точнее сказать, бытовое хулиганство становилось прикрытием для острой фазы идеологических конфликтов: «в одной из советских школ второй ступени во время антирождественского вечера целая группа великовозрастных учащихся устроила подлинное заграждение у самых дверей школы и усердно колотила всякого, кто только из учащихся пытался пройти на антирелигиозный вечер».

Для Иркутска того времени подобное хулиганство вовсе не было чем-то экстраординарным. Та же «Власть труда» в рубрике «Суд» описывает двух несовершеннолетних (по 16 лет) подростков Лебедева и Таюрского, которые вместо учебы «срезали на тракте у крестьян мешки», а затем полностью затерроризировали Маратовский рабочий клуб, располагавшийся, кстати, в одном здании с 20-й школой⁴⁷. В январе 1929 года Лебедев получил 10 лет строгого режима (с понижением на треть, как несовершеннолетний) и пять лет ссылки в Туруханский край, а Таюрский — 2 года строгого режима и пять лет ссылки.

Помимо обычного бытового хулиганства и уголовщины имели место и такие столкновения, идеологическую подоплеку которых скрывать было бесполезно. В конце января 1929 года ученик 1-й совшколы Китенко избил секретаря комсомольской ячейки. Это было сделано в ответ на заявления комсомольца о том, что Китенко — антисоветский элемент, сын бывшего инспектора народного училища, надворного советника⁴⁸, уволенного со службы при чистке советского

⁴⁵ Власть труда. — 1929. — 20 января.

⁴⁶ **Окладников Алексей Павлович** (20 сентября (3 октября) 1908 г. — 18 ноября 1981 г.) — советский археолог, историк, этнограф. До 1934 года жил и учился в Иркутске, внештатный сотрудник «Власти труда» и других советских изданий.

⁴⁷ Власть труда. — 1929. — 25 января.

⁴⁸ Гражданский чин VII класса в «Табели о рангах» в России. Соответствовал чинам подполковника в армии, войскового старшины у казаков и капитана 2 ранга на флоте. Официальное обращение: «Ваше высокоблагородие». До 1856 года чин давал право на потомственное дворянство, после — только на личное. Чин автоматически получали все, кто имел ученую степень доктора или звание профессора.

аппарата. Несмотря на очевидность дела (можно сказать, Китенко еще повезло, что поступок не квалифицировали как террор), часть педагогов высказались против исключения из школы⁴⁹.

В тех случаях, когда драка не могла состояться ввиду различия весовых и возрастных категорий оппонентов, дело ограничивалось оскорблениями в различной форме. «Власть труда» рассказывала в одной из заметок о вопиющем, на взгляд автора, случае: «Во время доклада заведующего о нездоровых уклонах в школе была подана докладчику записка с нарисованным кукишем и подписью: “На, выкуси!”»⁵⁰. Таким образом, неизвестный иркутский школьник на несколько десятилетий опередил ту часть советской интеллигенции, которая носила свои кукиши в карманах.

Конфликт личного и общественного

К концу января дискуссия о положении дел в школах наконец вышла на уровень районного комитета ВКП(б), и пленум Маратовского райкома — с некоторым запозданием — поддержал решение секции Наробраза о проведении смотра всех школ района⁵¹. Пленум обвинил в бездействии всех членов партии и ВЛКСМ, работающих в школах района, а наиболее пострадавшими от «упадничества, антисемитизма и бытовых уклонов» были признаны 1-я, 10-я, 20-я и профтехшкола. К идеологической борьбе подключили заводы, взявшие шефство над школами, всех родителей-партийцев обязали посетить родительские собрания. Аналогичные мероприятия проводили и в других районах: работники государственной обувной фабрики устроили смотр своей подшефной школы и митинг по поводу ситуации в 20-й школе. Постановление пленума Маратовского райкома завершалось важным признанием: «Учитывая имеющийся интерес учащихся к творчеству Есенина, считать необходимым в школах и среди молодежи провести ряд диспутов-докладов, разъясняющих классовую сущность его творчества».

Редакция партийной газеты с интересом собирала и публиковала корреспонденции о составе так называемых «комсодов» — родительских комитетов содействия школам, занимавшихся решением хозяйственных вопросов учебных заведений. В 20-й школе, разумеется, все было очень плохо: «председатель комсода Егоров один из религиозных людей, членами комсода являются известные по Маратовскому району богачи Цегловы, бывший жандарм Лесных, лишенный права голоса и уволенный с кожзавода как чуждый элемент»⁵².

Мало чем отличалась ситуация в других школах: «Председатель комсода 17 совшколы (еврейской) крупный иркутский мясоторговец Михалевич, а один из его членов раввин. В 12 совшколе один из членов комсода крупный спекулянт и домовладелец».

Удивительно, но за прошедшие 85 лет в школах не изменилось главное — принцип формирования таких «родительских комитетов». В 1929 году формированием комсода 17-й школы занимался заведующий школой Левин; ему же, видимо, и пришлось отвечать за работу этого органа.

По мнению автора сообщения, причиной преобладания нетрудовых элементов было отсутствие активности со стороны родителей-пролетариев и советских работников, однако в действительности, вероятно, проблема была в методах

⁴⁹ Власть труда. — 1929. — 1 февраля.

⁵⁰ Конст. Нечаев. Самокритики в иркутских школах нет // Власть труда. — 1929. — 13 января.

⁵¹ Власть труда. — 1929. — 24 января.

⁵² Власть труда. — 1929. — 25 января.

работы комсов. Одной из их функций была организация «школьных постановок», то есть привычных с дореволюционных времен благотворительных мероприятий, а в этом деле опыт гарантировал большую эффективность. Даже школьное руководство предпочитало не вмешиваться в работу комсов, в результате чего «проходит самая безобразная халтура, частенько сопровождаемая пьяными буфетами и прочими атрибутами “благотворительности”».

Эти постановки, как и елки (и организованные священниками Входа-Иерусалимской церкви, и частные, в домах), уже воспринимались как поле боя идеологий — новой советской и старой, главным образом религиозной. При этом в 1929 году церковные праздники (второй день Пасхи, Вознесение, Духов день, Преображение и Рождество) все еще объявлялись выходными. Отличие от советских праздников (день низвержения самодержавия 12 марта, день Парижской коммуны 18 марта, день Интернационала 1 мая и годовщина Октябрьской революции 7 и 8 ноября) состояло только в том, что перед религиозными праздниками не вводили сокращенный рабочий день⁵³.

В самой 20-й школе решительный перелом в пользу советского актива еще не произошел. Об этом все тот же В. Ковригин упоминал в заметке «Только еще началось оздоровление 20 совшколы»⁵⁴, описывающей большое школьное мероприятие. Идеологическая обработка шла по двум направлениям. В большом зале рабочего клуба Маратовского района был прочитан доклад «Интересно ли жить молодежи» (с заранее понятной резолюцией слушателей: «Жить в советской стране интересно»), а в коридорах и кабинетах были организованы спортивные соревнования (шашки, шахматы, пинг-понг и т. д.) и две параллельные экспозиции разных идеологий. Советская сторона была представлена химическими опытами, выставкой школьных карикатур и работ фотокружка. Противоположная сторона — портретом учителя Черемных (из которого так и старались сделать идеолога и организатора оппозиции), экземпляром журнала «Нива» и разорванным экземпляром так называемой «ильичевки» — стенгазеты, выпущенной к годовщине смерти Ленина. По мнению В. Ковригина, это был «хороший экспонат, показывающий, что борьбе за действительную советизацию 20 школы положено еще только начало».

Спустя небольшое время после смотра в окружной комитет ВЛКСМ поступила анонимка из 20-й школы, свидетельствующая о продолжении сопротивления советской идеологии. «Смотр выявил у нас в школе такой недостаток. Пытались делать диспуты, говорили на классных собраниях о неправильности этого подпольного кружка, о Есенине, его плохие стороны и вообще упадочничество. Все это очень мало подействовало на членов кружка “Черные крылья”. Они понимают Есенина совсем по-другому, как думают все»⁵⁵.

Надо отдать должное членам кружка: если все было именно так, как описывал автор заметки, они проявили немалое мужество в отстаивании своей позиции. Корреспондент «Власти труда» впервые отметил, что «отдельные учащиеся 20 школы, имевшие отношение к кружку “Черные крылья”, будут по-прежнему противопоставлять себя всей школьной общественности. Возможно, что эти явные упадочники, из чуждой нам классовой среды, совершенно непоправимы. К таким надо будет применять более строгие меры. Кружок “Черные крылья” сумел вовлечь в свои ряды нескольких комсомольцев. Этим комсомольцев надо будет привлечь к союзной ответственности».

⁵³ Власть труда. — 1929. — 26 января.

⁵⁴ Власть труда. — 1929. — 27 января.

⁵⁵ Власть труда. — 1929. — 1 февраля.

Если до сих пор речь шла только об отстранении от работы педагогов из числа «бывших», то теперь поднимается вопрос об исключении учащихся: «В конце концов в школе не место тем, кто хочет упорно культивировать тухленький багаж есенинской мистики и чуждой буржуазной идеологии».

Впервые поднимается и вопрос об ответственности учителей литературы за идеологическое воспитание школьников. Раньше решение этой задачи возлагалось на учителей обществоведения, теперь и преподаватели литературы должны «вести борьбу с есенинской мистикой... выдержанно и с большой убедительностью доказывать учащимся ее вредность».

Существовавший на тот момент педагогический коллектив был признан непригодным для проведения такой политики. В кабинете литературы бдительные авторы «Власти труда» нашли восемь больших плакатов, посвященных творчеству и жизни Льва Толстого. При этом ни на одной из 91 картинки не была дана «классовая оценка» творчества великого писателя, брезгливо охарактеризованного в газете как «непротивленец».

Еще раз название «Черные крылья» прозвучало в конце января 1930 года в докладе заведующего организационным отделом окружного комитета ВКП(б) Руднева «В борьбе за генеральную линию партии укрепим классовую боеспособность комсомола»⁵⁶. По версии Руднева, большинство членов кружка были все-таки детьми рабочих, а настроения членов кружка были, как говорили в советское время, «типичны» для подростков Иркутского округа. Школа считалась местом скучным, общественная работа пустой формальностью, а вот суицид, пьянство и уголовно-бродяжническая романтика пользовались определенной популярностью.

Печальный опыт коллективного творчества, легко превращающегося в глазах партийных и комсомольских властей в целый заговор, подтолкнул молодых людей к идее индивидуального творчества, к работе «в стол». Руднев в своем докладе заявил, что в его руки попала тетрадь «Мои сокровища» со стихами некоего комсомольца:

«Она является результатом его интенсивного и очень активного труда, но я ни одного стихотворения из этой тетрадки не могу прочесть, потому что там сплошная порнография».

Понимая, что в СССР к 1930 году секса уже не было, можно предположить, что никакой порнографии начинающий поэт не писал, но обвинить хоть в чем-то было нужно.

В дискуссиях по докладу Руднева вспомнили и организатора кружка Владимира Черемных: «Учитель Черемных — организатор “Черных крыльев” в 20 совшколе снова где-то работает и, быть может, воспитывает молодежь в том же духе — говорит тов. Новиков. Ничего не предпринято к учителям того же типа — Виноградова и Кутина»⁵⁷.

Не частный случай, но система

Недостатки в системе школьного образования широко обсуждали и на пленуме окружного комитета партии в начале февраля 1929 года. По итогам двух докладов (Кацнельсона и Марковича) участники дискуссии потребовали перераспределения культурных и финансовых средств в пользу сельской местности

⁵⁶ Власть труда. — 1930. — 28 января.

⁵⁷ Фабрика кадров требует реконструкции // Власть труда. — 1930. — 28 января.

и рабочих других городов округа. «В городе [Иркутске] 12 тысяч лишенцев. Их дети учатся. А вот в деревне дети бедняков и батраков, детвора в рабочих районах этой возможности не имеет» (Кибанов)⁵⁸. Впрочем, и в других населенных пунктах округа недостатков хватало. В Балаганске стенная газета обсуждала вопрос «У воробушка тоже есть душа», что было просто забавно, а в ряде мест «учительство организует вокруг себя все враждебное партии и советской власти» — что ставило учителей на одну доску с кулаками и попами. За учителей решительно вступился тот же Кибанов из Усть-Уды, заявивший, что деревенские коммунисты сами виноваты в отторжении учительства: «Они ставят его в положение “чужого”. В результате — учитель живет оторванно от общественно-политической жизни села».

Формат главной партийной газеты, привыкшей больше разоблачать, вести постоянные политические кампании против того или иного деятеля или уклона, не передает все тонкости и нюансы дискуссии. Тем ценнее кажутся и заявления Кибанова, и совершенно неожиданное признание: «В связи со смотром 20 школы получено письмо учителя, который указывает, что в школах прекрасно ставилась академическая работа...» И лишь после этого как дань уже отмеченным недостаткам указывается, что «за этим проглядывали такие важные моменты, как связь с советской общественностью». Виновата в этом была не столько школа, сколько сама общественность: «за школу никто ответственности не нес, кроме ее заведующего. Выделяемые представители в школьный совет партийными, профессиональными организациями не собирались. Никто не интересовался их работой».

И уже полным поворотом во всей кампании выглядит итоговая часть отчета: «По тому, как проходил смотр 20 школы, мы должны видеть, как надо и как не следует критиковать. Мы не научились еще на основе частных фактов делать общие выводы, из отдельных фактов извлекать уроки и использовать эти факты. <...> В предсмертном завещании Ленин говорил о том, что мы должны поставить учителя на такую идейную и материальную высоту, на которой он никогда еще не стоял и не стоит. Нашим главным лозунгом по отношению учительства будет “Не смей командовать над учителем, не смей администрировать! Больше внимания, больше чуткости”».

В следующей части отчета⁵⁹ с плена процитировано выступление представителя кожевенного завода Савина, возложившего вину за деятельность кружка «Черные крылья» на окружное управление народного образования. Еще через день окроно перешло в наступление, и теперь вина за упущенный кружок перекладывалась на профком кожевенного завода: «Союз кожевников, у которого школа была под боком, узнал об этом в последнюю очередь»⁶⁰.

Если нельзя победить, нужно возглавить

Столкнувшиеся силы оказались как минимум равны, а редакция «Власти труда» очутилась между молотом и наковальней. С кружком к тому времени расправились, журнал ликвидировали, классово чуждого учителя «вычистили». Редакция вполне могла праздновать победу, однако вместо точки в деле было поставлено многозначительное многоточие. Спустя месяц редакция объявила о созыве конференции литературных кружков школ II ступени⁶¹.

⁵⁸ Власть труда. — 1929. — 12 февраля.

⁵⁹ Власть труда. — 1929. — 13 февраля.

⁶⁰ Власть труда. — 1929. — 14 февраля.

⁶¹ Власть труда. — 1929. — 10 марта.

«Не позже 20 марта литкружки и редколлегии школьных журналов должны зарегистрироваться в редакции. <...> Урок 20-й школы дал кое-какие результаты. Но одна сторона в этом деле осталась слабо освещенной, ее почти не коснулась развернувшаяся вокруг вскрытых школьных язв критика. Это — вообще состояние и существование в школах II ступени ученических литературных кружков. О том, как они живут, чем дышат, кто и как ими руководит, общечеловечность только поставила очередной вопрос...»

Сама по себе тяга к созданию таких кружков в заметке объявлена явлением «здоровым и нужным», разумеется, при условии правильного руководства со стороны школьного, комсомольского и партийного начальства. Автор заметки не без иронии пишет, что такие кружки для большинства станут и началом, и окончанием литературной карьеры, но вместе с другими формами самодеятельности литературные кружки могут играть «плодотворную роль в деле культурного воспитания нашего юношества». Автор признает, что никто не знает, какую роль подобные кружки играют в настоящий момент, и нужно тщательно знакомиться с их методами и результатами работы. Смотр школьных рукописных журналов должны были провести совместно Иркутский филиал Сибирского союза писателей и редакция газеты «Власть труда»: «Предполагая созвать эту конференцию в конце марта, мы обращаемся ко всем руководителям литкружков и редколлегиям школьных журналов с предложением зарегистрироваться в редакции “Власти труда” у т. Молчанова, комната № 2 не позже 20 марта. Туда же к этому сроку следует сдавать вышедшие номера школьных журналов».

До самого конца марта извещение о проведении конференции в газете не появилось. 17 марта приглашение — или приказ, если учитывать слово «должны» — было повторено еще раз: «Литкружки и редколлегии журналов школ 2 ступени должны зарегистрироваться не позже 25 марта. Регистрация перед предстоящей конференцией проводится ежедневно в часы работы в редакции “Власть труда”, комната № 2, у тов. Молчанова»⁶².

В середине июня на последней странице появилось крохотное извещение: «Школьные литературные журналы можно получать ежедневно со вторника в рабочем отделе газеты в часы занятий»⁶³.

В марте и апреле «Власть труда» продолжала бороться с правым уклоном и кулаками, проводила смотры и совещания рабкоров, критиковала кожевенную фабрику за низкое качество кожи. Газета увлеченно участвовала в чистке страховых касс от антисоветских элементов, и уже спустя месяц пенсий были лишены более 40 «бывших офицеров, домовладельцев и царских прихвостней».

В начале апреля студенты хозяйственно-правового факультета заявили о намерении издать свой журнал⁶⁴, договорились об изготовлении тиража в типографии «Власти труда» и даже анонсировали объем и цену — 5 листов (80 страниц), для студентов 45 копеек, для всех прочих покупателей — 1 рубль. («Власть труда» в этот момент стоила 5 копеек за номер, подписка на один месяц обходилась рабочим, служащим, красноармейцам и кулакам в 70 копеек, нетрудовым элементам — 1 рубль. Журнал «Смена» при объеме 20 страниц и периодичности два номера в месяц стоил 10 копеек за экземпляр — то есть иркутские студенты подняли планку достаточно высоко.) Содержание должно было соответствовать цене: «В нем будут помещены общие и исследовательские

⁶² Власть труда. — 1929. — 17 марта.

⁶³ Власть труда. — 1929. — 18 июня.

⁶⁴ Власть труда. — 1929. — 14 апреля.

статьи и работы студентов по вопросам экономики и права с местным краевым уклоном. <...> Журнал как первая попытка в Иркутске обещает быть интересным». «Тираж ограниченный», — отмечает автор заметки для дополнительного привлечения внимания читателей.

Журнал «В борьбе за кадры» действительно вышел в свет в последние дни мая или первые числа июня 1929 года. В нем были опубликованы 23 статьи⁶⁵, авторами которых были в основном студенты. Несмотря на то что все было обставлено очень серьезно и у редакции даже было собственное помещение и время приемов («канцелярия хозправфака, с 1 до 3 часов»), заметного следа в истории Иркутска журнал не оставил.

1-я городская конференция студкоргов, проведенная в конце апреля⁶⁶, выявила очередной рукописный журнал — на этот раз студенческий журнал иркутского политехникума под названием «Шурф». Автор заметки, в которой упомянут журнал, некто Мих. Забайкальский, отметил, что журнал «написан абсолютно политически безграмотно и не выдержанно», «больше половины рассказа, который занимает восемь страниц, занято смакованием полового вопроса по рецептам Малашкина и Гумилевского⁶⁷». Вероятно, корреспондент сильно польстил авторам провинциального любительского журнала и одновременно дал понять, что редакция в курсе самых современных тенденций в советском литературоведении. Тем не менее автор не призывает к репрессиям против журнала «Шурф», а студкоровская конференция вписала в свою резолюцию пункт о желательности издания общеузовского студенческого журнала.

Маловероятное допущение

Студенческий журнал в Иркутске так и не появился. В 1930 году «Власть труда» была переименована в «Восточно-Сибирскую правду», а для молодежи начали издавать газету «Восточно-Сибирский комсомолец». Журнал «Черные крылья», как и его собратья, постепенно был забыт, но вполне можно допустить, что вся эта история оставила след в памяти заведующего отделом «Труд и рабочая жизнь» «Власти труда» Ивана Ивановича Молчанова⁶⁸ — того самого, который в кабинете № 2 должен был собирать школьные журналы и регистрировать их редакции.

В 1933 году Молчанов, уже избранный ответственным секретарем Иркутского отделения Союза писателей, начал сотрудничество с пионерским литературным кружком при школе № 6. Итогом этого сотрудничества стала известная в советское время книга «База курносых»⁶⁹ — первая в СССР коллективная книга, написанная и проиллюстрированная детьми.

⁶⁵ Власть труда. — 1929. — 7 июня.

⁶⁶ Власть труда. — 1929. — 24 апреля.

⁶⁷ **Малашкин Сергей Иванович** — русский советский писатель, член РСДРП(б) с 1906 года, участник революций 1905—1907 и 1917 годов. В конце 1920-х подвергался нападкам критики за осуждение негативных сторон НЭПа. Тем не менее благополучно пережил период репрессий, много и успешно работал в послевоенные годы. **Гумилевский Лев Иванович** — писатель-беллетрист, публиковался с 1914 года. Наиболее популярной книгой считался роман «Собачий переулоч», вызвавший большие споры в комсомольской и вузовской среде из-за того, что автор пытался в художественной форме ставить вопросы половой этики и морали молодого пореволюционного поколения. Гумилевский был крайне плодовит и только в 1925 году опубликовал 13 книг. В частности, «Смена» в 1926 году в нескольких номерах опубликовала повесть «Хозяева».

⁶⁸ **Молчанов Иван Иванович** (1 мая 1903 г. — 1 апреля 1958 г.) — поэт и прозаик, многолетний руководитель Иркутского отделения Союза советских писателей. Автор многочисленных прозаических и поэтических произведений, в том числе более 20 книг для детей. Публиковался под псевдонимами Олег Имов, Иван Молчанов-Сибирский. Его имя присвоено Областной библиотеке.

⁶⁹ База курносых: пионеры о себе. — Иркутск: ОГИЗ, 1934. — 86 с.: ил.

Станислав ЕРМОЛЕНКО
Сергей ПЕТУНИН
Ангелина ЮМИНА

ИЗДАНО В НОВОСИБИРСКЕ. 1941—1945*

Великая Отечественная война — особая страница в истории нашей страны. Эти пропитанные кровью годы оставили свой отпечаток на всех областях жизни российского народа. Не остался в стороне и Новосибирск, казалось бы, такой далекий от полей сражений город.

В тяжелые военные годы для жителей области и эвакуированного в наш город населения продолжала работать Новосибирская областная научная библиотека. В фонде отдела ценных и редких книг библиотеки сохранилось уникальное свидетельство того времени — коллекция книг и брошюр, изданных в городе в годы Великой Отечественной войны¹. Эти издания, чаще всего представляющие собой небольшие брошюры-сборники, донесли до нашего времени неповторимую атмосферу военных лет. Напечатанные на плохой бумаге, но значительными тиражами (в отдельных случаях до нескольких десятков тысяч экземпляров), новосибирские издания 1941—1945 годов были предназначены главным образом для массовой аудитории.

Основную часть этой книжной коллекции составили издания прикладного, практического значения, в которых публиковались решения партийных органов по оптимизации работы промышленности и аграрного сектора, методические рекомендации по увеличению эффективности сельскохозяйственных работ. Но есть среди новосибирских изданий военного времени и сборники стихов, художественной прозы и публицистики. Совершенно особое место среди них заняли те, где под одним переплетом произведения сибирских авторов были напечатаны вместе с текстами именитых советских писателей, поэтов, ученых из Москвы и Ленинграда. Так в области книгоиздания и литературы выразилась главенствующая для военного времени идея единства центра и провинции, фронта и тыла, сплоченности всей страны в борьбе с врагом.

Выраженные в сталинских приказах и публичных выступлениях идеи поддерживали и воплощали в жизнь на местах многочисленные партийные организации разных уровней. Идея самоотверженного служения тыла для достижения фронтовых побед, продвигаемая партийными организациями на местах,

* Исследование выполнено в рамках деятельности Новосибирского регионального центра по работе с книжными памятниками (Федеральная целевая программа «Культура России (2012—2018)», подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации»).

¹ Благодарим сотрудников отдела основного книгохранения Новосибирской государственной областной научной библиотеки (начальник отдела С. Д. Филатова), а также Т. А. Понасенко и Н. М. Образцову за организационное содействие в формировании коллекции, Н. И. Васильеву, Г. П. Рыбину, Е. В. Саженину, К. Н. Митрофанову за ценные советы и замечания, сделанные в процессе работы над данной статьей.

приобрела форму социалистических соревнований: в промышленности — между отдельными бригадами рабочих, в аграрной сфере — между колхозами. Передовики сельского хозяйства Купинского и Тогучинского районов Новосибирской области первыми во всей Сибири активно включились в процесс социалистического соревнования².

Эшелоны с военно-промышленной и сельскохозяйственной продукцией один за другим уходили из восточных регионов страны в центр и прифронтовые зоны. Но в первую очередь Сибирь питала фронт своими человеческими ресурсами: в эти годы на поля сражений была призвана большая часть мужского населения.

Ответное внимание центра к провинции, усиление ее материально-технической и общественно-культурной мощи зачастую носило вынужденный и кратковременный характер. Это отчетливо выразилось не только в промышленности военного периода (эвакуированные предприятия), но также в области культуры: временно перемещенные на Урал и в Сибирь учреждения науки и культуры, музейные коллекции и книжные собрания ожидали мирного времени для возвращения в «столичные» города.

Исторические взаимосвязи центра и периферии, духовной культуры «столиц» и провинции — тема, волновавшая не одно поколение краеведов, историков, литературоведов. Для описания взаимных историко-культурных притяжений центра и периферии наилучшим образом подошла концепция «культурных гнезд». Первым, кто ввел понятия «культурное гнездо» и «литературное гнездо» в научный обиход, был историк и литературовед Н. К. Пиксанов³. Он подчеркивал невозможность глубокого осмысления общерусских процессов развития культуры без учета областных тенденций. Впоследствии областной подход в историко-культурных исследованиях стал развиваться в различных направлениях. Одни исследователи при описании областной истории ориентировались на периоды подъема и интенсивного развития духовной жизни провинции, когда некоторые явления региональной культуры становятся небезразличны для центра и вливаются в общерусский культурный поток⁴. Другие ученые акцентировали внимание на совокупности специфических особенностей провинциальной культуры, которые отличают духовную жизнь на периферии от таковой в центре⁵. Современная трактовка понятия «культурное гнездо» объединила оба направления: теперь этот термин используется для описания взаимообратных влияний — включения лучших образцов провинциальной культуры в общерусский исторический процесс и ответного влияния «столичной» культуры на «уездную»⁶.

² Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг.: деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. — Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1966. — С. 177-178.

³ Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. — М., 1923. — С. 8-10.

⁴ Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. — [Н.-Новгород]: Нижполиграф, 1923. — С. 119; Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. — 1928. — Т. V, № 3. — С. 131.

⁵ Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. — 1928. — Т. V, № 6. — С. 321; Богданов Вл. Вл. Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краеведных материалов // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. — [Н.-Новгород]: Нижполиграф, 1923. — С. 126.

⁶ Дергачёва-Скоп Е. И. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс] / Е. И. Дергачёва-Скоп, В. Н. Алексеев // Сибирская Займка: история Сибири в научных публикациях. Режим доступа: <http://zaimka.ru/dergacheva-concept> (дата обращения 4.04.2015).

Таков вкратце механизм жизнеустройства провинциальных «культурных гнезд» и культурного обмена между центром и периферией в мирное время. Крупные военные конфликты, охватывающие все сферы жизни централизованного государства, заставляют этот механизм работать несколько иначе. В военное время всякая провинция почти неизбежно воспринимается центром как «культурное гнездо». Для «столичных» городов, во время войны требующих обеспечения собственной жизнедеятельности и бесперебойного снабжения фронтовых зон всем необходимым, важным становится любой потенциал регионов: от промышленных и сельскохозяйственных мощностей до различных общественно-культурных, литературных, художественных возможностей и инициатив, используемых в агитационно-патриотических целях для поддержания высокой работоспособности населения и поднятия его боевого духа. Но в те моменты, когда военный кризис начинает ослабевать и центр вновь крепнет в хозяйственном и общественно-культурном отношении, внимание к провинции ослабевает.

Подобная ситуация сложилась и в сибирском книгоиздании. Историки книги уже неоднократно отмечали, что в 1941—1942 годах в Новосибирске и других крупных городах Сибири, вопреки ожиданиям военного времени, наблюдалось расширение издательской деятельности. Одной из серьезных предпосылок для этого стало укрепление материально-технической базы сибирского книгоиздания за счет эвакуации из западных регионов страны полиграфического оборудования, а также дополнительных поставок бумаги. В частности, в Новосибирск были перевезены печатные станки из типографий Москвы, Полтавы, Карело-Финской ССР. Но уже в 1943 году ситуация серьезно меняется: в освобожденных от немецкой оккупации районах СССР начинается процесс восстановления многих отраслей хозяйства, в том числе типографского дела и книгоиздания. Значительная часть типографских машин возвращается из Новосибирска и всей Сибири в освобожденные районы. В этот период стремительно падает количество изданий, вышедших в сибирских городах, значительно сокращаются их тиражи⁷.

Но если печатные станки в соответствии с меняющимися военно-экономическими обстоятельствами были реэвакуированы из Новосибирска, то тексты сибирских и столичных авторов навсегда остались в новосибирских изданиях 1941—1945 годов.

В год 70-летия Победы, желая напомнить читателям «Сибирских огней» о некоторых литературных интересах сибиряков в годы Великой Отечественной войны, мы публикуем после настоящего очерка избранные тексты, изданные в то время в Новосибиргизе — Новосибирском областном государственном издательстве.

Среди публиковавшихся в военном Новосибирске авторов — сибирские писатели, поэты, драматурги, журналисты, общественные деятели: А. Л. Коптелов, Л. Н. Кондырев, Е. К. Стюарт, Л. Н. Мартынов, И. Г. Зобачев — всех и не перечислить, а также именитые деятели литературы и науки, такие как писатель А. Н. Толстой, поэт М. В. Исаковский, биолог академик Б. М. Завадовский, крупный партийный деятель Г. Ф. Александров, специальный корреспондент

⁷ Савенко Е. Н. Книжное дело в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / науч. рук. В. Л. Соскин. — Новосибирск, 1993. — С. 9-10; Савенко Е. Н., Артемьева Е. Б., Соболева Е. Б. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 2004. — Т. 4: 1931—1962 гг. — С. 146-153.

газеты «Правда» О. Курганов, печатавшиеся в основном в центральных издательствах. Но вне зависимости от места написания, все эти тексты, изданные в столице сибирского тыла, составили наиболее актуальный именно в период военного времени круг чтения жителей Новосибирска.

В самом начале войны в Новосибирске перестали печататься многие периодические издания, даже выпуск «Сибирских огней» на недолгое время прекратился. Постоянно выходила только областная газета «Советская Сибирь» и районные газеты. «Советская Сибирь» в годы войны сильно изменилась. Ее тираж был сокращен, некоторое время газета выходила объемом всего в две полосы.

В кратчайшие сроки были пересмотрены тематические планы издательств, на первое место выступила массовая агитационно-патриотическая литература, разъясняющая справедливость освободительной борьбы советского народа на фронтах и в тылу.

В пропагандистских изданиях, выходивших тогда в Новосибирске, встречаются очень тревожные заголовки, наполненные несокрушимой ненавистью к врагу. Например, в 1941 году Новосибиргиз выпускает шестнадцатистраничную антифашистскую брошюру «Как людоед Гитлер хочет превратить советских крестьян в немецких рабов»⁸. Автор этого текста — Иван Зобачев, литератор, издатель, организатор общедоступных библиотек на Алтае, в годы войны руководитель сектора печати Новосибирского обкома ВКП(б) и комитета по радиовещанию Новосибирского облисполкома⁹. Известный сибирский писатель Афанасий Коптелов неоднократно называет его имя в своих воспоминаниях¹⁰.

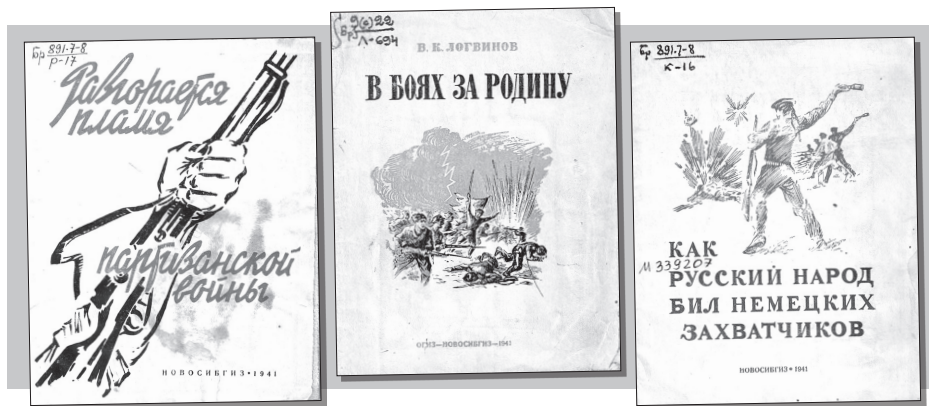
Главные темы агитационной литературы — превосходство советской армии над силами врага и неизбежный разгром фашистских оккупантов. Антигитлеровская пропаганда описывает врага, используя крайне агрессивные отрицательные образы — «стая бешеных псов», «шайка разбойников». Захватчики изображены трусливыми и несообразительными, покидающими поле боя при первой возможности. Новосибирские издания буквально пропитаны чувствами гнева, ненависти, отвращения к бесчеловечности врага. В 1942 году в Новосибирске тиражом 15 тысяч экземпляров выходит очерк «Фашизм — враг науки, культуры и цивилизации»¹¹. Автор очерка — эвакуированный в октябре 1941 года из Москвы в Омск именитый советский биолог академик Борис Завадовский, основатель и директор Биологического музея имени К. А. Тимирязева. В тексте очерка сквозь научную аргументацию Завадовского-академика постоянно проступает патриотический настрой Завадовского-гражданина: «Согласно расовой теории германского фашизма, только северо-германская, “нордическая”

⁸ Зобачев И. Как людоед Гитлер хочет превратить советских крестьян в немецких рабов. — Новосибирск: ОГИЗ — Областное издательство, 1941.

⁹ Посадсков А. Л. Зобачев Иван Григорьевич // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск, 2003. — С. 355.

¹⁰ Коптелов А. Дни и годы (Из книги воспоминаний) // Сибирские огни. — 2000. — № 3 (май — июнь). — С. 194-195, 200.

¹¹ Завадовский Б. М. Фашизм — враг науки, культуры и цивилизации. — Новосибирск: ОГИЗ — Новосибиргиз, 1942.

или “арийская” раса должна рассматриваться как “высшая раса”, имеющая права называться “человеками”. Все остальное человечество должно быть отнесено к категории “низших рас” или, как презрительно называет их обербандит Гитлер, “получеловеков”, “недочеловеков”»¹².

Эти слова Б. М. Завадовского вовсе не были пустой риторикой, пропагандистской данью времени и проявлением лояльности ученого в отношении партийных указаний. Борис Завадовский неоднократно проявлял свою принципиальную научную и гражданскую позицию, даже если она расходилась с мнением многих и ставила под угрозу его карьеру как организатора биологической науки и популяризатора ее лучших достижений. Не стала исключением, например, та стратегия поведения, которую академик выбрал в 1948 году на знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ: Борис Завадовский был одним из немногих крупных ученых, высказавшихся категорически против «научной» концепции пропартийного академика Трофима Лысенко, на многие годы задержавшей развитие отечественной генетики. Последствия не заставили себя ждать: в том же году Б. М. Завадовский был снят с заведования кафедрой экспериментальной биологии и дарвинизма Московского городского педагогического института и с поста директора Биологического музея¹³.

В 1942 году, когда вышло в свет новосибирское издание очерка Б. М. Завадовского, исход войны вовсе не был очевиден. Каждый автор, высказавший в те годы публично, а особенно в печати, свою антифашистскую позицию, ставил под угрозу собственную жизнь. Антифашистская агитация стремилась воздействовать не только на чувства читателей, но и обращалась к логике, здравому смыслу. Абсолютная уверенность в уязвимости врага обосновывалась с экономических, политических, стратегических позиций, агитационные тезисы были подкреплены внушительным количеством фактов: «Число годных к военной службе [в Германии] 15—16 млн. человек. Может ли Гитлер все 15 млн. поставить под ружье? Нет, не может. Опыт первой мировой войны показал, что на одного солдата под ружьем в тылу работало 2—3 человека. <...> В современной войне, по данным английских экономистов, на одного солдата на фронте в тылу должны работать 6—7 человек, в том числе 3 человека квалифицированных рабочих. <...> Для Германии эта цифра выразится в 35—40 млн. человек.

¹² Там же. — С. 3.

¹³ Касаткин М. В. Академик Борис Михайлович Завадовский: к 110-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / М. В. Касаткин // Биология: журнал Издательского дома «Первое сентября». — 2005. — № 10. Режим доступа: <http://bio.1september.ru/article.php?ID=200501005> (дата обращения 18.01.2005).

<...> Отсюда можно сделать такой вывод: баланс рабочей силы в гитлеровской Германии напряженный, людские ресурсы для мобилизации иссякают, а политико-моральное состояние трудящихся и вооруженных сил, в связи с затяжной войной и тяжелым материальным и продовольственным положением Германии, весьма неблагоприятно»¹⁴.

«Интеллектуальная пропаганда» занимала в новосибирских изданиях если не ключевое, то весьма заметное место. Помимо цитированных работ к ней можно отнести два интереснейших очерка: «Кровь народа» писателя Алексея Толстого и «Великая Отечественная война советского народа» Георгия Александрова — крупного партийного деятеля, философа и социолога, в годы войны возглавлявшего Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)¹⁵. Первый очерк был опубликован в газете «Красная звезда» от 19 октября 1941 года, второй — в «Правде» от 28 октября того же года. Спустя буквально несколько дней после выхода в центральных периодических изданиях оба очерка были выпущены в Новосибирске отдельной брошюрой (сдана в набор 31 октября 1941-го и в тот же день подписана в печать).

Невольно задерживая взгляд на некоторых фрагментах очерка А. Н. Толстого «Кровь народа», не перестаешь удивляться цикличности истории, события которой, сопровождаемые разными обстоятельствами, повторяются с завидной периодичностью. Проводя параллель между первой и второй мировыми войнами, писатель замечает: «Немцы тотчас же, вероломно и подло, нарушили условия договора 1918 года. Известен их план — присоединения навечно Украины, Донбасса и Крыма, овладения Черным морем, Кавказом, Месопотамией, Персией и вторжение в Индию. Пригрозив Москве ультиматумом, они потребовали передачи им Черноморского флота. <...> И вот перед нами стоят новые жертвы, и снова — то же решение: отдать всего себя, все силы для победы»¹⁶. Все те же зоны конфликтов отмечены красным на геополитической карте современного мира. Очерки А. Н. Толстого и Г. Ф. Александрова, во многом актуальные для нашего времени, публикуются ниже.

Немедленный живой отклик на происходящие события — одна из главных задач советского книгоиздания военного времени, особенно в первый год Великой Отечественной войны. Литературный Новосибирск оперативно реагирует

¹⁴ Дерягин Я. Могучая коалиция великих держав против Гитлеровской Германии. — Новосибирск: ОГИЗ — Новосибиргиз, 1942. — С. 10-11.

¹⁵ Суходеев В. В. Сталин: энциклопедия / предисл. Г. А. Зюганова. — М.: Алгоритм, 2013. — С. 38-39.

¹⁶ Толстой А. Кровь народа // Александров Г. Великая Отечественная война советского народа / Г. Ф. Александров. Кровь народа / А. Н. Толстой. — Новосибирск, 1941. — С. 11-12.

на текущие военные события. Стихи местных поэтов появляются на страницах газет почти мгновенно, часто на следующий день после их написания.

Секретарь Новосибирского бюро Союза советских писателей Александр Смердов информирует Президиум Союза писателей СССР: «22/VI 1941 г. ряд наших поэтов написали новые стихи и 23/VI 1941 г. они уже были опубликованы в газетах»¹⁷. В тот же день писательская организация Новосибирска объявляет мобилизацию собственных сил и поручает бригаде писателей «составить для издания сборник отрывков из произведений классической и современной литературы, показывающих патриотизм и героический дух русского народа»¹⁸.

В отчете 1942 года о работе Новосибирского отделения Союза советских писателей секретарь отделения Афанасий Коптелов сообщает: «События требовали немедленного отклика. И война стала темой почти всех наших писателей. В очерках, небольших рассказах, в стихах и песнях писатели и поэты популяризовали и прославляли героику фронта. С первых дней войны писатели стали готовить

сборник «За честь Родины», 27 октября 1941 г. сборник был сдан в набор. Через 3 месяца после начала войны был сдан в производство сборник (с нотами) новых военных песен «Взвейся, песня боевая». Потом вышли сборники «Сибиряки на фронте», «Отвага», альманах «Огневые дни», а всего за отчетный 1941/1942 год «в Новосибирске выпущено 29 книг новосибирских писателей, из них 3 альманаха, 5 сборников <...> и 21 книга отдельных писателей»¹⁹, в том числе сборники рассказов с «говорящими» заглавиями: «Родная кровь» Афанасия Коптелова, «Возмездие» Бориса Емельянова, «Высота С» Эсфири Якуб.

Пожалуй, самое яркое впечатление на читателя может произвести военно-биографическая проза, представленная в новосибирских изданиях тыловыми и фронтовыми очерками — назидательными рассказами о трудовых и военных подвигах советских граждан в Великой Отечественной войне.

Много внимания в этих текстах уделено выдающимся примерам солдатского мужества. Вот как описан подвиг 28 бойцов в неравном бою у деревни Петелина:

«В тот день Клочков первый заметил направление движения танковой колонны и поспешил в окоп.

— Ну, что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!

Люди улыбнулись. <...>

Тридцать минут идет бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая голыми руками его стальные плиты. Прямо под дуло вражеского пулемета идет, скрестив на груди руки, Кужебергенов и падает замертво. <...> Убит Клочков. Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, голова к го-

¹⁷ Из информации Новосибирской писательской организации в президиум Союза писателей СССР о своей деятельности в первые дни войны, 4 июля 1941 г. / А. Смердов // Управление культурой Сибири в условиях советской системы (1918—1991 гг.). — Томск, 2011. — С. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Из отчета о работе новосибирского отделения Союза советских писателей в годы Великой Отечественной войны, 1942 г. / А. Коптелов // Управление культурой Сибири в условиях советской системы (1918—1991 гг.). — Томск, 2011. — С. 69.

лове, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: “Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...”

Он не кончил фразы и застыл. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле брани»²⁰.

Рядом с рассказами о героях нередко даны изображения изменников Родины. Их портреты описаны по-своему колоритно: «Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: “Сдавайсь!” Он стоял жалкий, дрожащий, отвратительный в своей рабьей трусости. Перед кем падаешь на колени, тварь? Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама родина покарала отступника»²¹.

Неповторимы женские образы Великой войны, реальные и вымышленные. Исчерпывающе и красноречиво сказано о роли женщины в военные годы: «И никакие муки, никакие пытки не устрашают советских женщин. Становятся они в ряды партизан — идут молодые и старые, идут матери, давшие сыновей Красной Армии, и молодые девушки, не окончившие еще школу, комсомолки и беспартийные. Идут крестьянки, работницы и интеллигентки, идут из городов и деревень»²².

Многочисленны и разнообразны портреты женщин, вставших на защиту родины наравне с мужчинами: «Двадцать лет провела здесь трудовых и счастливых. Они не оставили почти следа на лице красивой женщины. Ее волосы лоснятся золотом пшеницы, ее глаза улыбаются лазурью неба.

А теперь снова буря шумит над родиной. Спокойно, без слез, без ропота женщина шьет мешки, отправляет детей своих на Восток. Они уже большие, чтобы устроиться среди своих на родной земле. И она берет уверенной рукой винтовку и идет в лес...

Черные тучи над Полтавиной еще не рассеялись. Еще давит немецкий сапог широкие урожайные поля. Где же теперь она, та, ясноволосая?»²³

Вершиной женского героизма показан подвиг партизанки Александры Мартыновны Дрейман, не пожелавшей выдать партизанский отряд даже ради спасения жизни своего новорожденного сына. Ее невымышленная история описана в очерке «Мать»²⁴, созданном Оскаром Кургановым — писателем, сценаристом, специальным корреспондентом газеты «Правда»²⁵. Александра Дрейман стойко переносит все новые и новые изощренные пытки немецких захватчиков: ее, беременную, бьют «тяжелым кованым сапогом» на допросах, целую ночь заставляют раздетой ходить по заснеженным улицам, немцы умертвляют ее новорожденного сына. Принимая мученическую смерть от фашистов, она не теряет веры в победу своего народа над врагом. В сердце каждого читателя отзывается ее «предсмертный клич»: «Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?!»²⁶ Историю Александры Дрейман, описанную О. Кургановым, мы публикуем ниже целиком.

²⁰ Кривицкий А. О 28 павших героях // Богатыри отечественной войны. — Новосибирск, 1942. — С. 8-9.

²¹ Там же.

²² Василевская В. Советская женщина // Женщина в боях за Родину. — Новосибирск, 1942. — С. 7.

²³ Там же. — С. 5.

²⁴ Курганов О. Мать // Женщина в боях за Родину. — Новосибирск, 1942. — С. 13-17.

²⁵ Оскар Курганов — творческий псевдоним, настоящее имя — Оскар Иеремеевич Эстеркин. См.: Кино: энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. — М.: Советская энциклопедия, 1986. — С. 222-223.

²⁶ Курганов О. Мать // Женщина в боях за Родину. — Новосибирск, 1942. — С. 17.

Неутомимой труженицей русская женщина изображена в тылу: «Женщины пахали, косили, метали сено, т. е. делали так называемую “мужскую” работу, и делали не хуже, а часто лучше мужчин»²⁷. Издатель, журналист и партийный работник Израиль Гольдберг²⁸ так описывает подвиг, каждодневно совершаемый женщинами на сельскохозяйственных работах в районах Новосибирской области: «В колхозе им. Ленина, Купинского района, пахарь тов. Орлова на паре быков ежедневно вспахивала по 1,3 гектара. В Северном районе в колхозе им. Карла Маркса тов. Капитолина Филаретовна Голубцова на закрепленных за нею лошадях на вспашке выполняла 110 % нормы, на вывозке кормов — 150 % и лошади у нее находились в хорошем состоянии»²⁹.

Личность в тылу важна не меньше, чем на линии огня. Тыл — второй фронт. По сути, это две главные мысли производственных тыловых очерков, рассказывающих о труде советского человека на благо фронта. Запоминаются образы передовиков тыла: «Замечательный мастер горного дела тов. Шайтаров любит шахту, как моряк любит свой корабль, летчик — свой самолет. Только на винтовку согласился бы Григорий Севастьянович променять свое любимое дело, чтобы бить немцев. <...> Горячей ненавистью к врагу полно сердце старого шахтера. <...> Уже не молод Григорий Севастьянович, а просился записать его добровольцем. Еще крепка рука, и глаз не изменит»³⁰.

Труд рабочего — тоже подвиг, как и труд солдатский. Умелый токарь, мастеровой работник угольной шахты гордо именуется «солдатами тыла», а труд их полон поэзии — даже звенящий шум заводов представляется авторам тыловых очерков «грохочущей музыкой» производственных цехов³¹.

Процесс трудового соревнования, описанный в военно-биографических сборниках, полон накала и нравственного драматизма. Так, в очерке 1942 года «На больших горизонтах» бригады Родайкина и Старченко ведут упорную борьбу за добычу угля сверх плана. Начальник «проигравшей», не выполнившей план бригады испытывает настоящие муки: «Вожак еще недавно знаменитой бригады, привыкший к почету и уважению, занял место позади всех, в самом дальнем углу зала. Это не было проявлением напускной скромности. Последние полгода заставили бригадира столько перестрадать, что он искренне считал себя последним человеком»³².

В годы войны в Новосибирске, как и в других крупных городах Советского Союза, помимо книг и брошюр выходили пропагандистские и учебные плакаты, транспаранты и листовки, «Окна ТАСС» — агитационно-патриотические плакаты Телеграфного агентства Советского Союза.

Серия военно-патриотических плакатов появилась не только на улицах города. Политические карикатуры печатались в «Советской Сибири». «Окна» выходили со звучными лозунгами и призывами, песнями, частушками, злой сатирой, карикатурами на врага и были весьма популярны у населения. Плака-

²⁷ Гольдберг И. А. Работать так, как работают передовики сельского хозяйства. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1943. — С. 6.

²⁸ Посадсков А. Л. Гольдберг Израиль Абрамович // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск, 2003. — С. 209.

²⁹ Гольдберг И. А. Работать так, как работают передовики сельского хозяйства. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1943. — С. 5.

³⁰ Захарова М. Н. Григорий Севастьянович Шайтаров. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 5.

³¹ Гейман В. Тысячники Сибири: производственные очерки. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 5.

³² Герман А. На больших горизонтах. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1943. — С. 8-9.

ты информировали, агитировали, высмеивали врага, производя на зрителя необычайное воздействие. Современники говорили, что «эти плакаты разили, как снаряды». Основными темами работ были единство фронта и тыла, солдатский долг, бережливость и экономия ресурсов в столь тяжелое для страны время, отклик на особо важные события войны. Типичный плакатный лозунг того времени — «Каждый собранный колос, каждое зерно — удар по врагу».

Не случайно люди, прошедшие военное время, еще долго помнили, какой ценой доставался тогда хлеб. Поставляемое с тыловых территорий на фронт продовольствие по своей военно-стратегической значимости приравнивалось к важнейшим орудиям и боеприпасам, а в текстах военного времени слова «пулемет» и «хлеб» часто встречались на одной странице. И. В. Сталин, Верховный Главнокомандующий и нарком обороны СССР в период войны, в приказе от 1 мая 1942 года отмечает самоотверженный труд тыловиков для будущей победы над фашизмом: «Живя единой жизнью с бойцами нашего фронта, они превратили праздник 1 мая в день труда и борьбы — для того, чтобы оказать фронту наибольшую помощь и дать ему побольше винтовок, пулеметов, орудий, минометов, танков, самолетов, боеприпасов, хлеба, мяса, рыбы, овощей. Это означает, что фронт и тыл представляют у нас единый и нераздельный боевой лагерь, готовый преодолеть любые трудности на пути к победе над врагом»³³.

Лето и осень 1942 года были ознаменованы полной оккупацией немецкими войсками самых плодородных земель Советского Союза — северокавказского и кубанско-донского регионов, Украины. Теперь роль всесоюзных житниц были вынуждены взять на себя Урал и Сибирь.

Для бесперебойного снабжения армии продовольствием и создания государственных резервов хлеба и мяса особое внимание советское правительство уделяло развитию сельского хозяйства в восточных регионах страны — на Урале и в Сибири. На счету был всякий гектар земли, рыбный водоем, крестьяне спасали от дождя и заморозков каждый колос, каждый стог сена.

Повышение эффективности сельского хозяйства в максимально сжатые сроки в Новосибирской области было невозможно без оперативного информирования населения о единых для всей страны решениях и методических указаниях. Поэтому в Новосибирске издавалось большое количество брошюр, посвященных особенностям агротехники и животноводства военного времени, которые молниеносно распространялись по районам области.

В Новосибирском областном государственном издательстве с 1941 по 1945 год выходят из печати сборники постановлений партии и правительства «Важнейшие решения по сельскому хозяйству» и «Важнейшие решения по животноводству». Также Новосибиргиз выпускает многочисленные методические руководства: «Мастера высоких урожаев овощей» (брошюра, посвященная новосибирским передовикам, которые приняли участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке), «Агротехника зерновых в Новосибирской области» (издание, подготовленное Новосибирской государственной селекционной станцией), «Сахарная свекла в Западной Сибири» (автор С. Буряк), «Охрана рыбных запасов в водоемах Новосибирской области» известного томского ихтиолога Б. Г. Иоганзена, «Сушка сена в дождливую погоду» кандидата биологических наук Р. А. Дыдиной. Под эгидой Новосибирского сельскохозяйственного института были опубликованы пособия «За широкое применение удобрений

³³ Сталин И. Приказ Народного Комиссара Обороны 1 мая 1942 года № 130, г. Москва. — [Б. м.]: ОГИЗ — Государственное издательство политической литературы, 1942. — С. 5-6.

на колхозно-совхозных полях» доцента А. С. Радова, «Яровая пшеница в Западной Сибири» кандидата сельскохозяйственных наук С. Д. Гребенникова и многие другие. Их экземпляры сохранены в ценном фонде Областной научной библиотеки Новосибирска.

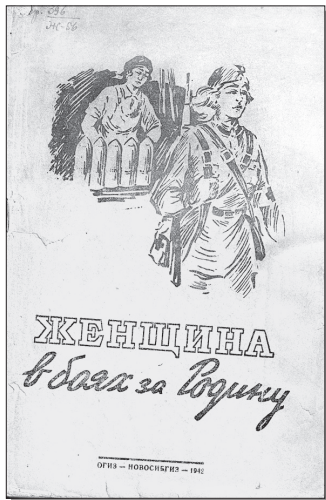
Посредством этих изданий стратегические указания центральных и областных органов власти, а также методические рекомендации ведущих научно-сельскохозяйственных центров оперативно распространялись по районам Новосибирской области. В тяжелейших условиях военного времени такая литература стала востребованной и жизненно необходимой. Тираж каждого издания варьировался в среднем от 5 до 10 тысяч экземпляров. Такие тиражи региональных изданий, очень значительные даже по меркам мирного времени, свидетельствуют о том, что новосибирское книгоиздание было призвано властью оказывать серьезное положительное воздействие на темпы развития экономики военного периода.

Оставшаяся за пределами нашего обзора периодическая печать Новосибирской области (поистине неисчерпаемая тема для исследования) представляет особый интерес. Достаточно упомянуть хотя бы о том, что счастливые и трагические судьбы отдельных людей, описанные на страницах советских газет, не затерялись в грандиозных масштабах героического противостояния народа фашистскому натиску. Например, постоянными в «Советской Сибири» стали рубрики «Сибиряки пишут с фронта» и «Сибиряки в боях». Ежедневно публикуя письма с фронта и на фронт, редакция газеты умело использовала их в целях патриотического воспитания, для укрепления единства армии и тыла.

Читательские интересы новосибирцев в военные годы, конечно, не ограничивались книгами и брошюрами, вышедшими в Новосибирском областном государственном издательстве и других издающих организациях города, а также местной периодической печатью. Фонды Областной научной библиотеки сохранили экземпляры изданий, напечатанных в тот период в Москве и Ленинграде. Многие из них пользовались большой популярностью у жителей Новосибирска. Были широко представлены произведения классиков мировой и русской литературы, книги для детей, центральная периодическая печать, учебная и научная литература. На территорию Новосибирска, конечно, проникали книги, брошюры и отдельные номера периодических изданий, напечатанных в близлежащих городах Сибири — Омске, Томске, Барнауле и других. Но местная печать, обеспечившая самое актуальное, необходимое на тот момент чтение для жителей города и области, стала также свидетельством непростых взаимосвязей центра и провинции в годы войны.

Публикуемые ниже тексты выбраны из различных сборников-брошюр, изданных в городе Новосибирске в военные годы и предназначенных для массового распространения. Тексты собраны нами в три тематических раздела. В первый раздел «Великая Отечественная война советского народа» включены прозаические тексты: военная присяга, очерк А. Н. Толстого «Кровь народа», очерк Г. Ф. Александрова, давший название этому разделу, и фрагменты из агитационно-патриотического сочинения И. Г. Зобачева «Как людоед Гитлер хочет превратить советских крестьян в немецких рабов».

Второй раздел, посвященный героической роли русской женщины в деле победы над фашистской Германией, включает прозу и стихи. Ключевым текстом раздела является очерк О. Курганова «Мать». В качестве заглавия разделе-

ла выбрано название сборника «Женщина в боях за Родину», вышедшего в Новосибирске в 1942 году.

В третий, заключительный раздел вошли тексты сибирских поэтов, публиковавшихся в литературном альманахе «Огневые дни». Альманах начал выходить в 1942 году на базе «Сибирских огней». С третьего номера в 1943 году он вновь называется «Сибирские огни»³⁴. Главным героем публиковавшихся произведений был сражавшийся с фашизмом народ. Редакция альманаха старалась использовать малейшую возможность для публикации произведений сибирских писателей и поэтов, воевавших в составе различных частей и соединений, в особенности молодых авторов, широкой публике неизвестных. На страницах этих военных выпусков «Сибирских огней» читатели впервые познакомились с творчеством Б. Богаткова, В. Фёдорова и других.

Тексты подготовлены к публикации С. М. Ермоленко и С. В. Петуниным³⁵. Орфография и пунктуация оригиналов сохранены.

I. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА

Военная присяга³⁶

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

³⁴ Подробнее см.: Яранцев В. В военной шинели альманаха. О литературных сборниках военных лет «Огневые дни» // Сибирские огни. — 2005. — № 5. — С. 200-207.

³⁵ Благодарим сотрудника НГОНБ Т. А. Чепуштанову за техническое содействие в подготовке текстов к печати.

³⁶ Будь до конца верен военной присяге. — Новосибирск, 1942. — С. 2.

Алексей ТОЛСТОЙ

Кровь народа³⁷

Говорили, что Москва сгорела от копеечной свечки. Наполеон, задумывая поход на Россию, не предусмотрел этой копеечной свечки и слишком поздно понял, что огонь ярого воска горит в каждом сердце русского человека, и Россия — не какая-нибудь Пруссия, которая сразу же — при первом ударе под Иеной — покорно стала на колени ради спасения животов своих.

Россия широка, и размах ее жизни широк. Сжигая древнюю Москву, чтобы один пепел достался наполеоновской двенадцатизычной армии, русские спасли свою святыню — отечество: сохранен будет корень — высохнут слезы, заживут раны, и миллионы золотых рук — камень за камнем — заново сложат Москву, богаче прежней.

С наименьшей жертвы началась жизнь молодой, вконец разоренной, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В начале восемнадцатого года пришлось дорогой ценой купить короткую передышку, чтобы собрать разметанные силы страны, создать на смену распавшейся царской армии революционную Красную армию и спасти основное и главное: независимость, где забил источник всечеловеческой правды. Или погибнуть, или завоевать себе право устроить жизнь по правде — так был поставлен вопрос, и все промежуточные компромиссные решения отвергнуты.

Немцы тотчас же, вероломно и подло, нарушили условия договора 1918 года. Известен их план — присоединения навечно Украины, Донбасса и Крыма, овладения Черным морем, Кавказом, Месопотамией, Персией и вторжение в Индию. Пригрозив Москве ультиматумом, они потребовали передачи им Черноморского флота.

В ответ на это черноморские моряки вывели весь флот на рейд в Новороссийске и потопили его. Когда эсминец «Керчь», выполнявший эту операцию, подошел к последнему кораблю — линкору «Свободная Россия» и выбросил торпеду, моряки, стоявшие на «Керчи», сняли фуражки. Линкор, как живой, боролся за жизнь, — сквозь взрывы и потоки воды было видно, как дрожала его мачта. Только после четвертой торпеды он начал погружаться. Моряки утерли слезы и поклялись отомстить за это дело, поклялись победить, не щадя жизней своих.

Меньше, чем в четверть века, наша страна выросла в могучий, неисчислимо богатый Советский Союз, грозный для врага и верный в дружбе для друзей своих. И вот перед нами стоят новые жертвы, и снова — то же решение: отдать всего себя, все силы для победы.

Четыре месяца без нескольких дней длится битва — упорная, ожесточенная и кровавая, какой не знало человечество. Германские армии, мобилизованные для завоевания всего мира, встретили, не ожидая того, жестокого и беспощадного соперника. До сих пор соотношение сил, — вооружения и людской численности, — на стороне немцев. Все заводы Европы готовят вооружение Гитлеру, и даже вводя поправку на бомбардировку его заводов, на саботаж покоренных стран и партизанское вредительство, оружия, в особенности — танков, у него до последних дней было больше нашего.

³⁷ Толстой А. Кровь народа // Александров Г. Великая Отечественная война советского народа / Г. Ф. Александров. Кровь народа / А. Н. Толстой. — Новосибирск, 1941. — С. 11-15.

И все же первая фаза войны — «молниеносной» — была им проиграна. Не удался высокомерный расчет Гитлера: сохраняя свои резервы, возможности только 175 танковых и стрелковых дивизий, разгромить Красную армию и бросить Советский Союз, в отчаянии, на колени, на его немилость.

Эта неудача Гитлера повлекла целый ряд серьезных последствий. Она таила в себе ту же неумолимую логику событий, как и роковая неудача немцев под Марной в 14-м году. Неудача Марны, казавшаяся вначале эпизодом, логически привела к разгрому и капитуляции вильгельмовской Германии.

Неудача «молниеносной» войны вызвала со стороны Гитлера необходимость ввести в бой все свои людские и материальные резервы и перевести Германию и покоренные страны на жесткий, голодный, террористический режим; с нашей стороны это дало нам возможность быстрой мобилизации основных сил Красной армии и военной промышленности, и на шахматной доске истории позволило сделать, — совсем уже неожиданно для Гитлера, — шах королю — трехглавым конем Советская Россия — Англия — Америка.

Вторая фаза войны проходит у Гитлера под угрозой потери инициативы, в системе его стратегического плана получился разрыв, появилась неизбежность зимней кампании, чудовищной растраты людских резервов и вооружения и — в то же время — усиления его противника.

Гитлер теперь ничего не щадит: любыми жертвами он хочет поправить первую неудачу, вернуть время вспять и трупами четырех, пяти, энного количества миллионов немцев загородить своего короля от шаха трехголового коня. Предельным напряжением всех сил он добивается окончания войны до зимних холодов или, уж на худой конец, размещения своих армий на зиму в Москве и Ленинграде.

Немецкие дивизии, укомплектованные мальчишками и почтенными немцами, у кого в сердце только — отчаяние и ужас, — наступают. Румынские, венгерские, итальянские дивизии двинуты туда же — в кровавую бойню. Все это лезет на наши укрепления, дико вопит, отчаявшись в жизни, гибнет, гибнет, и новые волны идут по трупам. Их поят водкой, их понукают наведенными в спины пулеметами. Это нашествие смертников.

Хотел бы я на минутку заглянуть к Гитлеру в его роскошный кабинет или шикарное бомбоубежище... «Что вы думаете делать дальше, немец, каковы ваши перспективы?»

«Русские отступают!» — заорал бы он, раньше чем отправить меня к палачу, чтобы топором отрубить голову.

Красная армия отступает, но Красная армия ни разу не была разбита, вам не удалось ее ни окружить, ни пошатнуть. Не всякий боксер, начавший из последних сил молотить кулаками, не щадя своих скул и носа, выигрывает драку. Тот выигрывает драку — у кого в запасе больше физических и моральных сил. У вас они истрачены, ваш тыл пустой, ваше наступление напоминает августовское наступление Людендорфа в 1918 году, когда он рассчитывал только на чудо — и чуда не совершилось. На какое чудо вы сейчас рассчитываете? Красная армия опирается на могучий тыл и на волю народа к победе, а ваш тыл похож на гнилое дупло. Красная армия вас остановит, на зиму вам придется перейти к обороне и поджимать ножки, как тараканам, выброшенным на снег. В наступление вы бросили все, как неразумный игрок, стиснувший от бешенства зубы. Германский бог вам не поможет и не пошлет крылатых Валькирий для весеннего наступления. Вам придется думать об отступлении и бегстве. В Ленинград вам не удалось ворваться, там триста тысяч немцев уже кормят могильных

червей. Два раза вы пытались наступать на Москву, — под Ельней ваши дивизии были позорно разгромлены, из-под Брянска генерал Гудериан едва унес половину своих танков. Мы не хвастаемся этими нашими удачами, наши удачи впереди. Мы лишь только обнаружили передо всем миром, что немецкая якобы непобедимость пугало для детей. И вот — примите уверение, что Москвы вам не взять. Красная армия и русский народ Москвы немцам не отдадут.

Третье — октябрьское — наступление на Москву немцы естественно и логично должны были начать с успеха: у них в местах удара было подавляющее преимущество в людской силе и танках. Мы потеряли Брянск, Вязьму и Орел. Москва в опасности.

На этом и закончится вторая фаза войны — отчаянного бешеного наступления Гитлера, но не его победой, о чем он уже широко обещал мир, не зимними квартирами немцев на Тверской, Мясницкой и Арбате, не фотографическим снимком самодовольно ухмыляющегося Гитлера у Спасских ворот Кремля! Нет, поход его на Москву закончится нашей великой всенародной победой: в эти грозные дни германские армии будут остановлены перед Москвой и лягут в снега.

Фронт наших отступивших красных дивизий уплотняется и насыщается. Большое количество артиллерии и других огневых орудий стягивается на подступах к Москве. Подходят людские подкрепления. Англия и Америка насытят наш фронт могучим вооружением. На всех заводах Советского Союза усиливается выпуск танков, самолетов, орудий, оружия и боеприпасов. Инженеры и рабочие по несколько суток не выходят из цехов, чтобы поднять круто вверх график выпуска продукции. Русское сердце участило свои удары, и они, как молотом, набатным колоколом раздаются по всей земле. Москва в опасности!

Мы сравниваемся с немцами в самом насущном, — в количестве танков. И Гитлер оттянет руку от трехголового коня, глядящего ему в кошачьи глаза с непоколебимой ненавистью: умри, погибни!

Наши жертвы велики. Разрушены и разорены города, врагом захвачен Киев — мать городов русских, сожжены без числа села и деревни, вытоптаны нивы, миллионы советских людей стонут под игом свирепых завоевателей — немцев, о которых только можно сказать, что они заставили нас и весь мир перестать верить, будто из Германии когда-то шел тихий и чистый свет науки, философии, поэзии и гуманизма.

Нам самим пришлось погубить любимого первенца наших пятилеток. Мы взорвали плотину Днепрогэса. Когда части Красной армии, сдерживая врага, позволили закончить эвакуацию всего имущества, был включен рубильник и красавица плотина, — открывавшая дерзкую и героическую эпоху превращения в пятнадцатилетний срок отсталой России в передовую страну мощной индустрии и механизированного сельского хозяйства, — взлетела на воздух. Днепр хлынул в бреши в 40 метров длиной, и воды его затопили позиции фашистов на правом берегу. Обнажились пороги и черным зубом с днепровского дна снова, как встарь, поднялся Неясыть, преграждая водный путь.

Днепрогэс строил весь советский народ, отдавая свои сбережения, урезывая насущные потребности. Строили его десятки тысяч строительных рабочих, комсомольцы, инженеры, ученые, строили рабочие на заводах Ленинграда, Москвы, Харькова, Криворожья и других городов, строили его и те безвестные граждане, кто за тысячи верст от Днепра ворчали на скудость жизни и все же несли и свою копеечку строящемуся великому будущему страны. Бетон плотины Днепрогэса уложен на трудовом поте всего стасемидесятимиллионного народа.

Днепрогэс дал жизнь огромному комбинату старых и новых заводов — металлургических, механических, алюминиевых, ферросплавов, коксовых, заводов Днепропетровска, Запорожья, Днепродзержинска, Кривого Рога. Днепрогэс поднял воды Днепра, и пароходы побежали от Орши, — через пороги и шлюзы — в Черное море. Киев соединился с морем. Прокатная сталь, алюминий, ферросплавы, кокс пошли на заводы Советского Союза.

Дорого бы дали немцы, чтобы весь Днепровский мощный промышленный узел, вместе с питающим его Днепрогэсом, невредимым попал им в руки. Сколько лишних боевых машин построили бы они, как бы пополнили свои катастрофически тающие запасы сырья, сколько бы добавочно снарядов обрушили на наши головы...

Этого не случилось. «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага... Срывать все его мероприятия... При вынужденном отходе все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться...» — таковы указания товарища Сталина.

Мы взорвали все шахты в Криворожьи, превратили в груды развалин верфи в Николаеве. В городах Днепрогэского индустриального узла взорваны электростанции, водопроводы и трамвайные парки. В этих, еще недавно шумных, городах — пустыня и мертвая тишина, по ночам тьма, и воду немцам приходится возить в бочках из Днепра.

Мы сами уничтожили один из мощных узлов металлургии и промышленности. Немцам не досталось ничего, — развалины, пустые корпуса пустых заводов. Все оборудование заводов Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Кривого Рога, Никополя, все машины, станки, оборудование и ценное сырье было заблаговременно вывезено в глубь страны, в разные промышленные районы, частью смонтировано в новопостроенных корпусах, частью обогатило оборудование действующих заводов. И на сегодня в эвакуированных электропечах уже начинает плавиться сталь, станки точат снаряды и растачивают орудия, на станах прокатываются плиты для танков, гидро- и паромолота куют мощь Красной армии.

Уничтожая своими руками эти огромные ценности, созданные священным трудом народов нашего Союза для своего грядущего счастья, мы не вытирали слез, у нас их нет, их иссушила ненависть. И клятва наша: за гибель — гибель. На гибель себе, на гибель фашистским полчищам заставил Гитлер нас дать эту клятву смерти. Миллионами своих могил покроют немцы все дороги от подступов к Москве до линии Зигфрида.

Но не мы, а Германия будет отвечать за все эти разрушения, за наши жертвы. Мы заставим немцев восстановить наши заводы и города до последнего кирпичика. Так будет справедливо. Теперь уже не наши капли пота, а немецкие будут цементировать бетон новой плотины Днепрогэса, немцы пусть за это благодарят Гитлера.

Немцы несут ответственность за те ужасы, несчастья и разрушения во всех странах, куда вторглись немецко-фашистские орды. Немецкому народу — если он не опомнится и не покончит с кровавым режимом Гитлера, вновь придется пройти по кровавым следам своим, но уже не как воину-агрессору, но потрудиться — восстановить разрушенное и залечить наши раны. Так будет справедливо.

Но жертвы самой большой, но Москвы в жертву мы не принесем. Пусть Гитлер не раздувает ноздри, предвкушая этот жертвенный дым.

Звезды над Кремлем кинжальными лучами указывают русским людям: вперед! Вперед на сокрушение врага! Вперед — за нашу свободу, за нашу великую Родину, за нашу святыню — Москву!

Георгий АЛЕКСАНДРОВ

Великая Отечественная война советского народа³⁸

Уже четыре месяца ведет Советский Союз великую отечественную войну против гитлеровской Германии. Сейчас, в наши дни решается важнейший для судеб человечества вопрос — по какому пути пойдет дальше историческое развитие человечества, удастся ли ордам немецко-фашистских мерзавцев, заливших кровью Европу, отбросить мир к временам средневековья и жестокой инквизиции или современное человечество найдет в себе достаточно сил, мужества, стойкости, чтобы в суровой, напряженной и кровопролитной борьбе, не считаясь с жертвами, которые придется понести ради великой цели, уничтожить коричневое чудовище — гитлеризм — и навсегда освободить человечество от угрозы его истребления и порабощения.

О некоторых особенностях нынешней войны

Войну, которую начал Гитлер со своей шайкой сначала против Польши, Бельгии, Франции, Англии, Греции, Югославии и других стран, а затем против СССР, нельзя считать войной обычной. Эта война имеет свои коренные отличительные признаки.

Первой особенностью нынешней войны является то, что она подготовлена, спровоцирована и начата гитлеровской Германией **против всех народов мира**. Гитлеризм является смертельным врагом не какой-либо одной, отдельно взятой европейской страны — Англии или Бельгии, Югославии или Греции. Гитлеризм такой же враг Франции и французского народа, каким он является для Англии и английского народа, для СССР и советского народа, для Америки и американского народа. Все страны и государства мира, целые континенты в опасности. Перед лицом этой опасности мир объединяется для того, чтобы нанести смертельный удар гитлеризму.

А что война, затеянная Гитлером, есть война против всего мира, об этом свидетельствуют не только фактический опыт последних двух лет войны в Европе, порабощение и истребление европейских народов немецко-фашистскими преступниками, но и откровенные высказывания самого людоеда-Гитлера. Исходя из своего чудовищного положения о том, что будто бы «лишь самая ничтожная часть народов земли состоит из полноценных», Гитлер разработал гнуснейшую программу порабощения европейских стран, а затем и стран других континентов и материков. Вот некоторые характеристики различных народов мира со стороны Гитлера и его сообщников, которые говорят сами за себя: «Английский народ — это выродившееся племя плутократов»; «Северная Америка — настоящий этнический хаос, гнилость, которая далека от того, чтобы вызвать оздоровление»; «нам прежде всего нужно уничтожить Францию, потому что эта недостойная гнусная нация не заслуживает другой судьбы»; «Германия пала бы слишком низко, если бы она в такой момент положила на содействие такой страны, как Италия»; «Япония живет только под влиянием арийцев, без них она зачахнет и впадет в спячку»; «славянин ближе к обезьяне, чем к человеку, его нельзя назвать человеком в полном смысле слова» и т. д.

³⁸ Александров Г. Великая Отечественная война советского народа // Александров Г. Великая Отечественная война советского народа / Г. Ф. Александров. Кровь народа / А. Н. Толстой. — Новосибирск, 1941. — С. 2-10.

Понятно, что подобная идеология гитлеризма наложила свою печать на весь характер современной войны.

Вторая особенность нынешней войны состоит в том, что в ней ведут борьбу не только солдат с солдатом, армия с армией. Речь идет, вместе с тем, о войне всего советского народа, отстаивающего свою жизнь, честь и свободу против шайки фашистских мерзавцев, коварно двинувших свои орды на наши рубежи.

Товарищ Сталин в своей исторической речи по радио говорил: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск». Гитлеровское зверье не имеет другой цели в нынешней войне, кроме грабежа и насилия, разорения наших городов и сел, истребления нашего народа, уничтожения Советского государства и культуры наших народов. Вот почему мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. В этой войне вопрос может стоять только так: либо мы добьемся уничтожения и разгрома фашистской Германии, коварно напавшей на нашу родину, либо немцы зверски истребят наш народ, поработят народы Советского Союза на долгие годы.

Третья особенность нынешней войны состоит в том, что она ведется при помощи новых технических средств, новыми методами, при помощи новой тактики военных действий.

Военная техника, шагнувшая далеко вперед в последние 25 лет, коренным образом изменила характер и темпы военных действий. В прошлую мировую войну главную роль играли боец-пехотинец, вооруженный винтовкой, пулеметом, и полевая артиллерия. В соответствии с этим прошлая война имела свою разнообразную тактику военных действий. Вскоре после 1914 года война превратилась в позиционную, окопную войну. Рубежи, занятые армиями противников, подолгу оставались без существенных изменений. Танки и авиация были применены сравнительно в небольшом масштабе лишь в конце мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

<...> Введение в бой в большом количестве танков, авиации, автоматического оружия, скорострельной артиллерии и моторизованной пехоты сделало военные действия резко отличными от хода сражений в прошлых войнах. Военные действия стали необычайно напряженными, интенсивными, понятие о фронте в старом смысле слова исчезло, фронт превратился в подвижной, а война стала весьма маневренной.

<...>

Четвертой особенностью современной войны между гитлеровской Германией и Советским Союзом является никогда ранее невиданный размах военных действий. История военного искусства не знает подобного масштаба сражений на такой огромной территории и с участием такого большого количества войск. Фронт тянется ныне от Северного Ледовитого океана до Черного моря. В боях с той и другой стороны принимают участие многие миллионы людей. Ожесточенные сражения развертываются на подступах к каждому населенному пункту, на полях и в лесах, у городов и сел, в воздухе и на земле, причем в боевых операциях принимают участие не только армия, авиация и флот, но и все население нашей страны, организуя мужественный отпор наступающему врагу.

И, наконец, следует иметь в виду ту особенность нынешней войны, что благодаря новой технике и тактике ведения войны, вступлению в бой многих

миллионов бойцов с той и другой стороны, огромному протяжению фронта, в том числе протяжению фронта в глубину, стойкости нашей обороны нападающая сторона — гитлеровская Германия несет невиданные в истории прошлых войн потери в необычайно краткие сроки. Потери Германии в войне против нашей страны в отдельные дни равны потерям Германии в прошлой войне, понесенным ею в течение месяцев. Потери Германии в течение месяца равняются году напряженных военных действий в прошлом. Не случайно поэтому немцы потеряли только за три месяца боевых операций против СССР три миллиона солдат и офицеров, т. е. столько, сколько они потеряли за целые два года войны в 1914—1918 годах на всех фронтах.

Провал планов Гитлера

Ограбив более половины Европы, истребив в европейских странах миллионы людей, разорив дотла и залив кровью сотни городов и тысячи сел в Европе, Гитлер выступлением против СССР надеялся в несколько недель опрокинуть советскую армию, разбить ее. Гитлер лелеял мысль об уничтожении советского строя, о превращении граждан СССР в рабов, обрабатывающих поля немецких помещиков под плетью фашистских штурмовиков.

«Враг жесток и неумолим, — говорил товарищ Сталин. — Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью <...> разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов».

Эту коварную цель Гитлер пытался осуществить путем избранного метода, рассчитанного на то, чтобы, во-первых, бить всех своих противников поодиночке и, во-вторых, вести войну так, чтобы неожиданно обрушивать на противника всю огромную военную машину, созданную в Германии за последние годы, всю свою вымуштрованную бандитскую армию.

Делая ставку на изоляцию Советского Союза от всего мира, на объединение Европы в крестовом походе против Советского Союза, гитлеровцы допустили один из роковых своих просчетов, который рано или поздно скажется на ходе и результатах военных действий. Вместо изоляции Советского Союза на деле возник союз СССР с Англией и другими народами для упорной и победоносной войны против гитлеровской Германии. Этот союз активно поддерживается дружественной нам Америкой. Все большее число народов рассматривает борьбу Советского Союза против фашистской Германии как свою собственную борьбу. Эту мысль удачно выразил министр иностранных дел Великобритании г. Иден в своей речи на заседании палаты 23 октября: «Мне не очень нравится выражение “помощь России”. Мне кажется, что не таким путем надо подходить к этому вопросу. Речь идет о помощи общей победе. Все это дело — общее дело, и под этим углом зрения надо к нему подходить».

Гитлеровцы просчитались и в другом. Они просчитались в своих планах на то, чтобы взорвать Советский Союз изнутри, разобщить, разъединить народы нашей страны, посеять среди трудящихся Советского Союза дух неуверенности, тревоги и паники. Вместо разъединения народов СССР война гитлеровской Германии против нашей страны еще больше сплотила трудящихся. <...>

Гитлеровцы просчитались также в своих планах захватить у нас большое количество хлеба, горючего, вывезти в Германию промышленно-заводское и железнодорожное оборудование и т. д. Вместо полных складов зерна и сырья, работающих заводов, продовольственных запасов, нетронутых банков, как это удалось получить гитлеровцам в Бельгии или во Франции, фашисты нашли на занятой территории выжженные поля, уничтоженные склады и закрома, взорванные или пустые фабрично-заводские корпуса с вывезенным из них оборудованием, приведенные в негодность транспортные сооружения без всякого подвижного состава.

Однако самым большим просчетом гитлеровцев явился провал их плана «молниеносной» войны против Советского Союза.

Германия вползла в затяжную мировую войну

Гитлер и его клика думали, что в результате затеянной ими войны «в Европе больше не будет пяти, шести или восьми великих держав, а будет одна всемогущая Германия». Вся военная машина Гитлера, вся экономика Германии, все ее людские и материальные резервы, все ее внешнеполитические комбинации были рассчитаны на так называемую «молниеносную», «тотальную», быстротечную войну. Германская армия, полностью заранее отмобилизованная и до зубов вооруженная, должна была по приказу Гитлера бросаться хищным зверем на свою очередную жертву, на то или иное европейское государство, подавлять это государство огромным численным превосходством и вооружением, добиваясь легкой и быстрой победы. Но, как это очень часто бывает, одно дело — планы, тем более планы авантюристов и зарвавшихся империалистов, какими являются Гитлер и его компания, другое дело — реальная жизнь.

Германия ведет войну уже более двух лет. Германская армия потеряла миллионы своих солдат. Командование гитлеровской армии, видя, как рушатся его расчеты на быструю победу на Востоке, не считаясь с колоссальными потерями людьми и вооружением, бросает в бой под огонь наших войск все новые и новые десятки тысяч своих солдат. После того, как немецкие фашисты развязали войну, для них осталось лишь одно: или любой ценой пробиваться вперед или задержаться на определенных рубежах, испытать на себе всю силу ударов Красной Армии, очутиться перед фактом длительной, затяжной, непосильной для Германии войны и тем самым погибнуть. <...>

Почему Германия не может выдержать длительной войны?

Ответ на этот вопрос нужно искать в состоянии германского тыла и резервов германской армии.

Чем дальше разворачивается на Востоке борьба, тем больше немецких солдат находит себе могилу на полях сражения. Только за две недели октября, за период нового наступления германской армии, немцы потеряли до 300 тысяч своих войск. Целое поколение немцев должно прожить, воспитать и вырастить своих детей, чтобы восполнить гибель тех миллионов немцев, которых заставил умереть Гитлер ради своих преступных целей.

Германия не подготовлена к длительной войне и с точки зрения обеспечения своей армии стратегическим сырьем, особенно горючим. Так, например, имея к началу войны с СССР около 7—8 миллионов тонн горючего и расходуя ежемесячно от двух до трех миллионов тонн, фашистская Германия имела запас горючего самое большее на четыре месяца войны. Что же касается притока горючего

извне, то он был и остается крайне незначительным и не может удовлетворить потребности Германии, особенно в условиях войны.

Не менее важным обстоятельством является крайне неустойчивый тыл фашистской Германии как внутри страны, так и в оккупированных ею европейских странах. Несомненный рост недовольства населения Германии политикой войны, грабежа и насилия, неуклонный рост антифашистских настроений и активной деятельности патриотов, направленной против германских оккупантов в Бельгии, во Франции, Югославии, Чехословакии, Греции и других странах, создают обстановку, которая чревата большими опасностями и неожиданностями для фашистской Германии.

Вот почему фашисты так боятся длительной войны. Они действуют по принципу — пожертвовать всем, лишь бы продвинуться вперед и не быть смятым, уничтоженным логикой затяжной войны.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия в войне

В речи 3-го июля 1941 года товарищ Сталин говорил: «Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

<...> Советский Союз имеет огромные стратегические возможности для ведения длительной войны с любым врагом или любой коалицией врагов. Потеряв значительную территорию, наше государство вместе с тем сохранило основную промышленность занятых немцами районов, эвакуировав фабрики и заводы глубоко в тыл. Многие из этих заводов уже дают армии нужную продукцию. Мудрая, дальновидная политика нашего правительства дала возможность заранее расположить тяжелую металлургическую, военную, химическую и другие отрасли промышленности далеко на Востоке, в недосягаемых для фашистской авиации районах, что делает обеспеченными наши производственные возможности в длительной войне с любым противником.

<...>

Наше дело правое, мы победим!

<...>

Народы Советского Союза уверены в своей окончательной победе.

Война против гитлеровской Германии требует напряжения всех наших сил. Каждый завод, каждая фабрика, каждый колхоз или совхоз, каждое учреждение, каждый гражданин Советского Союза должны строго продумать, все ли они сделали, что могли сделать для укрепления обороны страны, для усиления нашей армии, для организации более могучего отпора врагу. Какие еще возможности есть, чтобы усилить помощь фронту, содействовать тому, чтобы Советский Союз действительно стал единым военным лагерем, организованно и стойко противостоящим напору врага?

История войн между народами и государствами показывает, что в войне, как правило, побеждали те государства и те армии, которые, по словам Ленина, имели более глубокий и более прочный тыл, более сильные внутренние и внешние резервы. Советский Союз является таким государством и имеет такую армию, которая опирается на глубокий и прочный тыл, имеет неисчерпаемые внутренние резервы, увеличивает в ходе войны число своих могущественных союзников и друзей, активно помогающих вести войну против нацистской Германии.

История военного искусства за последние столетия учит, что в ходе длительной борьбы преимущества всегда имели те государства и те армии, которые опирались на более прочное политическое единство своего народа, которые безусловно поддерживались своим народом, черпали в народе новые силы для борьбы, уверенность в победе и желание бороться с врагом до последнего вздоха. Советский Союз опирается на такое морально-политическое единство советского народа в борьбе с гитлеризмом, в то время как морально-политическое состояние населения в Германии изо дня в день ухудшается, становится все более напряженным и тревожным.

История войн учит, что те государства и те армии могут рассчитывать на победу, которые имеют более мощную материальную базу для ведения длительной войны, у кого больше людей, больше материалов, нефти, продовольствия, стратегического сырья. Советская страна, поддерживаемая союзной Англией и дружественной Америкой, имеет более мощную материальную базу для ведения войны, несравненное превосходство в людях и запасах стратегического сырья.

История войн учит также, что в конечном счете в суровой, напряженной и длительной борьбе побеждали те народы, государства и армии, которые защищали исторически прогрессивное, правое дело. Советский Союз представляет в нынешней войне дело прогресса, содействует своей борьбой и деятельностью интересам современного человечества.

Иван ЗОБАЧЕВ

Как людоед Гитлер хочет превратить советских крестьян в немецких рабов³⁹

В захваченных советских районах немцы грабят, жгут, расстреливают

Колхозники Ельнинского района, не успевшие уйти вместе с Красной Армией и оставшиеся под властью немцев, рассказывают, что, как только немцы заняли район, они начали вводить свои свирепые порядки.

Члены колхоза «Октябрь» сообщили: прежде всего фашистские офицеры объявили, что советской власти в селе больше не существует и колхоза больше не будет. Колхозников и колхозниц силой погнали в поле убирать урожай.

Колхозница Прасковья Дударева рассказывает:

«Жнем, а какой-то толстобрюхий фашист, должно быть немецкий барин, наблюдает за нами и орет:

³⁹ Зобачев И. Как людоед Гитлер хочет превратить советских крестьян в немецких рабов. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1941. — С. 9-15.

— Жать, жать быстрее!

Работали с утра до ночи, а он на часы смотрит да домой не пускает. Прошло пять дней. В воскресенье мы хотели привезти снопы и обмолотить. Наутро смотрим: снопов на поле нет.

Тогда мы между собой сговорились делать так: день жать, а ночью молотить и зерно прятать. Обмолотили, а немцы пришли и все зерно забрали.

— А что же нам? — говорили мы.

— Мы вас кормить не намерены, — отвечают. — Вы будете работать, а мы управлять.

— Ведь голодные мы работать не сможем.

— Вы, говорят, свиньи, со свиньями и можете кушать».

Вот какие «порядки» вводят на нашей советской земле фашистские изверги.

Такие сведения поступают из всех районов, занятых немцами.

В захваченных ими районах Кировоградской и Днепропетровской областей немецкие генералы объявили, что все колхозное имущество принадлежит немцам и что все крестьяне, посягнувшие на него, будут расстреляны.

В деревне Цициха на западном направлении на стене дома висел следующий приказ немецких головорезов:

«Приказ. Гражданское население деревни Цициха подлежит немедленной эвакуации. Все лица, не покинувшие деревню к 15.VIII.1941 года 00.00, будут расстреляны. Полковник (подпись) 11.VIII.41».

Приказ этот означает, что жители многих захваченных немцами районов поголовно изгоняются из своих жилищ, причем, как сообщают беженцы, немцы не дают им ничего брать с собой. Все имущество, даже одежда и белье, должно остаться на месте, чтобы было чем поживиться гитлеровским солдатам.

Бандиты гитлеровской армии, как только займут деревню, прежде всего начинают грабить население, а тех, кто сопротивляется, тут же убивают.

В селе Монастырище, Бородянского района, на Украине, немцы забрали у крестьян все продукты, не оставив им даже куска хлеба. У крестьянки Анны Дорошенко, матери трех малолетних детей, немецкий солдат забрал последнюю буханку хлеба. При этом солдат избил крестьянку, а потом арестовал ее «за оскорбление представителя немецкой армии». В селе Шпотьки, того же района, немцы отобрали все до нитки. Забрали не только продукты, но и платье, обувь и вещи домашнего обихода. Среди белого дня немецкие солдаты останавливали прохожих на улице и снимали с них сапоги.

В селе Красное, Обуховского района, Киевской области, немцы застрелили колхозницу Иваненко только за то, что она отказалась отдать им последнего поросенка. В селе Боброво немцы ограбили всех крестьян. У колхозницы Быстровой они забрали даже детскую обувь и белье.

Все грабежи немцы сопровождают зверскими насилиями, расстрелами, истязаниями советских людей.

В Ленинградской области немецкие карательные отряды дотла сожгли деревни Замошье, Заплюсье и многие другие. Поджигая деревни, немцы выгоняли из них крестьян и запрещали им уносить с собой какие-либо вещи. В одной из деревень Лужского района дети колхозников нечаянно порвали телефонный провод одной из немецких частей. Вскоре в деревню явился отряд германских солдат. Немцы согнали на площадь все взрослое население деревни, отобрали пять колхозников и повесили их на глазах остальных граждан.

В течение нескольких дней немцы не разрешали крестьянам снять трупы своих односельчан.

В деревне Захаровке, того же района, немцы повесили 14 колхозников за отказ сообщить местонахождение своих дочерей, которые спасались от насильников. Заняв деревни Юрьево и Березник к западу от Старой Руссы, немцы забрали у населения и убили весь скот и всю домашнюю птицу. Свалив награбленные продукты на подводы, немцы запрягли в них колхозников, в том числе старух и стариков, и заставили везти в соседнюю деревню.

В селе Мединава Слобода, Житомирской области, немцы расстреляли двух девушек за сопротивление офицерам-насильникам. Третья девушка, защищаясь, ударила офицера первым попавшимся предметом. В этот же день немцы-фашисты расстреляли отважную девушку, ее родителей, малолетних братьев, сестер и пять заложников. В селе Липовке неизвестными были убиты два немецких солдата. Фашисты заподозрили одного колхозника в соучастии в убийстве. Они арестовали его вместе со всей семьей и живьем закопали в землю.

Гитлеровские солдаты — это банда грабителей, насильников, убийц

Фашистским гадам доставляет огромное удовольствие издеваться, грабить, бить, расстреливать советских людей.

У одного убитого фашиста взяли записную книжку, в которой он записывал свои похождения. Вот что писал этот изверг:

«28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе.

5 июля. В 10 часов мы были в местечке Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Взламывали двери топорами, ломами. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитаю пользоваться пистолетом».

Другой фашист людоед обер-ефрейтор Иоганнес Гердер пишет в своем дневнике:

«25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся 12 жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Вот каких головорезов воспитал Гитлер за время своего господства в Германии. Это не люди, а дикие звери. Но Гитлеру только такие и требуются для его завоевательных целей. Эти звери в точности выполняют желание своего главаря Гитлера и зверски истребляют советских людей без различия пола и возраста — стариков, женщин, детей.

II. ЖЕНЩИНА В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Оскар КУРГАНОВ

Мать⁴⁰

В городе Уварове, за Можайском, в холодные ноябрьские дни 1941 года немцы замучили и умертвили женщину-партизанку Александру Мартыновну Дрейман и ее новорожденного сына. Она ушла в лес, в отряд, в дождливую ветреную ночь, когда на уваровской площади перед школой уже стояли вражеские танки, а немецкие автомобили двигались к Бородину и Можайску, — то было тревожное время наступления немцев на Москву.

Теперь никто не может припомнить, звали ли Александру Мартыновну в партизанский отряд. За оврагом, у палатки, все увидели эту уже не молодую женщину в ватной тужурке, в больших сапогах и темной косынке. Как человек, привыкший с детских лет к непрестанному труду, она сразу спросила у командира отряда Семёна Хлебутина, что делать. Он усмехнулся и ответил: «Будь хозяйкой нашей...»

Александра Мартыновна засучила рукава тужурки, принесла из спадающего по камням ручья котел воды и с той минуты вошла в привычный жизненный ритм: сушила в землянке над камельком сапоги партизанам, возвратившимся с разведки, помогала повару варить обед, чистила оружие, убирала в палатке. И днем, и ночью трудилась Александра Мартыновна, и все в отряде стали для нее родными, близкими, она их в шутку называла «дети мои», хоть в лесу жили и пожилые люди. И ее они называли самым теплым словом — «мать».

Отряд уже действовал вторую неделю. Выпал снег, земля, затвердевшая и кочковатая, сравнялась, смолк птичий говор в лесу, но не стихали ни выстрелы, ни пулеметная дробь, отдаленная и сухая, как треск палки по частоколу. В отряд приносили немецкие автоматы, каски, шинели, патроны — партизаны нападали на обозы, уничтожали фашистских карателей, бродивших по селам. Комиссар отряда Павел Фомин готовил людей к крупным операциям.

Враг подтягивал танковые дивизии для нового наступления на Москву. Фомин решил взорвать мост на магистрали и задержать движение немецких колонн. Нужен был опытный разведчик, знавший все тропы и дорожки в лесу: не по просекам, а по густым зарослям следовало вынести мины к мосту. Тогда в поход попросилась Александра Мартыновна. Она ведь знает уваровские леса, как свой дом, как село Поречье, где она выросла. В лесах этих не раз ходили они целыми днями, собирали грибы или ягоды для помещика, лозу для корзины. Здесь, вблизи Уварова, вместе со своей матерью Александра Мартыновна батрачила у помещика, потом, после революции, училась в сельской школе. В последнее время была председателем Ерышовского сельского совета. Как же ей не знать все тропинки и тайные дорожки в уваровских лесах?

Ночью на магистрали был взорван мост, когда на нем находились танки и автомобили с пехотой. К утру вернулись в лес партизаны, усталые, шумливые,

⁴⁰ Женщина в боях за Родину. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 13-17.

проголодавшиеся. Только Александра Мартыновна забилась в уголок в землянке, пролежала весь день под тулупом, вздрагивая от холода, бледная и задумчивая. Дважды к ней подходил комиссар отряда Павел Фомин. Но она куталась в тулуп и притворялась спящей. На рассвете она встала, согрела воду, убрала в палатке, надела ватную тужурку и простилась с партизанами.

— Не могу оставаться, — сказала она Фомину, — нет сил моих. А обузой быть не хочу. Горько мне, но уйду...

Никто не знал истинных причин ее ухода. Лишь к вечеру повар поведал всем, что Александра Мартыновна ждет ребенка. Она все время ходила в тулупе, боясь, что, заметив, о ней станут заботиться. В разведке она три раза садилась отдыхать, а партизаны ее ждали. А разве время теперь с детьми в отряде возиться?

Повар умолк, и грохот взрывов напомнил о страшной битве, которая идет на полях, на дорогах, в лесах. Но не могла заслонить эта битва такой обычный, но всегда многострадальный период в жизни женщины: рождение нового человека. Очередной разведке был дан наказ — найти в городе Уварове Александру Мартыновну, окружить ее заботой, побереечь от врагов. Но найти ее уже не удалось, а неделю спустя в отряде узнали, что Александру Мартыновну, связанную, привели в немецкую комендатуру, в большую каменную новую школу.

С той минуты отряд ничего не мог о ней узнать: она исчезла. Лишь на десятый день плотник Ефрем Цыганков, отец партизана, видел, как на рассвете два немецких солдата тащили по снегу чей-то окровавленный труп, и, когда бросили его под лед озера, Цыганков узнал Александру Мартыновну Дрейман.

Как попала она к немцам, через какие пытки прошла, что стало с ее новорожденным сыном? Никто об этом не знал в Уварове. И лишь теперь из рассказов местных жителей — Анны Минаевой, Анны Гусяковой, Евдокии Каленовой, Ефрема Цыганкова, видевших, как вели и пытали Александру Мартыновну, из бесед с теми, кто сидел вместе с ней в сарае в типографском дворе и избежал казни, и, наконец, из допроса переводчика немецкого коменданта города Уварова Ильинского, который пойман нашими войсками, — лишь теперь мы можем восстановить мученический предсмертный путь матери-партизанки.

Она пришла в город ночью, поселилась в домике, где был врач. Он посоветовал лежать, не выходя на улицу: в Уварове — казни, стоны и слезы замученных, а волнение вредно перед родами. Александра Мартыновна подсчитала запас консервов и колбасы, который ей дали в отряде. Три дня она лежала, а на четвертый день в домик постучали. Александра Мартыновна выглянула в окно: у крыльца полукругом стояли немецкие солдаты. Она накинула теплый платок и открыла двери. Ворвался маленький толстый немец, ударил ее, она закачалась, но два солдата подхватили, связали руки и повели к каменному сарайчику на типографском дворе.

Там оказалось много знакомых. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу: сидеть не разрешали, да и едва ли было это возможно в такой тесноте. Александра Мартыновна продвинулась к стенке, руки, завязанные за спиной, отекали, но она молчала. Ночью ее вызвали на допрос. Солдат привел ее к немецкому коменданту города Уварова капитану Хаазе. На допросе присутство-

вал переводчик Ильинский. Хаазе сказал: «Сядьте!» Александра Мартыновна придвинулась к столу и спокойным голосом произнесла:

— Дайте мне родить... Мне осталось еще три дня... Потом убивайте!

Хаазе посмотрел на нее, рассмеялся, приказал солдатам раздеть ее. Она попыталась сопротивляться, но кто-то тяжелым кованым сапогом ударил ее, она упала. Александру Мартыновну подняли, но сесть не разрешили. Хаазе сказал:

— Во имя вашего ребенка скажите нам, где находится партизанский отряд? Мы знаем, что вы оттуда.

Она помолчала мгновение и ответила:

— Я ничего не знаю и ничего не скажу. Вам удалось меня словить, стало быть, мне суждено погибать. А про отряд я ничего не скажу, сколько ни пытайте.

Хаазе еще спросил: коммунистка ли она? Александра Мартыновна покачала головой, сказала:

— Я еще малосознательная...

Потом комендант предложил ей пройти по улицам города и указать дома, где живут ее знакомые. Она пойдет босая и нагая, только в платке, но чем больше она укажет домов, тем чаще она будет греться.

Два солдата вели ее по ночному городу, морозный ветер обжигал ее тело, она куталась в платок, но шла молчаливая, завязав узелком распустившиеся светлые волосы. Ноги ее, босые и отекающие, ступали по утоптанному снегу. Под утро она вернулась к коменданту, солдат доложил, что женщина не нашла ни одного знакомого дома. Ее вернули в сарай, и все расступились: ее вид заставил всех содрогнуться. Она посинела, при свете восходящего дня даже в этом полутемном сарае можно было различить ее постаревшее и осунувшееся лицо. Она попыталась лечь на пальто, кем-то отданное ей, но немецкий солдат, сопровождаемый тем же переводчиком, всех вывел из сарая, оставив только Александру Мартыновну. Ей же лежать не разрешил: стоять, только стоять!

Три дня пробыла она в одиночном сарае полуголая, без воды и пищи. Никто не знает ни ее мыслей, ни мук, ни страданий. Только один раз к ней тайком пришла колхозница Евдокия Каленова с куском хлеба и супом. Она постучала в стенку сарая и услышала глухой стон. Каленова заплакала, ее поймали, отобрали хлеб и суп, избили.

Александру Мартыновну после этого вновь привели к коменданту. Она уже не могла двигаться от истощения и болей, тело ее раздулось от холода. Хаазе опять спросил:

— Где партизанский отряд? Это вы взорвали мост?

Александра Мартыновна посмотрела на коменданта долгим взглядом, словно соображая, о чем у нее допытываются. Потом сказала:

— Да, я — во всем я виновная...

Больше она ничего не произнесла, впала в беспамятство. Анна Гуслякова, которая проходила мимо комендатуры, услышала чьи-то крики. Приблизившись к окну, она увидела, как двое солдат били шомполами лежавшую Александру Мартыновну. В ту же ночь начались родовые схватки, ее отвезли в сарай, бросили на холодные доски. Всю ночь в домах, прилегающих к типо-

графскому двору, слышали крики и стоны женщины. Все знали — это Александра Мартыновна. Но под страхом смертной казни запрещалось подходить к двору. И никто не мог помочь ей, она шла по своему многострадальному и мученическому пути голодная, истерзанная пытками и побоями, несла в себе нового человека и где-то в глубине своей души находила силы и все еще продолжала жить. Она родила сына, обмыла его снегом, пробившимся в щели сарая, и потеряла сознание.

Она очнулась в комендатуре. Ее одели в какой-то грязный халат. Хаазе сказал ей:

— Ваш сын будет жить только в том случае, если вы скажете, где отряд.

Александра Мартыновна поднялась, посмотрела на всех широко раскрытыми глазами и прошептала:

— Дите пощадите... Он ни в чем не повинен...

Ее ударили штыком, она умолкла, застонала и вдруг закричала:

— Не залить вам кровью земли нашей! Погубите сына, у меня полный лес сыновей, весь отряд!

Ее вновь ударили, ноги ее подкосились. Хаазе начал бить ее сапогом. Но муки ее еще не окончились.

Александре Мартыновне предложили пойти в лес и указать хоть дорогу, ведущую к партизанам. Она поднялась, попросила сапоги и пальто. Она не могла двигаться, и ее усадили в сани. Ефрем Цыганков видел, как Александра Мартыновна повела немцев на восток, а отряд размещался в лесу, к западу от города. К ночи она вернулась, вернее, ее провезли по улицам города, избитую и окровавленную. В комендатуре ей показали мертвого сына. Она заплакала, впервые за все дни своих страданий, словно больше не было сил.

Ее вывели на крыльцо школы, где помещалась комендатура. Там стояли люди — их разгоняли. Александра Мартыновна вытерла слезы, будто они могли ее уличить в слабости, и произнесла скороговоркой, торопясь:

— Не склоняйте головы перед зверьем, придет час нашей победы. Прощайте, родные мои...

Ее толкнули прикладом, она соскользнула в снег, но опять поднялась, босая, измученная, посиневшая, распухшая, истерзанная палачами. И ее голос вновь возник в вечерней тьме:

— Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?!

Но немецкие солдаты всех разгоняли, а Александру Мартыновну затащили во двор, кололи штыками, били, снова кололи, пока вместе со страшным криком она не рассталась с жизнью, как воин, как бессмертный герой земли советской.

И пока враг не будет разбит, все честные люди земли, все, в ком бьется материнское сердце, не забудут предсмертный клич Александры Мартыновны Дрейман. Он звучит, этот клич, из глубины ее мученической души. И никогда не смоеется в памяти народа образ матери, чья любовь к родине, к свободе, к земле своей оказалась сильнее всех ее материнских чувств.

Вечная и бессмертная слава ей!

Елизавета СТЮАРТ

Женщине⁴¹

Ты будешь жить на много лет позднее,
Ты будешь жить во много раз светлей.

Ты будешь видеть солнце золотое,
Сверканье безмятежной вышины,
За то, что забывали о покое
Мы, жившие под бурями войны.
Пусть для тебя, как праздник и награда,
Приходят дни веселья и тепла
За каждый дом, разрушенный снарядом,
За все сады, сожженные дотла.
И если друг единственный и милый
Придет к тебе, как жаждущий к ручью,
За то, что я теперь не долюбила,
Отдай всю нежность и любовь свою.
Над колыбелью сына наклоняясь,
Ты улыбнешься в тишине ночной.
Люби его, от слез оберегая,
За всех детей, не выношенных мной.
И, как цветок весенним утром ранним,
Вбирай всем сердцем лучезарный свет
За каждое погасшее желанье,
За горести суровых наших лет.

И этот мир пленительный и милый
Сумей ценить, как я его ценила!

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Отомсти!⁴²

Казалось, тихо вскрикнула земля,
Когда в сугробы девочка упала,
И, волосы дыханьем шевеля,
Метель над нею глухо простонала.
Над девочкой глумились дикари,
Ей немцы грудь прикладом раздробили.
Склонись над ней. В глаза ей посмотри,
На них слезинки крупные застыли.
Светловолосой девочке не встать:
Под сердцем пули маленькая метка...

⁴¹ Огневые дни: литературный сборник: книга вторая. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 75.

⁴² Там же. — С. 87.

Разрушен дом, убита бомбой мать,
Погиб в огне братишка малолеток.
И без нее распустятся весной
На озере любимые кувшинки,
И на щеке ребенка ледяной
Не тают больше смелые снежинки.
Построят снова светлое жильё,
И кто-нибудь допишет за нее
Страничку ученической тетради.
Склонись над ней, взглядишь в ее черты,
Воспоминаньем сердце растревожа,
И дочь свою невольно вспомнишь ты:
На дочь твою та девочка похожа.
Чтоб милый край не потерять тебе,
Чтоб не погибла дочь твоя родная,
Не знай пощады в яростной борьбе,
Иди вперед, фашистов истребляя.

III. ОГНЕВЫЕ ДНИ

Борис БОГАТКОВ

Наконец-то!⁴³

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас все это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал ее! И наконец-то,
Вот она, желанная, в руках!..
...Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за все родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!

⁴³ Там же. — С. 100.

Н. ТОРОПЦЕВ

Осколком мины...⁴⁴

Осколком мины
 Был он ранен в ногу —
 Бесстрашный снайпер,
 Друг наш боевой.
 Собрали мы товарища в дорогу:
 «Осколок вынут —
 И вернешься в строй...»

Но сдвинув брови,
 Он прервал беседу:
 — Далась же вам
 Подбитая нога!
 Нет, ни в какой
 Я госпиталь не еду.
 Я остаюсь, как прежде, бить врага.

Еще моя винтовка пригодится!
 Она не замолчит
 До той поры,
 Когда не будут
 Над страной дымиться
 Зажженные
 Фашистами костры.

Он улыбнулся,
 Чуть прищуриль веки.
 Из синих глаз
 Рассыпались лучи:
 — Чем более железа в человеке,
 Тем он сильнее,
 Говорят врачи!..

Лев КОНДЫРЕВ

Клятва⁴⁵

С мечом и огнем
 Ворвались
 В наш дом
 Кровавые орды врага.

⁴⁴ Там же. — С. 116.

⁴⁵ Кондырев Л. Огонь: стихи и песни. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 9-10.

За правое дело
Мы в битву идем,
Фашистскому зверю
Ломая рога.
Мы идем по степям,
Где гремит канонада,
По лесам,
Где дымятся
В ночи тополя.
Мы идем отстоять
Рубежи Ленинграда,
За священные башни
Сразиться Кремля.
Мы идем,
И врагу всенародным проклятьем
Каждый шаг наш
Звучит
По изломам торцов.
Мы идем
Отомстить за расстрелянных братьев,
За поруганных жен,
За могилы отцов.
Мы идем
Большеви́стским незыблемым строем
За отчизну сразиться,
И все, как один,
Мы отчизне клянемся
Над прахом героев:
С нами Сталин
И мы победим!

Встреча⁴⁶

Пожар затих и мы вошли в село,
Курился дым над пеплом сероватым,
А чуть левей, у гребня ржавой жести
Стояли неподвижно и сурово
Два тополя с обугленной листвой.
Враг заметал огнем свои следы...
Простоволосая, в разодранной рубахе
Нас встретила старуха возле моста,
Чужая мать. В ее морщинах темных
Дрожала одинокая слеза...
Тогда бойцы остановили танки, —
В скупой слезинке каждый видел мир,
Которому несли мы избавленье.

⁴⁶ Там же. — С. 25.

Красный сокол⁴⁷

*Герою Советского Союза
В. Талалихину*

Худощав
И невысок он.
Возле сердца —
Ордена.
Получил их
Красный сокол
За высокие дела.
Над кремлевскою стеною,
Расправляя
Два крыла,
Поднебесной целиною
Пролетал он,
Как стрела.
Пролетал
В рассветной рани,
Боевой бросая клич,
Чтобы в тучах и тумане
Злого
Коршуна настичь,
Чтоб кончал
Предсмертным часом
Свой полет
К столице враг,
Обрубал он
Когти асам
На воздушных рубежах.
Вот он снова
В битву мчится,
Словно сокол
Из гнезда.
На груди
Его лучится
Жарким золотом
Звезда.
Будет
Вражьем стаям лихо.
Рассекая облака,
Красный летчик Талалихин
На таран
Возьмет врага.

⁴⁷ Там же. — С. 7-8.

Граната⁴⁸

Фашистских банд налетчики —
С отмычкой у ворот.
Вперед, гранатометчики,
За Сталина вперед!

Красной Армии граната,
Бей врага, с размаху бей!
Разрядись в бою, граната,
Смерчем в тысячу смертей!

Гостей к себе не звали мы
В дом светлый и богатый,
Встречай, боец, их сталью
Да яблоком-гранатой.

Красной Армии граната,
Бей врага, с размаху бей!
Разрядись в бою, граната,
Смерчем в тысячу смертей!

Поднялись гады из болот,
Ползут в советский край.
Возьмем фашистов в оборот —
Гранаты запасай.

Красной Армии граната,
Бей врага, с размаху бей!
Разрядись в бою, граната,
Смерчем в тысячу смертей!

Песня кузнецких сталеваров⁴⁹

У древних отрогов хребта Алатау
Над сопками пламя встает,
Здесь гордость народа, рабочая слава —
Могучий кузнецкий завод.

Мы знаем
Металла суровую ярость,
Великую силу труда.
Споем, сталевары,
Как сталь закалялась,
Как в сталь
Воплотилась руда!

⁴⁸ Там же. — С. 21-22.

⁴⁹ Там же. — С. 27-28.

Мартены победы зажгли мы недаром,
 Врагу не сломить нас войной.
 Бессменную вахту несут сталевары,
 Всегда на посту горновой.

Мы знаем
 Металла суровую ярость,
 Великую силу труда.
 Споем, сталевары,
 Как сталь закалялась,
 Как в сталь
 Воплотилась руда!

В борьбе за отчизну, за край наш советский
 Рука сталевара тверда.
 По всем магистралям идут от Кузнецка
 С оружием стальным поезда.

Мы знаем
 Металла суровую ярость,
 Великую силу труда.
 Споем, сталевары,
 Как сталь закалялась,
 Как в сталь
 Воплотилась руда!

Споем, сталевары, чтоб песнь о металле
 Гремела, как утренний гром.
 Споем, сталевары, о выплавке стали,
 О родине песню споем.

Мы знаем
 Металла суровую ярость,
 Великую силу труда.
 Споем, сталевары,
 Как сталь закалялась,
 Как в сталь
 Воплотилась руда!

Дружба⁵⁰

Громят врага
 Стахановским ударом
 Донбасские суровые полки.
 За честь свою

⁵⁰ Там же. — С. 29.

В священном гневе яром
 Поднял Донбасс
 Каленые штыки.
 Громят врага
 Работой боевою
 Шахтеры
 По кузбасским рудникам.
 Боец штыком
 И труженик кайлою
 Подпишут
 Смертный приговор врагам.

Давид ЛИВШИЦ

Украина, Украина!⁵¹

Украина, Украина!
 Ночь твоя сурова...
 Проводила мать до тына
 Сына молодого.
 Наказала строго сыну:
 — Бей злодеев-катов.
 Бей, сынок, за Украину
 Лютых супостатов.
 Не давай врагу пощады,
 Чтобы помнил ирод —
 Горя нашего громаду,
 Слезы вдов и сирот.
 Украина, Украина!
 Зеленыя по скатам...
 Довелось сразиться сыну
 С подлым супостатом.
 Был он добрым партизаном,
 Бил врагов, как надо...
 Только пал он бездыханным
 У родного сада.
 Горько, горько мать грустила
 О сыновней доле,
 В полночь сына схоронила,
 Да взяла пистолы.
 Украина, Украина!
 Степи, перекаты...
 Отомстила мать за сына
 Немцу-супостату.

⁵¹ Огневые дни: литературный сборник: книга вторая. — Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1942. — С. 86.

Леонид *МАРТЫНОВ*

Мы придем!⁵²

Мы придем!
Это знают везде.
Не померкнуть алой звезде.
Мы придем!
Мы придем!
Враг разрушил твой дом, —
Мы придем и на месте том
Новый, светлый дворец возведем.
Мы придем!
Мы придем!
Голос твой,
Партизан молодой,
Слышу я и твой голос, старик,
И твой голос, сестра,
Там, в лесу, где вчера
Был захватчик посажен на штык!
Мы придем!
Враг топтал поля —
Вдвое больше родит земля
Потому, что телами врагов
Унавожены будут поля!
Мы придем!
Мы дойдем до Карпат,
Потому, что остался там брат.
Брат зовет: «Возвращайтесь назад, мы вас ждем!»
Мы придем!
Мы придем!
В клеенчатый плащ,
От остзейских туманов блестящ,
Старый Таллин закутан вдали,
Ждет, чтоб наши пришли корабли.
Корабли приведем,
Мы придем!
Мы придем!
Мы придем!
Ты, Дунай, стал багров
Не от блеска прибрежных костров —
В берегах твоих плещет кровь...
Мы придем!
Верь, Дунай, —
Голубым тебя сделаем вновь!

⁵² Там же. — С. 7-8.

Мы придем и в иные края!
Нам известна берлога твоя,
Наглый зверь! Близок час —
Не уйдешь ты от нас.
Мы придем!
Мы придем и тебя мы найдем,
На расправу тебя поведем
На цепи, как чудовищ ведут,
Мы придем!
Близок суд!
Мы придем!
Это знают везде.
Не померкнуть алой звезде!
Мы придем!
За Великим вождем мы идем.
Мы придем! Близок час —
Ждите нас!

Дмитрий ВОЛОДИХИН

СИБИРЬ НЕИЩЕРПАЕМАЯ

О книжной серии «Сибириада»

Книжная серия «Сибириада», основанная в 2006 году издательством «Вече», на первый взгляд, пестра, как Сорочинская ярмарка. И чего только нет там... Благо история русской Сибири начинается с XVI столетия и продолжается по сей день! Благо Сибирь уже вырастила нескольких классиков нашей литературы, да и сейчас время от времени выдвигает на сцену изящной словесности новых талантливых авторов. Благо роман, построенный на сибирской тематике, может укладываться в разные «форматы» — от детектива до философской прозы.

Есть где развернуться.

Так, например, Владимир Дегтярёв издал в «Сибириаде» своего рода шпионский роман из эпохи Ивана Грозного — «Золото Югры». А книга Алексея Воронкова — нарочито заякоренное в исторических фактах повествование о борьбе русских с маньчжурами за Приамурье в XVII столетии. Один из патриархов русской фантастической прозы Геннадий Прашкевич выпустил под знаком «Сибириады» сборник «На государевой службе», состоящий из двух больших повестей: «Тайна подземного зверя» (другое название «Носорукий») и «Тайна полярного князьца». Обе посвящены русским землепроходцам XVII века и обе по стилистической изысканности представляют собой почти что поэмы в прозе. Дмитрий Федотов соединил мистическими нитями век XVIII и современность в романах

«Огненный глаз Тенгри» и «Хозяин урмана». Михаил Щукин в целом каскаде романов — «Ямщина», «Лихие гости», «Конокрад» — развернул эпическую панораму сибирской жизни в XIX столетии. А, скажем, Петра Краснова (роман «Заполье»), Вениамина Кольхалова (роман «Пурга»), Анатолия Байбородина (роман «Поздний сын», повести «Не родит сокола сова», «Горечь», «Утоли мои печали», «Белая степь») и Наталью Иртенину (роман «Царь-гора») интересует «большое настоящее». Иными словами, историческая эпоха, включающая в себя современность и ту часть прошлого, которая пронизана для людей нашего времени живой болью, которую рано относить к эпохам, представляющим главным образом академический интерес, которая будит эмоции сопереживания и сострадания к своему народу. Еще лет пять — семь назад нижняя граница «большого настоящего» в России проходила по 1917 году и Гражданской войне, сейчас она передвигается, а может, уже передвинулась в 30-е и 40-е, но не позже, нет. У нас «большое настоящее» отягощено такими долгами и такой болью, что упаси господь «проскочить» его бездумно, бесчувственно, «скорым изгоном»... При том, что наше время, постсоветская эра, само по себе рождает новые потоки боли, хаоса, тьмы. То же «Заполье» Петра Краснова, блистательного стилиста, наполнено мотивами сопротивления, которое оказывает

порядочный человек лжи и несправедливости, переполнявшим страну еще совсем недавно, в 1990-х.

Итог: «Сибиряда» — разнообразие великое.

Не говоря уже о том, что серия приютила известных читателю еще с советских времен и тогда же экранизированных Дмитрия Мамина-Сибиряка, Григория Федосеева, Анатолия Иванова, Георгия Маркова, Константина Седых.

Ну и конечно, серия не могла обойтись без такого кряжа сибирской литературы, как Николай Павлович Задорнов. Ведь это именно о нем сказано в американской литературной энциклопедии: «Задорнов поднял пласты истории народов, не известных до сих пор цивилизации. Он красочно изобразил их быт, с глубоким знанием рассказал о нравах, привычках и семейных спорах, несчастьях, житейских неурядицах, о тяге к русскому языку, русским обрядам и образу жизни... Его роман “Амур-батюшка”, ставший на его родине классикой, переведен на многие языки. Несмотря на то что в его произведениях нет партийной темы, писатель был удостоен высочайшей послевоенной награды СССР — Сталинской премии. Это беспрецедентный случай в советской литературе».

К настоящему времени «Сибиряда» — одна из самых долгоживущих серий в России. Число вошедших в нее книг уходит далеко за сотню. По нынешним временам, очень и очень неласковым к традиционному книгоиздателю, это едва ли не чудо.

Казалось бы, что может создать из такого многообразия единство? А ведь единство есть, оно чувствуется. Интуиция схватывает его, только разум не сразу формулирует его суть и границы. Неужели только сибирский «антураж»? То есть хоть бы что, лишь бы за Уралом? Или, может быть, важно то, что большинство авторов — сибиряки и им присущ какой-то один особый творческий

стиль, какая-то объединяющая литературу Сибири стилистическая манера?

О нет. Тут все гораздо сложнее.

Какое там стилистическое единство между столь разными авторами, как Геннадий Прашкевич и Михаил Щукин! Да у них все разное — способы строить диалог, композиционные структуры, лексика. Два крупных писателя-сибиряка... чуть ли не противоположных друг другу по стилистическим параметрам.

Да и, честно говоря, антураж-то в высшей степени разный. Сибирь — не регион, она сравнима с континентом, с целой планетой, вмещающей в себе десятки разных бытовых укладов, языков, климатов и ландшафтов. Механическое их суммирование не дает никакого единства.

Единство тут выстраивается сложнее.

Вот его элементы: *единство протянутого «сибирского времени» от Ермака до наших дней, мистическая наполненность сибирских пространств и еще, пожалуй, умение писателя сделать сибирский контекст полноправным героем повествования* — так, чтобы Сибирь не просто уходила вдаль из-под саночных полозьев, а дышала в лицо всякому персонажу и читателю, разговаривала с ними, властно поворачивала сюжет: вот убери Сибирь — и сюжет не срастется, потеряет смысл и связность!

Разумеется, так сумеет не всякий писатель, только лучшие. Но ведь любое литературное единство имеет смысл только тогда, когда оно складывается из сильных текстов, а не изо всех без разбора.

Что такое единое «сибирское время»?

С одной стороны, категория неуловимо-зыбкая, с другой — совершенно ясная для тех, кто пребывает внутри нее. Она столь же невыразима и столь же пронзительно понятна, как любовь.

Литература Сибири дарит стойкое ощущение: то, что начиналось при Ермаке, по сию пору не закончилось. Огромное, многовековое действие представляет собой непрерывную единую драму, при-

том драму какую-то оптимистическую, лишенную языческого фатализма, наполненную светом, льющим из будущего.

Всякий связный и отдельный отрезок судьбы Сибири — акт в этой драме, не имеющий смысла без предыдущих и последующих актов. Всякий сюжет, развивавшийся, но не оконченный сто, двести, пятьсот лет назад, — подобен шахматной партии, доведенной до миттельшпиля и брошенной, но фигуры по-прежнему стоят на доске; всегда можно вернуться и доиграть партию.

Вот, скажем, романы Дмитрия Федотова «Огненный глаз Тенгри» и «Хозяин урмана». В обоих случаях единое сибирское время соединяет две половинки «недоигранного» сюжета. Наши современники — журналисты, геологи и чудовищный олигарх Беров — сталкиваются со сверхъестественными явлениями, с которыми познакомились еще в середине XVIII века два экспедиционных отряда: ученого Семёна Крашенинникова и казачьего урядника Никиты Колобова. Так или иначе, людям XXI века приходится завершить «партию», начатую их далекими предками. С риском для жизни, с потерями, но все-таки завершить. Есть тут что-то от известного фильма «Джуманджи»...

А роман Михаила Щукина «Ямщина» рассказывает о сибирском варианте русской цивилизации, представлявшем собою в XIX веке самодостаточный, сложный, цветущий мир. Автор выписал его с большой любовью и не меньшей точностью (специально «подобрана» лексика, показан в мелочах быт того времени, обнажены отношения между разными общественными слоями, например «народный монархизм»). Щукин предсказал и его гибель — катастрофическую, тотальную, в страшной боли. Такова судьба русской Сибири в 20-х — 30-х годах XX столетия. Поэтому Щукин представил этот мир как часть «русской Атлантиды», затопленной во время и после Гражданской войны. И без последнего, кровавого

отрезка судьбы процветающей Сибири весь сюжет потерял бы смысл!

У Натальи Иртениной в «Царь-горе» точно так же, как и у Федотова, наши современники связывают веревочку, казалось бы разрушенную столетие назад. Офицер-монархист Пётр Шергин участвует в попытке освобождения Николая II из екатеринбургского плена. Ссылный император в последний момент отказывается от бегства, имея шансы спастись. Шергин получает от него послание, все объяснившее. Там сказано, что государь сознательно пошел по пути жертвенному — зная, что Россия будет спасена через много десятилетий, но сейчас не способна покаяться за грехи, за всю ту гниль, которая накопилась в народной душе, а потому на исходе дней для царя не может быть спасения на штыках, ведь от Бога ему открыта только дорога мученичества... Подавшись в колчаковцы, Пётр Шергин добирается со своим полком до Алтая. Обретя здесь мистическое откровение, он оставляет своему далекому потомку бумаги, связанные с Николаем II и предсказанием о грядущем спасении России. А этот самый потомок, Фёдор Шергин, неудачливый аспирант и коммерсант с уголовной огранкой, в наши дни бежит на Алтай от бандитской мести за долги. Столичный хлыщ, бабник, болтун, он должен покинуть Москву и уносить ноги подальше. Однако спасению его мешают inferнальные силы. Добравшись до Алтая, Фёдор Шергин оказывается в критической ситуации. Под занавес ему все же достается наследство предка, и Россия белая, Святая Русь как будто передается ему вместе с бумагами покойного офицера в законное владение...

Такова логика единого «сибирского времени»: что завязалось давным-давно, развяжется здесь же, на великих равнинах, в темных урманах и раскольничьих скитах, на волнах студеного моря. Через век, два, может быть, через три, но когда-нибудь — обязательно развяжется. Логика сибирской литературы, лучшей ее

части, ведет к осознанию прерывистого, дискретного единства в громадном хронологическом потоке «Сибирь».

Как может контекст Сибири влиять на сюжет и становиться полноправным действующим лицом в романе? Перед сильнейшими авторами «Сибриады» подобный вопрос не стоит: собственно, у них это получается само собой, естественно и органично. Во всяком случае, самые удачные романы серии создают именно такое впечатление.

В романе Михаила Щукина «Лихие гости» вообще главный смысл всего повествования — развернуть панораму исторической Сибири во всей сложности и разнообразии, познакомить наших современников с тем, чем являлась Сибирь столетие с лишком назад. Сюжет фактически выстроен как экскурсия по Сибири, и сила его не в лихих приключенческих коленах (хотя и это есть), а в полнокровном описании старины. Живые лица, живые поступки, живой язык. Я уже назвал как-то роман Михаила Щукина «мечтой социолога». Теперь назову его еще и «мечтой этнографа», изучающего русский народ. Сибирская старина показана в романе с большим знанием дела. Видно, что автор хорошо знает материальный быт, понимает суть обычаев и практическую пользу древних устоев Сибири. Более того, чувствуется, что Щукин выписывает своих героев с любовью (даже злодеев), он пишет «о наших для наших». Книга лишена сепаратистских настроений. Нередко от сибирских деятелей культуры слышишь: «Вы — Россия, а мы — Сибирь», — хотя никакой здоровой основы под такими заявлениями не сыщешь. В книге Михаила Щукина огромный русский мир связан многочисленными нерасторжимыми нитями и коренные русские земли прочно спаяны с сибирскими областями единством культурным, политическим, экономическим.

Для Геннадия Прашкевича ритм, заданный сибирскими ландшафтами, во-

обще важнее сюжета. Сюжет — дело наживное, люди от сотворения мира одинаковы, с ними приключается все одно из века в век. А вот мир, в котором они живут, богат своеобразными красотами и угрозами, он поворачивает человека не меньше, нежели сам человек куда-то направляет себя. Человек прост — мир сложен. Вот один из персонажей Прашкевича — казак Григорий Лоскут, гордый человек, крепкий мужик и странник по натуре, ему всюду не хватает воли.

Он жалуется:

«— В Якуцке тесно.

— Здесь не Якуцк (разговор идет в землях пустых и неизвестных, в отдалении от освоенных русскими мест. — Д. В.).

— А мне и здесь тесно.

— От кого бежишь?

— Не знаю.

— Ну, хорошо. Ну, дойдешь до края земли, что дальше?

— А я и дальше пойду.

— В океан упрешься.

— Коч построю.

— Да куда?

— Не знаю.

Подумал:

— А разве за океаном ничего нет?»

Так не сама ли бескрайность Сибири соблазняет и ведет неутомимого землепроходца?

Пожалуй, главнейшая характерная черта «Сибриады»: серия подает Сибирь как громадную чашу, разверзшуюся от «Камня» до Тихого океана и вдосталь, с горкой наполненную мистикой.

Здесь всякий «реализм» ограничен, ибо Сибирь — как минимум в литературе (о действительности скажут сами сибиряки) — чудеснее коренной Руси. Древле-владимирская земля слишком уж отравлена нервным беспокойным бытом больших городов. Святая древность тут говорит едва слышно, к ней надобно приблизить ухо и внимать сосредоточенно, отрешенно. А над тайгой и древними городами, начинавшимися с казачьих острожков,

кажется, тоньше пленка, отделяющая мир физико-химический, наукообъяснимый, от мира сверхъестественных сущностей. Здесь легче услышать то, что в Европейской России едва различимо за шумом современной цивилизации.

«Сибириада» предлагает настоящую коллекцию мистики с разными корнями.

Дмитрию Федотову, например, близка игра стихий и энергий. В его романах разлито мировидение, характерное для «ефремовской школы» советского времени. Только традиционные «ефремовцы» были фантастами, а Дмитрий Федотов стер всякое различие между фантастикой и обыденностью. В его исполнении сибирская действительность приобрела отенок восточного эзотеризма.

Геннадий Прашкевич с радостью, чуть ли не с нежностью дает место мифопоэтической стихии сибирских народов, особенно юкагиров.

У Камиля Зиганшина в романе «Скитники» мистика отчетливо приобретает староверческое толкование, притом довольно необычное. Кажется, христианское ядро в нем размыто языческими верованиями местных древних народов; обычай взял верх и над Священным Писанием, и над Священным Преданием.

Но преобладает в «Сибириаде» все-таки мистика православная. Те же Анатолий Байбородин, Михаил Щукин и Наталья Иртенина в этом смысле — абсолютно ортодоксальны.

Роман Михаила Щукина «Ямщина» представляет собой добротный образец христианского реализма, хотя и отягощенного некоторыми «народными», т. е. полужазыческими представлениями о вере (ведь таким и было сибирское православие XIX века, что называется, «на низу»). Мистический элемент легко соединяется с реалистической основой повествования, ничуть не вступая с нею в конфликт.

Анатолий Байбородин в интервью, которое он дал журналу «Парус», вы-

разил свою позицию без полутонов: «В сибирском крестьянском быту народное мировоззрение, в отличие от южнорусского, окончательно освободилось от языческого поклонения матери-сырой земле, природным стихиям, взойдя к пониманию природы как творения Божия». В главных текстах Байбородина, ставших частью «Сибириады», автор выступает как подчеркнуто православный человек.

А для Натальи Иртениной в поздних ее повестях и романах (примерно с 2005 или 2006 года) главной особенностью писательской манеры стало полное неразличение границы между реальностью привычного мира и мистическими явлениями. У нее реально то, что православное верование считает таковым. Она работает в рамках почти традиционного реализма, добавив к нему лишь то, что никакой «критический реалист» или соцреалист не признал бы реальным. А именно — прямое вторжение в нашу жизнь святых (в романе действует персонаж, весьма напоминающий Серафима Саровского) и бесовских сил. Реализм Иртениной включает в себя признание чуда неотъемлемой частью мира людей, это *христианский реализм*. Соответственно, мистический Алтай в ее романе «Царь-гора» — место концентрированного, ярко и страшно вывалившегося в человеческую реальность противоборства между силами, кои возглавляет мятежный Денница, и Божьим миром.

* * *

Остается повторить: «Сибириада» в современной литературе России — явление уникальное, каким-то чудом продержавшееся десять лет и по сию пору вполне живое. И не сказать чтобы составители с жаром угождали вкусам массового читателя. Серия живет в широком диапазоне: от чистых приключений до высокой прозы. Она уже подарила русской словесности несколько книг, которые в пору прописывать в учебниках...

Светлана ГОЛИКОВА

РИСУНКИ ВЕРЫ ШТЕЙН

Среди многих незаурядных и глубоких личностей, чье творчество определяет историю изобразительного искусства Сибири, особенное место принадлежит новосибирскому скульптору Вере Фёдоровне Штейн (1881—1971).

Вера Фёдоровна родилась в Петербурге, в семье профессора консерватории Ф. Ф. Штейна — представителя старинной музыкальной династии, известного пианиста, концертировавшего в Европе и встречавшегося с Шуманом, Листом, Шопеном. В 1903—1905 годах она изучала живопись и скульптуру в петербургской Академии художеств, а два года спустя продолжила образование в Париже, где брала уроки в академии Коларосси и пользовалась советами Родена. После возвращения в Россию в 1909 году в круг интересов В. Ф. Штейн наряду с искусством вошла наука: она увлеченно занималась историей античного Причерноморья, участвовала в археологических раскопках в Крыму, читала лекции в Рабочем воскресном университете при Эрмитаже и Русском музее. Позднее, в конце жизни, она публиковала исследования по проблемам археологии Сибири.

В начале 1930-х годов, пережив, подобно многим ее современникам, арест и ссылку, Вера Фёдоровна переехала в Новосибирск. Здесь, став с 1934 года членом Союза советских художников, она на протяжении долгих лет постоянно участвовала в выставках, исполняла скульптурные портреты, в содружестве с

архитекторами создавала монументально-декоративные композиции для различных зданий города. Одним из лучших произведений скульптора по праву считается барельеф «Танцы народов СССР» над входом в Новосибирский театр оперы и балета, выполненный при его строительстве в 1939—1940 годах.

В коллекции Новосибирского художественного музея наряду со скульптурными работами В. Ф. Штейн (портретом революционера Н. А. Морозова, моделями памятников М. Ю. Лермонтову и М. И. Глинке), а также ранними живописными этюдами петербургского и парижского периодов хранятся несколько графических листов, исполненных в 1930—1950-х годах. Они представляют еще одну грань творческого наследия мастера и знакомят со своеобразной, всегда безошибочно узнаваемой манерой Штейн-рисовальщика.

Четыре портретных рисунка из новосибирского собрания привлекают внимание классической ясностью и сдержанностью художественного языка, неизменностью графических приемов, свойственных автору. Разделенные четвертью века, они чрезвычайно сходны в технике исполнения, в трактовке частных деталей, в общем образном решении.

Характерные для рисунков В. Ф. Штейн предельная достоверность, впечатление осязаемости воспроизводимых пластических форм наиболее очевидны в листе «Санька раскулаченная» (1931).

Лицо позирующей немолодой крестьянки, сосредоточенное и суровое, показано во всех подробностях, воспринимающихся как объективное и беспристрастное повествование о ее судьбе. Мелкие частые штрихи воспроизводят густую сеть морщинок; цветовые градации графита, красного и коричневого карандашей служат иллюзорной светотеневой лепке объемов. Твердыми карандашными линиями, акцентированными акварелью, изображены напряженные, глубокие складки у переносицы, в уголках рта; их пластическая четкость заставляет вспомнить о творческом опыте Штейн в области скульптуры. Отчетливыми штрихами обозначены трещинки на бескровных, плотно сжатых губах. Эта тщательная, скрупулезная детализация рисунка позволяет зрителю ясно и неторопливо прочитывать во внешнем облике изображенной историю ее нелегкой жизни, ощущать цельность и достоинство созданного художницей образа.

Модели остальных портретов В. Ф. Штейн из новосибирского собрания принадлежат к иному общественному кругу — кругу артистической и научной интеллигенции. Биография артиста Стойкова (?), представленного на рисунке 1934 года, пока остается непроясненной. Лист 1957 года изображает старшего брата Веры Фёдоровны, Алексея Фёдоровича Штейна (1870—1959), пианиста, в 1894—1920 годах — профессора Петербургской консерватории, педагога, стоявшего у истоков музыкального образования в Новосибирске. Вместе с Алексеем Фёдоровичем художница поселилась в Витебске, а затем, после соловецкого заключения, в Новосибирске. Женский портрет 1932 года на основании надписи на его обороте может быть предположительно определен как изображение Ксении Алексеевны Морозовой, супруги известного революционера-народовольца

и ученого, директора Естественно-научного института имени П. Ф. Лесгафта Николая Александровича Морозова, чей скульптурный портрет В. Ф. Штейн исполняла в 1912 году. Морозов был не только активным деятелем в области политики и науки, но и владельцем большой художественной коллекции, унаследованной от отца, помещика усадьбы Борок Ярославской губернии. В его собрании находились произведения В. Л. Боровиковского, И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина, М. В. Нестерова, Б. М. Кустодиева, А. Я. Головина, Л. С. Бакста, а также работы художников, с которыми Николай Александрович встречался и дружил: А. П. Остроумовой-Лебедевой, И. Е. Репина, Н. К. Рериха, Д. Д. Бурлюка, В. Ф. Штейн. Известно, что в этой коллекции имелись портреты К. А. Морозовой, исполненные Верой Фёдоровной предположительно в 1934 году, с которыми, возможно, связан и новосибирский рисунок.

Эти портретные образы созданы теми же средствами, что и «Санька раскулаченная». Внимание художницы так же сосредоточено на лицах изображенных, которые подробно и осязаемо моделируются ложащейся по формам тонкой штриховкой, жесткой и четкой в портрете Стойкова (?), тонально сближенной, подчеркивающей мягкость красивых, элегантных черт в портрете Штейна, более легкой и деликатной в набросочном портрете Морозовой. И та же строгая сдержанность главенствует в образном строе этих листов.

Ясная завершенность в характеристике моделей, исчерпывающая точность художественного высказывания определяют неповторимость и неординарность небольшого графического наследия Веры Фёдоровны Штейн, заметно выделяющегося среди произведений многих ее современников.

АВТОРЫ НОМЕРА

Ахпашева Наталья Марковна родилась в 1960 г. в с. Аскиз, Хакасия. Окончила Абаканский филиал Красноярского политехнического института, Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многочисленных журнальных публикаций и нескольких поэтических книг. Член СП России. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Работает в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова. Живет в Абакане.

Бурбилова Виктория Сергеевна родилась в 1997 г. в поселке Кичера, Республика Бурятия. С 2000 г. живет в г. Картгат, Новосибирская область. Публикуется впервые.

Володихин Дмитрий Михайлович родился в 1969 г. в Москве. Окончил исторический факультет Московского государственного университета. Доктор исторических наук. Автор книг «Полдень сегодняшней ночи», «Убить миротворца», «Государева служба» и др. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Москве.

Голикова Светлана Павловна — заместитель директора по научной работе Новосибирского государственного художественного музея.

Ермоленко Станислав Маркович родился в новосибирском Академгородке. Окончил гуманитарный факультет и аспирантуру по кафедре древних литератур и литературного источниковедения Новосибирского государственного университета. В 2009—2010 гг. старший научный сотрудник Новосибирского государственного художественного музея. С 2011 г. — начальник отдела ценных и редких книг Новосибирской государственной областной научной библиотеки, руководитель секции историко-культурного наследия и краеведения Новосибирского библиотечного общества, руководитель Новосибирского регионального центра по работе с книжными памятниками.

Ковалёв Виталий родился в Риге в 1957 г. Окончил Латвийскую академию искусств по отделению книжного оформления и иллюстрирования, работал

в издательствах. Публиковался в журналах «Волга — XXI век», «Сибирские огни», периодических изданиях Латвии и США. Живет в Риге, занимается дизайном.

Маркович Яков Семёнович родился в Баку в 1941 г. Окончил Московский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию в ИМЛИ. Публиковался в «Новом мире», «Дружбе народов», «Литературной учебе» и пр. Член СРП. Живет в Москве.

Меер Геральд родился в 1941 г. в Новосибирске, окончил Новосибирский электротехнический институт, работал ведущим конструктором новосибирского филиала ОКБ Сухого. Автор книг и публикаций в периодической печати. Живет в Новосибирске.

Петунин Сергей Владимирович родился в поселке Ола Магаданской области. Выпускник факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. С 2013 г. работал в новосибирских СМИ, с 2014 г. — сотрудник Новосибирской государственной областной научной библиотеки.

Скрацук Владимир Владимирович родился в 1973 г. в Ангарске Иркутской области. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета, служил командиром артиллерийского взвода в Забайкальском военном округе. После увольнения из армии работал слесарем, журналистом. Работает в пресс-службе Богучанской ГЭС.

Юмина Ангелина Нафанаиловна родилась в Горьком. Окончила Челябинский государственный институт культуры. В 1972—2014 гг. работала в Новосибирской государственной областной научной библиотеке, с 2014 г. — главный библиограф ЦРБ им. П. П. Бажова МКУК ЦБС Ленинского района Новосибирска. Автор ряда публикаций краеведческой тематики. Почетный работник культуры Новосибирской области.

Янгол Олеся (Чмыр Олеся Владимировна) — художник, поэт, прозаик. Публиковалась в журналах «Приокские зори», «Волга — XXI век». Живет в Риге.

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал **«СИБИРСКИЕ ОГНИ»** в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

**630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,
тел.: (383) 354-07-66, факс (383) 344-92-94
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф**

Сдано в набор 15.06.2015 г. Подписано в печать 14.07.2015 г.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 1500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Торговый Дом Азия-принт»
Адрес: 650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а
Телефон: (3842) 35-21-19